РУСКАЯ

ИСТОРІЯ,

СОЧИНЕННАЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

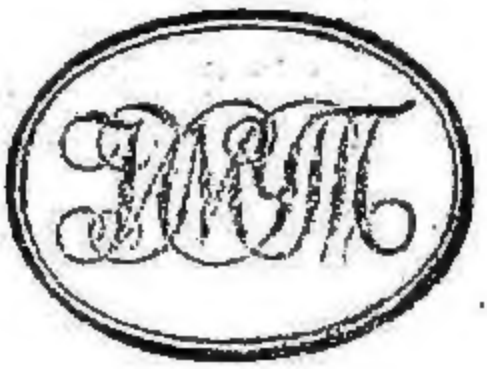
Изданіе третіе и вновь дополненное.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Ноября 13го дня 1823 года *О. П., Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*



ОГЛАВЛЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

Обозрѣніе внѣшняго и внутренняго *состоянія* Европы отъ великаго перелома Европейскаго до мятежа Французскаго, то есть отъ 1733 до начала 1789 г. — Достопамятный 1789 г. — Недоумѣніе Екатериным и новыя ея упражненія. — Письмо Екатерины къ Принцессѣ *Беллонти*. — Письмо отправленное съ Рускимъ курьеромъ къ Графу *Сегюрц* о дѣлахъ Шведскихъ. — Война съ Швеціей усиливается. — Письмо Екатерины къ *Циммерманц* въ Маѣ 1789 г. — Румянцевъ удаляется въ сельское уединеніе. — Потемкинъ желаетъ нераздѣльной военной славы. — Военныя извѣстія изъ Турціи. — Продолженіе войны съ Швеціей. — Прибытіе Потемкина къ войску. — Предписанія Потемкина Князю Репнину, дѣйствовавшему въ *Молдавіи* и *Бессарабіи*. — Извѣстіе Репнина къ Суворову. — Соединеніе Суворова съ Принцемъ *Кобургскимъ*. — 20 Іюля 1789 г. *Фокшанское* сраженіе. — Потемкинъ подъ *Бендерами*. — Продолженіе войны съ Швеціей на морѣ и на сухомъ пути. — Подвигъ

Генерала *Денисова* и сотрудниковъ его. — 11 Сентября 1789 г. побѣда подъ *Рымникомъ*. — Сія побѣда споспѣшествуетъ движеніямъ Австрійскаго Фельдмаршала Лаудона. — Военныя дѣйствія 1789 г. кончились занятіемъ *Бендеръ*. — Въ Февралѣ 1790 г. воспослѣдовали два достопамятныя внѣшнія произшествія: *вопервыхъ*, союзъ Пруссіи съ Турціей; *вовторыхъ*, смерть Императора *Іосифа Втораго*. — 1790 Г. новыя усилія Короля Шведскаго къ истощенію войска и казны Государственной. — 16 Апрѣля 1790 г. поискъ Рускихъ на Шведскія укрѣпленія при *Пардикоксѣ* и *Керникоксѣ*. — Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ Начальникъ арміи въ Швеціи. — Подвиги Барона *Игельстрома*. — Смерть мужественнаго Принца *Ангальта*. — Неудача Шведовъ подъ *Нейшлотомъ*. — 22 Апрѣля 1790 г. Густавъ самолично обозрѣваетъ Рускія войска. — 24 го Густавъ пораженъ Генераломъ Денисовымъ при мызѣ *Ораловой*. — Преслѣдованіе Шведовъ. — 30 Апрѣля 1790 г. Чичаговъ поражаетъ Шведскій флотъ на *Ревельской рейдѣ*. — Сраженіе подъ *Красною горкою* въ 30 верстахъ отъ Кронштата. — Новая слава Адмирала *Круза*. — При неудачахъ своихъ подкрѣпляясь *Англіей*, Король Шведскій угрожаетъ

Петербургу. — Подвигъ флота Капитана *Селезнева.* — Отвѣтъ Рускаго *Фридрихсгамскаго* Коммендантa. — 24 Мая Генералъ Хрущовъ поражаетъ Шведовъ. — Въ Маѣ 1790 г. начало военныхъ дѣйствій въ Турціи. — Подвиги Контръ-Адмирала Ушакова. — Миръ Швеціи съ Россіей. — Новыя побѣды Ушакова на Черномъ морѣ. — Въ исходѣ Августа уничтожены замыслы Турокъ за *Кубанью.* — Приготовленія къ штурму Измаильскому. — Князь Лобановъ-Ростовскій охотою вызывается подъ Измаилъ. — Осада Измаила. — Покореніе онаго 11 Декабря 1790 г. — Разрушеніе союза Австріи съ Россіей. — Англія и Пруссія домогаются преклонить на свою сторону Польшу. — Смерть Австрійскаго Фельдмаршала *Лаудона.* — Состояніе Европы, изображенное Екатериной въ письмѣ къ Принцу *Делиню.* — Въ Январѣ 1791 г. Суворовъ прибылъ въ Петербургъ. — Непріязненныя намѣренія Дворовъ Европейскихъ. — Въ Мартѣ начало военныхъ дѣйствій за Дунаемъ. — Суворовъ начальствуетъ въ Финляндіи. — 26 Апрѣля 1791 г. празднество, данное Екатериной въ *Таврическомъ* дворцѣ. — Суворовъ укрѣпляетъ границы Финляндіи. — 4 Іюня 1791 г. Кутузовъ разбилъ Турокъ при *Ба-*

бадѣ. — 22 Ч. того же мѣсяца Гудовичь овладѣлъ крѣпостью *Анапою*. — Іюня 28 *Мачинское* сраженіе, одержанное подъ начальствомъ Князя Репнина. — 31 Іюля Ушаковъ снова поразилъ Турецкій флотъ и угрожалъ Стамбулу. — Повѣствованіе иностраннаго писателя о побѣдѣ Князя Репнина подъ *Мачинымъ*. — Отправленіе Потемкина въ *Молдавію*. — Смерть Потемкина. — Замѣчанія о Князѣ Таврическомъ. — По смерти Потемкина Графъ Безбородко по собственному вызову отправился въ *Яссы* для заключенія мира. — Подвигъ Безбородки. — Послѣдствіе мира, заключеннаго 29 Декабря 1791 г. — Облегченіе народныхъ тягостей. — Письмо Екатерины къ Николаю Семеновичу Мордвинову. — Бурное стремленіе Французскаго мятежа. — Польша возмущается. — Обстоятельства, предшествовавшія сему возмущенію. — Внутреннее состояніе Франціи въ продолженія 1791 г. — Суворовъ наблюдаетъ революцію въ подлинномъ ея видѣ. — Въ исходѣ 1792 г. Французскій Король приговоренъ къ смертной казни. — 1793 Г. дѣла Польскія. — 28 Марша 1793 г. заключеніе особеннаго постановленія Россіи съ Англіей. — Безвременныя условія о взаимной торговлѣ. — Разбойническія Алжирскія

бласти признаютъ Францію *Республикою*. — Дѣйствіе Французскаго буйства въ Польшѣ. — Мнѣніе о Польшѣ *Лаверна*, *издавшаго* на Французскомъ языкѣ жизнь Суворова. — 2 Сентября 1793 г. торжествованіе мира, заключеннаго съ Турціей 1791 г. — Даръ Екатерины *Румянцову* Задунайскому. — Отвѣтъ Румянцева. — Бракосочетаніе нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Перваго. — Въ началѣ 1794 г. Французскіе мятежники возбуждали Турцію противъ Россіи. — Предписаніе Екатерины отъ 10 Января 1794 г. Адмиралу Мордвинову. — Внутреннія Польскія произшествія. — Возстаніе противъ Рускихъ, 6 Апрѣля. — Станъ союзныхъ войскъ подъ Варшавою. — Дѣйствія Суворова въ Польшѣ. — Покореніе Праги и вступленіе Рускихъ въ Варшаву 29 Октября 1794 г. — 1795 Г. Курляндія поручила себя въ покровительство Россіи. — Походъ Рускихъ въ Персію. — Новыя злоумышленія мятежной Франціи противъ Россіи. — Замѣчаніе Екатерины о Пруссіи въ предписаніи Суворову отъ 18 Іюля 1795 г. — Новое образованіе Французскихъ революціонныхъ войскъ. — *Лаверно*, Французскій сочинитель жизни Суворова, свидѣтельствуетъ, что одинъ только сей Рускій Пол-

ководецъ могъ бы тогда возстановить законный порядокъ въ Европѣ. — Прозьба Суворова, чтобы служить въ войскѣ союзниковъ противъ Французовъ. — Отвѣтъ Екатерины отъ 24 Іюля 1795 г. — Кончина Ивана Ивановича Бецкаго 31 Августа 1795 г. — Письмо Суворова отъ Октября 1795 г. къ Лавандейскому Королевскому Генералу *Шаретц*. — Достопамятное начало 1796 г. — 25 Іюня сего года рожденіе Его Императорскаго Высочества Николая Павловича. — Въ продолженіи сего года взятъ Дербентъ. — 1796 Г. Ноября 5 кончина Екатерины. — Политика ея, описанная Графомъ *Паоли - Шапжи*. — Начертаніе образа мыслей и душевныхъ качествъ Екатерины Второй, почерпнутое изъ Государственныхъ ея постановленій, изъ ея замѣчаній и сочиненій.

РУСКАЯ
ИСТОРІЯ.

Отъ Апрѣля 1789 до исхода 1796 года, то есть до кончины Екатерины Второй.

ОБОЗРѢНІЕ ВНѢШНЯГО И ВНУТРЕННЯГО СОСТОЯНІЯ ЕВРОПЫ ОТЪ ВЕЛИКАГО ЕВРОПЕЙСКАГО ПЕРЕЛОМА ДО МЯТЕЖА ФРАНЦУЗСКАГО,

то есть отъ 1733 до начала 1789 года.

Со времени Французскаго мятежа перемѣнились отношенія Державъ Европейскихъ; и тѣ области, которыя сохранили первобытное свое правительство, вынуждены были принять необычайныя мѣры, соотвѣтственныя необычайной бурѣ, возшумѣвшей изъ предѣловъ Франціи. Съ того времени всѣ Европейскіе историки стали входить въ изслѣдованіе причинъ, произведшихъ сіе потрясеніе; ибо до окончанія волненій, возмущавшихъ народы и колебавшихъ престолы, не было ни общей, ни частной безопасности. Лучшіе Французскіе политическіе писатели признаются, что Франція потрясла Европу и принудила другія правительства отступить отъ обыкновенныхъ ихъ дѣйствій. „Мѣст-

ное положеніе Франціи, занимающей средину Европы, долговременное существованіе сей Державы, первенство, пріобрѣтаемое ею нѣсколько разъ на Западѣ, столь сблизили судьбу ея съ судьбою другихъ Державъ, что всѣ почти перемѣны происходятъ отъ перемѣны Французскаго Государства (*). До мятежа Французскаго, или лучше сказать до преобразованія Европы, положительные политическіе законы были почти вездѣ одинакіе въ Державахъ Христіянскихъ: во всѣхъ сихъ странахъ царствовали миръ внутренній, твердость постановленій и благоденствіе (**)."

Начало *великаго перелома Европейскаго* относятъ къ 1733 году, то есть къ смерти Августа, Короля Польскаго.

Великій человѣкъ умѣетъ избирать достойнаго правителя. Петръ Первый вспомоществовалъ Августу въ полученіи Польской короны. „Съ кончиною сего Короля, величайшаго, благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ Монарховъ, все перемѣняется, все приходитъ

(*). Смотр. Новую Французскую Исторію, сочиненную *Сисмондомъ де Сисмонди.*
(**) Смт. Политическія творенія *Бональда.*

въ смятеніе, и Франція первая вступаетъ на поприще новыхъ преобразованій (*)."

И такъ предложимъ краткое обозрѣніе Державъ Европейскихъ отъ сего *великаго перелома* до начала *мятежа Французскаго.*

Франція въ то время *была въ цвѣтущемъ состояніи;* миролюбивыя правила Кардинала *де Флери* споспѣшествовали къ общему благоденствію; войско было устроено, казна Королевская была полна; миръ и торговля распространяли повсемѣстное изобиліе.

Гишпанія помышляла о важнѣйшихъ предпріятіяхъ. Не взирая на знаменитый *Лондонскій договоръ*, отдаливший ее отъ притязаній на Италію, *Инфантъ* находился въ сей области и сами Англичане ввели его туда; Императоръ справедливо опасался послѣдствій сихъ произшествій, лишившихъ его Сициліи. Гишпанія, величаясь своими успѣхами въ Африкѣ, гдѣ завоевала *Оранъ*, возвѣстила, что она намѣрена возвратишь всѣ области, отнятыя у нее злобою враговъ. Сіе объявленіе встревожило всѣ Державы; ибо Гишпанія

(*) Смш. Исторію о *великомъ Европейскомъ переломѣ*, напечатанную въ Лондонѣ 1753 года.

была тогда не только вооружена, но и вооружена чрезвычайно; морская ея сила всегда готова была вспомоществовать войску сухопутному. Дворы Неаполитанскій, Туринскій и Лондонскій прибѣгли къ мѣрамъ осторожности.

Императоръ, имѣвшій нѣкоторые споры съ Дворомъ Гишпанскимъ, былъ тогда въ совершенномъ согласіи съ Дворами Великобританскимъ и Голландскимъ, старавшимися неусыпно поддерживать *равновѣсіе власти*, которой они въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ были непосредственными разпорядителями.

Королева Гишпанская тщетно усиливалась преклонить Францію на свою сторону; Кардиналъ де *Флери* упорно противился ея намѣреніямъ. Въ сихъ обстоятельствахъ умеръ *Августъ*, Король Польскій, и все въ Европѣ перемѣнилось.

Польша, страшась Монархическаго правленія, не хотѣла управляться Королемъ отсутствующимъ; она рѣшилась избрать Короля изъ *Піастовъ*, то есть изъ природныхъ Поляковъ (*). Всѣ взоры обрати-

(*) Августъ, покровительствуемый Петромъ Первымъ, былъ Герцогъ Саксонскій.

лись на *Станислава Лещинскаго*, тестя Короля Французскаго. Къ достиженію сей цѣли Франція употребила обыкновенные свои происки. Императоръ Германскій хотя и неблагопріятствовалъ Франціи, но не желалъ, чтобы сынъ Августа былъ преемникомъ Польскаго престола, ибо отецъ его не подписалъ учиненнаго имъ *завѣщанія* (*). Сынъ подписалъ оное, и вопреки увѣщаніямъ покойнаго Короля, домогался власти надъ Польшей. Король Прускій прервалъ съ Германіей и съ Россіей союзъ, заключенный относительно Польши. *Принцъ* не соглашался на избраніе сына Августа II, представляя, что онъ нарушаетъ всѣ коренные законы. Во всѣхъ, такъ называемыхъ, вольныхъ правленіяхъ каждый домогается владычествовать своею волею. Между Поляками произошли споры и несогласіе. Россія, пользуясь симъ разномыслiемъ и опасаясь содѣйствія Франціи, ввела въ Польшу войска для поддержанія свободнаго избранія. Французскій Король обнадеживалъ Поляковъ, что будетъ отражать силу силою. Здѣсь не льзя не

(*) Pragmatique Sanction Caroline.

замѣтишь, что и въ наше время Французы ополчились на Россію подъ предлогомъ освобожденія Польши. Людовикъ XV объявилъ Императору войну, почитая себя оскорбленнымъ въ лицѣ Станислава Лещинскаго, торжественно отчужденнаго Императоромъ отъ престола Польскаго. Между тѣмъ Французскій Король увѣрялъ Германскихъ Князей, что онъ отнюдь не намѣренъ посягать на ихъ владѣнія и что въ силу *договора Вестфальскаго* онъ желаетъ соблюдать съ ними миръ и согласіе. Исторія есть повтореніе дѣяній и предпріятій человѣческихъ, иногда въ маломъ, а иногда въ обширнѣйшемъ видѣ. И въ нашемъ столѣтіи, отдѣляя владѣльцевъ Германскихъ отъ главы ихъ, Франція надѣялась владычествовать надъ общими ихъ областями.

Дѣйствуя по мнимымъ личнымъ выгодамъ и по ненадежнымъ замысламъ властолюбія, Англія возобновила покушенія свои на Гишпанію. Вступя въ союзъ съ Франціей, она удостовѣряла ее, что, озаботя Императора въ Италіи, она избавитъ Францію отъ всѣхъ затрудненій въ Германіи.

Короли Французскій и Гишпанскій привлекли на свою сторону Короля Сардинскаго, негодовавшаго на Дворъ Вѣнскій за неисполненіе *Утрехтскаго* договора и за то, что онъ отнялъ у него Сицилійскую корону, хотя онъ и истощался за Императора въ войнѣ, предпринятой за наслѣдство Гишпанское.

Сіи три Двора, заключая условія, принимали всѣ мѣры, чтобы совокупно дѣйствовать противъ Императора Германскаго. Французы перешли за Рейнъ; войска Сардинскія, соединенныя съ Французами, дѣйствовали въ Италіи; Гишпанцы сдѣлали высадку въ *Генуэ*. Такимъ образомъ въ исходѣ 1733 года все было въ движеніи для нападенія на Императора, вовсе негоповившагося къ войнѣ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило за вершинами горъ Альпійскихъ и на Рейнѣ, Августъ III принялъ вѣнецъ въ Краковѣ; соперникъ его Станиславъ Лещинскій принужденъ былъ бѣжать. Рускіе и Саксонцы, укрощавшіе Поляковъ, не въ силахъ были доставить Императору надежной помощи. Министры его въ Лондонѣ, въ Берлинѣ, въ Копенгагенѣ, въ Стокгольмѣ, въ Гагѣ, про-

сили помощи въ слѣдствіе договоровъ, существовавшихъ съ Вѣнскимъ Дворомъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ рушилось *равновѣсіе Европы* и начались долговременныя бѣдствія, возмутившія ея спокойствіе. Что же значило сіе столь славимое *равновѣсіе*, естьли смерть одного человѣка низпровергла оное? и сіе самое не явственно ли показываетъ ничтожность *политики* человѣческой? Есть одно правило, которое небесною своею простотою превосходнѣе всѣхъ расчетовъ и замысловъ людей тщеславныхъ, мечтающихъ, что они могутъ все предусмотрѣть и все предупредить; сіе правило заключается въ томъ: *чтобы не дѣлать того другимъ, чего не хотимъ, чтобы намъ дѣлали.* Естьлибъ люди руководствовались симъ правиломъ, тогда бы существовало неизмѣнное *равновѣсіе* и между Державами и между частными обществами; но страсти, вѣчно воюющія противъ здраваго разсудка, влекутъ насъ дѣлать не то, что другимъ полезно, но то, что льститъ нашимъ выгодамъ.

И такъ съ 1733 года началось потрясеніе въ Европѣ не народовъ, но Правительствъ. Тутъ дѣйствовали страсти и

личность каждаго сопротивника не только безъ всякаго отношенія къ общему благу Европы, но даже и безъ всякой особенной пользы для Государства, поднимавшаго оружіе. Франція ополчилась за тестя Людовика XV; Гишпанія и Италіянскія владѣнія пристали къ ней по ненависти къ Цесарю. Безпристрастно можно сказать, что въ семъ случаѣ одна только Россія дѣйствовала сообразно пользамъ Россіи. Послѣ смерти Петра Перваго, споспѣшествовавшаго Августу Второму вступить на Польскій престолъ, ничто не поколебалось въ Европѣ; но смерть сего Короля вдругъ привела въ смятеніе нѣсколько Державъ. Главною сему причиной было не негодованіе Императора на сына покойнаго Короля Польскаго, но домогательства Французскаго Короля, рѣшившагося отдать Польшу своему тестю. Петръ Великій не по прихотямъ самовластія и тщеславія противился утвержденію на престолѣ Станислава Лещинскаго, но по тому, что онъ, бывъ приверженцемъ Карла XII, не стыдился даже быть сообщникомъ и Мазепы, употребляя вмѣстѣ съ нимъ къ низпроверженію Россіи и происки и оружіе. Хотя въ 1733

году сей самый Станиславъ Лещинскій не вооруженною рукою домогался престола, но за него вооружены были Франція, Гишпанія и области Италіянскія. Вѣковые опыты убѣдили въ томъ Россію, что Франція неоднократно искала власти надъ Польшей подъ предлогомъ опасенія Россіи; но Россія тогда не угрожала и не могла угрожать Франціи. Слѣдственно сія Держава увлекалась тѣмъ неумѣреннымъ тщеславіемъ, которое истребляетъ внимательное попеченіе о истинныхъ пользахъ Государственныхъ. Естьлибъ Лещинскій утвердился на Польскомъ престолѣ, то, пользуясь покровительствомъ Франціи и содѣйствіемъ Турціи, которую Франція не преминулабъ возбуждать противъ Россіи, онъ заставилъ бы Россію принять необычайныя мѣры, сопряженныя съ умноженіемъ войскъ и расходовъ. Сіе самое точно и воспослѣдовало, хотя ни Лещинскій, ни зять его Людовикъ XV не успѣли овладѣть Польшею. Едва Руское войско вступило въ предѣлы Германіи для вспомоществованія Императору, буйные Крымцы, возбужденные Портою и Франціей, вторглись въ южныя области нашего

Отечества и внесли въ оныя пожары и убійство.

Какія бы ни были отношенія Россіи къ Державамъ Европейскимъ, но она досель непосредственно содѣйствовала къ общей ихъ безопасности. Сбудется ли когда нибудь предреченіе Жанъ-Жака *Руссо*, что Европа, часъ отъ часу болѣе изнуряемая заразою роскоши, подвергнется игу ордъ Азіатскихъ; сбудется ли сіе предположеніе или нѣтъ: но то неоспоримо, что Россія служитъ досель твердѣйшимъ оплотомъ Европѣ отъ нашествія ордъ Азіатскихъ и единоплеменниковъ ихъ Турокъ, учредившихъ въ областяхъ Европейскихъ не Государство, но *военный станъ*. Распространеніе областей нигдѣ и никогда не утверждало внутренней силы Государственной. Древній Римъ, обладавшій всѣми извѣстными частями міра, палъ подъ бременемъ исполинскаго своего владычества. Сила одного народа не можетъ быть соразмѣрна обладанію, выходящему изъ надлежащихъ предѣловъ. И такъ Россія не для завоеваній ополчалась противъ племенъ Азіатскихъ, окружавшихъ ее и разорявшихъ съ различныхъ сторонъ; внутренняя

безопасность Отечества къ тому ее понуждала. Сія необходимость, существовавшая въ прежнія времена, и теперь еще существуетъ. И такъ Россія, употребляющая войска и издержки къ огражденію себя отъ Турокъ и Азіи, приноситъ пользу и себѣ и другимъ областямъ Европейскимъ.

Обратимся снова къ обозрѣнію состоянія Европы до мятежа Французскаго.

Вторая причина, содѣйствовавшая къ *великому Европейскому перелому*, была смерть Императора Карла VI, воспослѣдовавшая 1746 года. Сей Императоръ былъ послѣднею опраслью мужескаго поколѣнія Дома Австрійскаго. Увлекаясь честолюбіемъ и домогаясь владычества земнаго даже и за предѣломъ гроба, Карлъ, присвоивъ себѣ пространныя области, требовалъ въ духовной своей, чтобы первостепенныя Европейскія Державы утвердили владычество его надъ оными. Малочисленность тогдашнихъ Европейскихъ войскъ принудила ему повиноваться. Италія была въ безсиліи; небольшія земли Германскія были порабощены. По смерти сего Императора всѣ области пробудились и начали взыскивать свои права. Герцогъ Баварскій пре-

бовалъ части наслѣдства; Августъ Польскій предъявлялъ свои права; Король Гишпанскій вступилъ въ число соперниковъ. Отъ сихъ запутанныхъ и многочисленныхъ притязательствъ долженствовало вспыхнуть пламя войны; но оно вспыхнуло совсѣмъ съ неожиданной стороны. Изъ всѣхъ Владѣльцевъ Европейскихъ, одинъ почти Король Прускій не имѣлъ никакихъ правъ на наслѣдство; и онъ первый поднялъ оружіе. Негодуя, что Марія Терезія, вдова покойнаго Императора, не хотѣла ему продать Силезіи, онъ вторгся въ предѣлы ея вооруженною рукою.

Судя по воспитанію Фридерика, никто не ожидалъ, что онъ будетъ отважнѣйшимъ и неутомимѣйшимъ Полководцемъ своего времени; самъ отецъ его думалъ, что онъ только будетъ сочинять Французскіе стихи и играть на флейтѣ. Но по обстоятельствамъ, поспигшимъ его въ правленіе отца его, онъ охладѣлъ къ удовольствіямъ сердечнымъ, рано узналъ свой вѣкъ и убѣдился, соучаствуя во мнѣніяхъ писателей и философовъ Французскихъ, что онъ найдетъ въ нихъ ревностныхъ приверженцевъ и съ помощію ихъ овладѣетъ общественнымъ

мнѣніемъ. Онъ въ томъ и не ошибся. Едва озарился онъ славою побѣдъ, то тѣ же самые философы, которые громко проповѣдывали ненависть къ насилію и любовь къ человѣчеству, назвали его Великимъ; а Вольтеръ поднесъ ему наименованіе *Сѣвернаго-Соломона.*

1756 Года, къ удивленію всей Европы, Франція, послѣ трехсотъ-лѣтней ненависти, существовавшей между ею и Австрійскимъ Домомъ, заключила миръ съ симъ Дворомъ. Императрица *Марія-Терезія*, видя, что Держава ея, отъ самаго начала владычества Бурбоновъ во Франціи, послѣ каждой войны теряла какую нибудь изъ областей своихъ, рѣшилась заключить съ ними миръ, не разсуждая ни о какихъ послѣдствіяхъ. Мы видѣли, что смерть двухъ Монарховъ содѣйствовала къ началу и продолженію великаго *Европейскаго перелома*; но кто бы могъ предсказать, что бракъ съ Австрійскою Принцессой Французскаго Дофина, царствовавшаго потомъ подъ названіемъ Людовика XVI и перешедшаго отъ престола на мѣсто лобное: кто могъ тогда помыслить, что сей бракъ послужитъ къ довершенію сего перелома? Герцогъ *Шуазель*

участвовалъ въ заключеніи сего брака, желая мстить Фридерику, который шутилъ надъ его политикою, и отвлечь Австрію отъ Россіи; а Марія Терезія выдала дочь свою за Дофина въ надеждѣ, что успѣетъ *сковать силы Франціи*. Но при всемъ умѣ своемъ она не предполагала, что жертвуетъ дочерью, которую отъ перваго дня ея супружества стали почитать *блюстителышцею договора*, вреднаго Франціи, полезнаго Австріи и противнаго выгодамъ всѣхъ другихъ Державъ. Англичане назвали сей договоръ *договоромъ уродливымъ* (*).

За годъ передъ тѣмъ годомъ, который былъ препятьею и окончательною причиною *великаго Европейскаго переломa*, какъ будто бы въ предвѣстіе грозной бури, долженствовавшей снова возшумѣть въ Европѣ, страшное землетрясеніе поколебало берега Африки, низпровергло Лиссабонъ и поглотило нѣкоторые города Африканскіе. Море, разлившееся въ Кадиксѣ, истребило все на пути своемъ и громы подземные слышны были и въ другихъ областяхъ Европейскихъ.

За симъ волненіемъ природы первое потрясеніе на землѣ произошло въ Швеціи.

(*) Это относится къ позднѣйшему времени.

Нѣкоторые вельможи, лично преданные Королю, вознамѣрясь перемѣнить древній образъ правительства, возмутили отечество и заплатили за то жизнію.

Въ то же почти время Англичане, безъ объявленія войны, напали въ Сѣверной Америкѣ на Французовъ и за споръ о ничтожномъ участкѣ земли въ *Канадѣ* начали войну кровопролитную.

Но важнѣйшимъ изъ новыхъ потрясеній было вторженіе Фридерика въ области Саксонскія.

При семъ вторичномъ нарушеніи всѣхъ законовъ общенародныхъ миролюбивая Елисавета рѣшилась поднять оружіе.

Императрица Елисавета, родившаяся въ тотъ самый годъ, когда побѣдитель Полтавскій вошелъ въ Москву среди плесковъ народныхъ: Елисавета, по свойству души своей, склонна была къ миролюбію. Спокойствіе и щастіе Россіи предпочитала она скоропреходящему блеску славы военной; сами иностранные историки въ томъ соглашаются. „Увидя Елисавету,“ говорятъ они: „не льзя было не ощущать къ ней любви и уваженія. Всѣ черты лица ея оживлялись прелестію и милосердіемъ; го-

лось ея укрощалъ всѣ скорби душевныя. *Страдальцы по невольному* влеченію открывали ей сокровенныя свои помышленія: слезы ихъ переходили въ ея сердце (1)."

Въ *доказательство своего миролюбія*, Елисавета, при вступленіи своемъ на пресполъ, спѣшила заключить миръ съ Швеціей; въ засвидѣтельствованіе своего благоразумія, она оградила войсками Лифляндскіе предѣлы, когда Фридерикъ самовольно вторгся въ Силезію; въ изъявленіе необходимой предосторожности, она заключила оборонительный союзъ съ Маріей Терезіей и съ Королемъ Польскимъ. И такъ, при вторичномъ нарушеніи Фридриха правъ народныхъ, она справедливо могла помѣстить въ Манифестѣ, изданномъ 1757 года, сіи достопамятныя слова: „Мы донынѣ чрезъ столько лѣтъ пріобрѣтенную славу, признаніе Европы и тишину Нашей Имперіи предпочли бы завоеванію многихъ Королевствъ; но мнѣнія Короля Прускаго отъ нашихъ весьма разнствовали. Къ войнѣ и къ неправеднымъ завоеваніямъ жаждущій его нравъ превозмогъ наконецъ надъ

(1) Смотр. 24 Часть Всемірной Исторіи *Актиія* стр. 74.

тѣми уваженіями, кои его въ покоѣ удерживали, и подтвердилъ то мнѣніе, которое онъ первою противъ Австрійскаго Дома войною подалъ, что къ начатію войны и похищенію чужихъ земель довольно ему единаго хотѣнія; ибо, учиня нынѣ претіе уже на области ея нападеніе, не первая отъ него вышла на свѣтъ и военная *декларація*, на томъ только основанная, что онъ мнимыхъ своихъ непріятелей предупреждать долженъ. Правило, которому досѣлѣ одинъ только Король Прускій послѣдовалъ, и которое, ежелибъ повсюду было принято, привело бы весь свѣтъ въ крайнее замѣшаніе и совершенную погибель (1)."

Мы видѣли въ наше время гибельныя послѣдствія сего самопроизвольнаго правила. Но не предускоряя будущаго, обратимся къ обозрѣнію прошедшаго.

Между тѣмъ, какъ Франція воевала въ различныхъ областяхъ и съ различными перемѣнами, внутри ея постоянно скоплялась буря, долженствовавшая все поколебать и все низпровергнуть. Сія буря приготовля-

---

(1) Смотр. Манифестъ, изданный 16 Августа 1757 года.

лась не мятежемъ вооруженнымъ, но развратомъ, воевавшимъ противъ душъ, сердецъ и умовъ всѣхъ состояній Французскаго народа.

Вѣкъ Людовика XIV по многимъ отношеніямъ былъ вѣкомъ славы Франціи; но страсть Людовика къ непомѣрному великолѣпію послужила къ истощенію Государственныхъ и частныхъ имуществъ. Предмѣстники его были только распорядителями доходовъ Государственныхъ, а онъ, учинясь полновластнымъ онѣхъ обладателемъ, расточалъ сіи доходы на построеніе *Версаліи* и другихъ обширныхъ замковъ; вельможи его по же дѣлали и вмѣстѣ съ нимъ розорялись. Въ правленіе *Регента* вздумали замѣнить звонкія деньги бумажными. Шотландецъ *Лавъ*, подавшій къ сему мысль, увѣрялъ, что онъ обогатитъ Францію всемірными сокровищами. Надежда обогащенія обуяла всѣ умы; всѣ устремились въ обширныя предпріятія; всѣ состоянія поколебались, а вмѣстѣ съ ними и нравы. Корысть привела въ оцѣпенѣніе добродѣтель; развратъ дошелъ до наглѣйшаго безстыдства. Замыслы *Лава* пали; но нравы и добродѣтель не могли уже

возстать. Гдѣ страсть къ золоту дѣлается общею пружиной дѣяній человѣческихъ, тамъ изчезаютъ всѣ благородныя побужденія, оживляющія души и поддерживающія общества.

Истощеніе одной казны Государственной не могло бы поколебать Франціи. Древній Римъ не тогда былъ великъ, когда всемірныя сокровища лились въ нѣдра его, но когда владычествовали въ немъ бѣдность, умѣренность и добродѣтель. Какъ нещастливъ жребій тѣхъ областей, гдѣ упадокъ или возвышеніе душъ и обществъ зависитъ отъ возвышенія и упадка денежнаго! Но бѣдствія Франціи не отъ сего произошли; онѣ воспослѣдовали отъ истощенія силъ нравственныхъ. Въ то самое время, когда *Людовикъ XV* блисталъ воинскою славой, въ то самое время одинъ изъ Французскихъ Парламентовъ поднесъ ему донесеніе, въ которомъ между прочимъ сказано было: „Нечестіе, пользуясь распрями о вѣрѣ, посягнуло на самую вѣру. Недоумѣніе поселило въ умы ядъ смертоносный. Кичливые философы, завидующіе самому Богу, съ горестію видятъ людей, еще Ему покорныхъ, и рѣшились утвердить

во всемъ пагубное недоумѣніе. Сей ядъ быстро разлился въ сердцахъ народа: Франція наводнилась сочиненіями развратными. Мы видимъ приближающуюся бурю и страшимся ея послѣдствій."

Вскорѣ по вступленіи на престолъ злополучнаго Людовика XVI возгорѣлась война Американская. Министры его, управляемые философами, заставили его подписать, что каждый народъ, возстающій для востребованія своей свободы, имѣетъ право ее взыскивать." Въ силу сего правила войска и деньги Франціи отправлены были для вспомоществованія Американскимъ поселеніямъ, отложившимся отъ Англіи. Владычество ея уничтожено было въ Сѣверной Америкѣ, и наслѣдственная ненависть Англіи къ Франціи еще сильнѣе воспылала. Но сія внѣшняя ненависть не могла бы того произвесть, что произвела внутренняя ненависть Французовъ къ Франціи. Юные и неопытные Французы, сражавшіеся въ Америкѣ за независимость Сѣверныхъ Американскихъ областей, перенесли оттуда мнѣнія о свободѣ и равенствѣ. Предаваясь симъ мечтамъ, ни они, ни ихъ соотечественники не могли размыслить,

что образъ правленія, учредившійся въ Америкѣ, не могъ приличествовать Франціи. Но сіи мечты приняты были потому, что Французы были къ нимъ приготовлены; а притомъ, какъ мы уже замѣтили, и Франція и постороннія Державы негодовали на соединеніе Французскаго Двора съ Австрійскимъ. Марія Антуанета неосторожными своими поступками еще болѣе усиливала сіе негодованіе. Изъявляя явное презрѣніе ко всѣмъ прежнимъ обычаямъ Французскимъ, она отдалила отъ Двора старинныхъ царедворцевъ и даже перемѣнила одежду. Полагаютъ, что отъ одной сей перемѣны Ліонскіе фабриканты лишились осмидесяти милліоновъ дохода. „Франція“ говоритъ *Сулави* въ Историческихъ и Политическихъ своихъ запискахъ о царствованіи Людовика XVI: „Франція есть Держава, на которую всѣ народы Европейскіе обращаютъ взоры свои. Сила ея мѣстнаго положенія заставляетъ ихъ непрестанно наблюдать дѣйствія ея правительства. По симъ обстоятельствамъ ни одна изъ Принцессъ Австрійскаго Дома никогда не была въ такомъ опасномъ состояніи, въ какомъ находилась

Марія Антуанетта, супруга Людовика XVI (*)." Всѣ Дворы, кромѣ Двора Россійскаго, почитали ее опасною: она не могла избѣгнуть сѣтей, въ которыя вовлекали ее и собственныя ошибки и происки посторонніе.

Марія Антуанетта, презрѣвъ древніе Французскіе обычаи, учреждала новый Дворъ и все новое; Англичане съ своей стороны обольщали Французовъ своими обычаями и своимъ правительствомъ. Повсюду владычествовало во Франціи разномысліе; повсюду слышанъ былъ ропотъ. Роскошь усиливалась, и всѣ спрашились нищеты. Многія затѣйливыя головы изобрѣтали источники новыхъ богатствъ, и истощали между тѣмъ существовавшіе источники. Многіе оплакивали жребій народа, и угнѣтали подчиненныхъ своихъ новыми поборами. Многіе изъ писателей, проповѣдуя въ книгахъ свободу и независимость, были раболѣпными ласкателями вельможъ; порицая ихъ преимущества, они сами домогались преимуществъ и сокровищъ ихъ. Нѣкоторые изъ сихъ писателей дождались

(*) См. Записки Сулави Часть VI, стр. 14.

того времени, когда въ предѣлахъ Франціи загремѣли волшебныя слова *равенства* и *свободы*. И что же тогда произошло? Одни изъ нихъ, почувствовавъ позднее раскаяніе, прибѣгали къ самоубійству; другіе скрывались въ тѣхъ самыхъ обителяхъ, противъ которыхъ вопіяли; третіе опасались, чтобы отчаяніе не довело ихъ до безумія. *Мальзербъ*, бывшій изъ извѣстнѣйшихъ Министровъ Французскихъ и изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей новой философіи, при началѣ ужасовъ оной произнесъ сіи достопамятныя слова: „Не знаю, чѣмъ кончатся нынѣшнія обстоятельства; но знаю то, что, переходя отъ одного предполагаемаго усовершенствованія къ другому совершенству предполагаемому, мы подверглись тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ теперь находимся (*).“

Но сіи обстоятельства, непостижимыя для свѣтскихъ мудрецовъ, явственно представлялись очамъ служителей олтарей. Вотъ что одинъ изъ нихъ вѣщалъ за восемь лѣтъ до мятежа Французскаго: „Увы! проповѣдуя въ сей столицѣ тридцать пять

(*) См. 6 Часть Записокъ *Сулави* о царствованіи Людовика XVI.

лѣтъ, мы непрестанно представляли вамъ злоключенія, долженствовавшія возникнуть отъ лжеумствованія. Стражи неусыпные, мы съ вершины горы, намъ назначенной, подавали голосъ при первомъ появленіи врага. Въ то мгновеніе, когда нечестивый Вавилонъ, долго приготовлявшій свои отравы, предложилъ вамъ чашу разврата и когда вы съ жадностію простерли къ ней руки свои, мы къ вамъ вопіями: *остановитесь! что вы дѣлаете? Да удалится отъ устъ вашихъ сія чаша тлетворная! Вы пьете изъ нее смерть. Все погибло: вѣра, нравы и Государство.* Вы тогда почитали предсказанія наши мечтательнымъ рвеніемъ; мы сами не помышляли, что они такъ скоро сбудутся. Но бездна привлекаетъ бездну. По мѣрѣ распространенія невѣрія, разврата, въ дерзости возраставшій, ускорилъ свой ходъ; онъ предупредилъ наши предсказанія; онъ тогда только остановится, когда изнеможетъ. Что же остается намъ предсказать вамъ, сходя съ горы, намъ предлежавшей? Мы говоримъ со стономъ: *мы предрекаемъ вамъ мщеніе небесное.* Какое наслѣдство мы оставляемъ

вамъ? Да возможемъ оправишпь его нашимъ рвеніемъ и молитвами (*)!“

Такъ объяснялись служишели Вѣры; посмопримъ же, что говорили славимые Англинскіе политики при заключеніи шорговаго договора Франціи съ Англіей. *Питтъ* поддерживалъ сей договоръ, *Фоксъ* оному противился. „Можешъ быть,“ возражалъ онъ: „Франція и искренно желаешъ съ нами мира; но она по всѣмъ *политическимъ* ошношеніямъ природная непріятельница Англіи, а ненависть сія происходишъ изъ посшояннаго ея желанія управлять Европою. Сближалась съ Америкою, Дворъ Версальскій усугубляешъ дружелюбивыя свои къ намъ увѣренія. Уже ли мы не узнали на опышъ всей силы сихъ коварныхъ увѣреній? Нынѣ на пресполѣ Франціи видимъ Государя, искренно желающаго блага Франціи; а это самое и заспавляешъ насъ не довѣряшь его Министрамъ.“

(*). Слова изъ послѣдней проповѣди *Аббата де ла Руль*. Въ спашьѣ о сей проповѣди *Лагарпъ* говоришъ: „Оканчивая свое поприще, проповѣдникъ хошѣлъ изобразишь все зло, разпространяемое повсюду ложной философіей.“ Смш. Лагарпова Лицея Часшь 13, спр. 266.

„Не должны ли мы“ восклицалъ *Питтъ*: „принять договоръ, когда Франція простираетъ къ намъ объятія свои? Не предписоитъ ли намъ теперь *торгъ*, который восемь милліоновъ Англичанъ ставятъ на ряду съ двадцатью пятью милліонами Французовъ?“

Что же знали, что же видѣли сіи знаменитые Министры, естьли передъ самымъ началомъ мятежа Французскаго они не могли усмотрѣть скоплявшейся бури? А естьли они ее видѣли, естьли, по *отношеніямъ политическимъ*, они содѣйствовали къ ускоренію сей бури: то сколь гибельны сіи *политическія отношенія*, питающія злобу и ненависть!

Я предложилъ въ краткомъ обозрѣніи областей Европейскихъ до мятежа Французскаго все то, что политики Европейскіе называютъ *великимъ Европейскимъ переломомъ*. Но всѣ ихъ доводы остаются однѣми догадками и предположеніями. Франція взволновалась не отъ внѣшнихъ, но отъ внутреннихъ обстоятельствъ: она взволновалась не отъ того, будто бы въ ней разстроилось правительство, но отъ пагубнаго образа мыслей тѣхъ, которые домо-

гались владычествовать надъ Франціей и Французами. „Франція“ говоритъ *Сулави*: „даже и въ то самое время, когда спарались увѣрять, что будто бы всѣ силы Государственныя въ ней изчезли: Франція и тогда была изъ лучшихъ Европейскихъ Правительствъ. Для избѣжанія четырехъ главныхъ злоупотребленій, то есть самовластія духовныхъ, порабощенія вельможамъ, подчиненности власти военной и неисповѣстивъ исключительнаго народоначалія, Франція усовершила внутреннее и Политическое свое бытіе. Бурбоны дали ей щастливое правленіе, въ которомъ всѣ части сопрягались взаимными выгодами. Великій Генрихъ установилъ сіе правленіе. Симъ соотношеніемъ четырехъ чиносостояній Государственныхъ, то есть взаимнымъ союзомъ Короля, дворянства, духовенства и народа, Франція обязана была блистательнымъ жребіемъ своимъ на чредѣ Державъ Европейскихъ (*).“

Сулави весьма справедливо замѣчаетъ, что до мятежа Французскаго Правитель-

---

(*) Смотр. *Историческія и Политическія записки Сулави о царствованіи Лудовика XVI*, Часть 6, стр. 331.

ство Французское одушевлялось всѣмъ пѣмъ, что составляетъ основаніе хорошаго правительства, приноровленнаго къ общимъ пользамъ и къ выгодамъ мѣстнаго положенія. Франція обладала сею сугубою пользою. Но разсвирѣпѣвшія страсти и высокоуміе помрачили тотъ блескъ, которымъ Франція блистала на чредѣ Державъ Европейскихъ. Предвидя пагубныя слѣдствія такъ называемаго *духа философическаго*, Французская Академія предложила 1755 года сочиненіе о *духѣ философическомъ*, сообразно священному изрѣченію, убѣждающему, что *не должно излишне мудрствовать и что сію мудрость должно удерживать во предѣлахъ*. Одинъ изъ членовъ духовенства Французскаго сочинилъ рѣчь на предложенный предметъ; былъ увѣнчанъ, и послѣ сего перваго и торжественнаго успѣха ничего уже болѣе не писалъ. Объясняясь, до какого предѣла можетъ доходить умъ человѣческій, сочинитель говоритъ: „Не домогайтесь проникнуть таинствъ вѣры; предъ ними разсудокъ долженъ безмолвствовать. Вникайте въ изслѣдованія истинъ ощутительныхъ и очевидныхъ. Вѣра отдаетъ въ разпоряженіе ваше сіи истины, существующія

въ природѣ. Но не касайтесь основаній Вѣры; впрочемъ около ее все разсматривайте. Когда же дойдете до нѣкоторой глубины и встрѣлите длань Всемогущаго, поддерживающаго отъ начала міра величественное и священное сданіе Вѣры, всегда утверждаемое бурями и полетомъ вѣковъ, тогда остановитесь и не ройтесь до безднъ ада (*)."

Высокоуміе мнимыхъ философовъ не остановилось; оно дорылось до безднъ ада и вызвало адъ на землю.

И такъ одинъ развратъ поколебалъ Францію и низпровергъ древнее ея правительство. И самые дальновидные люди могли только догадываться; но Провидѣніе рѣшительно опредѣлило то время, когда сильная и знаменитая Держава долженствовала пасть и показать народамъ вселенной, до чего доводятъ буйство развратныхъ страстей. Въ одинъ день, въ одинъ часъ во Франціи не стало Франціи; и сіе случилось тогда, когда изъ всѣхъ областей Франціи сзывали повѣренныхъ для устроенія предполагаемаго ея благоденствія. Со-

(*) Смп. Лагарпова Лицея Часть 15, стр. 283.

брались сіи повѣренные; и соединенныя ихъ спрасти еще сильнѣе возмутили и потрясли отечество. Зависть и ненависть заглушили слабый голосъ доброжелательства. Высокоумные преобразователи мечтали, что они во всемъ успѣютъ, все перемѣнятъ и все устроютъ; но при самомъ началѣ ихъ поприща они узнали свое безсиліе. *Маркизъ Лафаетъ*, предводившій тогда преобразователями, писалъ къ *Маркизу Булье*, что онъ не знаетъ, что дѣлать, и что желалъ бы уничтожить все то, что предпринялъ. А въ сіе самое время содержалъ онъ Короля Людовика XVI плѣннымъ въ замкѣ Тюльерійскомъ (*).

При разрушеніи древняго Французскаго правительства и въ другихъ Европейскихъ Державахъ изчезли всѣ предположенія политиковъ, дотолѣ блиставшихъ на поприщѣ Государственномъ. Недоумѣніе объяло ихъ соображенія: они смотрѣли и ничего не видѣли. Наступилъ судъ Божій, и всѣ познанія человѣческія уничтожились.

Провидѣніе скрыло и отъ Великой Екатерины послѣдствія мятежа Французскаго.

(*) Смотр. 6 Часть Записокъ *Сулави*.

Полагая твердымъ правиломъ, что *всего легче разрушать, а всего труднѣе созидать*; любя во всемъ устройство, общественныя приличія и законный порядокъ, она никакъ не могла мыслить, что Франція, славившаяся общественнымъ просвѣщеніемъ, первая покажетъ зрѣлище области, преданной безначалію и всѣмъ ужасамъ, происходящимъ отъ него. Она надѣялась, что вспыхнувшее пламя мятежа будетъ мгновеннымъ пожаромъ и что оно угаснетъ безъ дальнихъ усилій. Такъ разсуждали и другіе Дворы Европейскіе; и нѣкоторые изъ нихъ, ожидая испощенія Франціи, мечтали, что воспользуются ея безсиліемъ къ распространенію своихъ областей. Политика пагубная, политика, возбуждающая вѣчное недовѣріе, зависть и превращающая просвѣщенныя Державы въ области необщежительныя (*)!

Гдѣ непрестанно должно другъ друга подстерегать и опасаться, могутъ ли тамъ владычествовать связи искренней пріязни

(*) Смт. Исторію *Ансильона* и вновь изданную Исторію политики Европейскихъ Державъ, сочиненную Графомъ *Паули-Шаньи*.

и откровеннаго миролюбія? Англіи нужнѣе всѣхъ было потрясеніе Франціи. Пылая мщеніемъ за участіе ея въ независимости областей Американскихъ, она желала зрѣть у ногъ своихъ соперницу свою, уничиженную и изнуренную внутренними неустройствами. Но мы скажемъ безпристрастно, что и Англія не желала видѣть того въ нѣдрахъ Франціи, *что привело вселенную* въ ужасъ и содроганіе. Англичане думали, что, возставя Принца *Орлеанскаго* противъ родственника его Людовика XVI, и что, взволновавъ Французское правительство, они по волѣ своей все остановятъ, удовлетворя ненависти и мщенію своему. Повторяю еще, что одно Провидѣніе явственно видѣло начало, продолженіе и послѣдствіе мятежа Французскаго. Карая развратъ страстей, Оно въ то же время показало, что всѣ расчеты человѣческіе изчезаютъ предъ судьбами Его, какъ легкій туманъ разсѣевается предъ появленіемъ дневнаго свѣтила. Но по Его опредѣлію грозныя тучи, возставшія въ предѣлахъ Франціи, долженствовали затемнить всѣ области Европейскія и по истеченіи тридцати лѣтъ уступить мѣсто отрадному сіянію. Волне-

нія природы быстро появляются и изчезаютъ; волненія страстей долго свирѣпствуютъ и нерѣдко увлекаютъ цѣлыя поколѣнія въ смертоносныя бездны, ими изрытыя.

„Тщетно“ говоритъ сочинитель Исторіи *Политики Державъ Европейскихъ:* „тщетно политики въ высокомѣрныхъ своихъ замыслахъ мечтаютъ, будто бы они могутъ все предвидѣть, все предупредить и все сообразить. Нерѣдко перемѣна одного человѣка или нечаянное обстоятельство все уничтожаютъ; нерѣдко то изчезаетъ въ одинъ день, что устроивалось годами. Отъ чего же сіе происходитъ? Отъ того, что, вопреки всѣмъ мечтаніямъ дерзкихъ умовъ, есть вышнее Провидѣніе, которое низпровергаетъ всѣ замыслы, всѣ предположенія, всѣ надежды человѣческія.

„Едва мятежный духъ возмутителей Франціи низпровергъ все въ предѣлахъ оной, сей же самый духъ, неутомимый въ ужасахъ, предпринялъ все ниспровергнуть и въ областяхъ Европейскихъ. Возмутители въ одно мгновеніе отринули всѣ прежнія постановленія, условія и договоры. Съ того времени восторжествовала *политика пу-*

шекъ; мятежники почитали ее единственнымъ своимъ правиломъ; съ того времени обезсилѣли всѣ прежнія связи, или, лучше сказать, вовсе уничтожились. Съ кѣмъ могда надлежало договариваться? Съ тѣми, которые домогались повергнуть вселенную въ мракъ невѣжества; съ тѣми, которые попирали ногами и Вѣру, и правосудіе и правопу. Мы увидимъ, что даже и въ то время, когда Бонапарте стѣснилъ всю власть въ рукахъ своихъ, политика прежнихъ вождей мятежа управляла всѣми его предпріятіями. Заставляя безмолвствовать Францію подъ желѣзнымъ игомъ своимъ, онъ равно предшественникамъ своимъ стремился къ возмущенію Европы: онъ порывался возжечь всеобщій пожаръ и утвердить владычество свое на развалинахъ древнихъ правительствъ (1)."

(*) См. книгу, подъ заглавіемъ: *Исторія Политики Европейскихъ Державъ*, сочиненіе Графа Паули Шаньи.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННИХЪ И ВНѢШНИХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ОТЪ ИСХОДА АПРѢЛЯ 1798 ГОДА ДО КОНЧИНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

Наступилъ 1789 годъ, гибельный для Франціи и для Европы. Франція часъ отъ часу совращалась, или, лучше сказать, совсѣмъ уклонялась съ путей древняго правительства, Европа объята была недоумѣніемъ и ожиданіемъ событія необычайнаго. Екатерина, до сего бурнаго года, привыкнувъ все наблюдать, соображать и предупреждать по существовавшимъ правиламъ въ Европѣ; Екатерина также смутилась въ мысляхъ своихъ. „Можно сойти съ ума“ говорила она своимъ приближеннымъ: „такія у меня трудныя обстоятельства (*)!“

До 1789 года Екатерина, занимаясь постепеннымъ учрежденіемъ своего Государства, не отдаляясь отъ главныхъ предначертаній Петра Перваго, любила книги Историческія и законодательныя; сама упра-

---

(*) Смотр. Памятныя записки А. В. Храповицкаго.

ялась въ сочиненіяхъ и находила пріятный отдыхъ въ чтеніи превосходныхъ писателей, прославившихся въ словесности; но въ сей годъ, какъ мы уже сказали, видя измѣненіе во Франціи прежнихъ правилъ и изумляясь отъ сего измѣненія, она занялась чтеніемъ множества Политическихъ книгъ, стараясь отыскать въ нихъ объясненіе причинъ превращенія, дивнаго даже и для Екатерины. „Я теперь живу съ политическими книгами; а прежде никогда за нихъ не принималась (*).“

Зная необходимость законнаго порядка, зная силу внутреннихъ разпоряженій; знал, что съ расторженіемъ связей общественныхъ необходимо должно рушиться все зданіе Государственное: Екатерина никакъ не предполагала, чтобы Франція увлеклась бурею безначалія. Тутъ также можно привесть собственныя ея слова, помѣщенныя 1771 года въ письмѣ къ Вольтеру, который извѣщалъ ее о волненіяхъ Французскихъ Парламентовъ. „Всѣ хотятъ во Франціи имѣть Парламентъ“ писала она: „а Парламентъ уже есть. Правда,

---

(*) Тамъ же стр. 49.

что прежніе Члены были люди безпокойные и подвергали Государство безначалію. Произшедшій шумъ ничего не значитъ; въ сочиненіяхъ, недовольныхъ Дворомъ, болѣе громкихъ словъ, нежели правилъ, основанныхъ на законахъ. *Должно однако сказать, что трудно судить о состояніи посторонних дѣлъ въ такомъ разстояніи, въ какомъ я отъ нихъ нахожусь.*“

Такъ объяснялась скромная Екатерина 1771 года; а въ необычайный 1789 годъ ошиблась въ опредѣлительномъ сужденіи своемъ: но сія ошибка произошла отъ ея душевной благости. Тогдашній Французскій Министръ доходовъ Государственныхъ предполагалъ созвать *тысячу* депутатовъ и чтобы число депутатовъ средняго состоянія уравнивалось соединенному числу депутатовъ изъ духовенства и дворянства. — Похваляя сіе вредное мнѣніе, Екатерина сказала: „Неккеръ такъ поступилъ въ разрѣшеніи запрудненій, какъ я въ положеніи о дворянствѣ всѣ неясности отнесла къ милости (*).“

(*) Тамъ же стр. 55.

Екатерина, истинная Матерь народа, могла *разрѣшать всѣ неясности милостию*. Сіи слова были искреннимъ изрѣченіемъ любви ея къ народу; но *Неккеръ*, чужеземецъ во Франціи, не могъ имѣть сей подлоры: ему надлежало изслѣдовать всѣ обстоятельства, предшествовавшія созванію чиновъ Государственныхъ. Онъ ошибся по необдуманному самолюбію. Когда у него спрашивали: на что полагается онъ въ созваніи народа? онъ отвѣчалъ: *на нравственность народную* (*). Но онъ долженъ былъ знать, что о разстлѣніи сей нравственности два уже раза, то есть 1757 и 1771 года духовенство и Парламенты возвѣстили передъ лицемъ цѣлой Франціи.

Новый сочинитель Французской книги, подъ заглавіемъ: *Объясненія главныхъ причинъ и гласныхъ произшествій революціи*, ближайшими оной причинами полагаетъ слѣдующія два обстоятельства. Первою причиною считаетъ происки *злыхъ людей*, которые сперва пресмыкались въ передникъ вельможъ, а потомъ требовали одну *республику за другою*, чтобы торговать ими, ограбя все заблаговременно. „Вто-

(*) Смп. Записки Маркиза Булье.

рою причиною" продолжаетъ сочинитель упомянутой книги: „было Министерство Женевца Неккера. Иноземный сей Министръ, уроженецъ Женевской республики и иновѣрецъ, воспитанный въ правилахъ народоначалія, былъ поборникомъ мнѣній о равенствѣ и личной выгодѣ, сильно воспалявшихъ мѣщанское его тщеславіе. Если-ли бы на мѣстѣ сего зловреднаго человѣка былъ Министръ, рожденный во Франціи, другъ древнихъ постановленій, доставившихъ ей вѣковую славу, тогда бы сей другъ Монархіи, слѣдственно и духовенства, не имѣя надобности для личной выгоды попрясать столпы общественнаго зданія, или который надъ сею презрительною выгодою возносился бы благородствомъ духа: тогда бы не было во Франціи революціи. Созваніе Чиновъ Государственныхъ производилось бы по древнимъ правиламъ: среднее состояніе не имѣло бы *сугубаго представительства*; разсужденія происходили бы въ залахъ, принадлежащихъ каждому сословію, и голосное право лицъ не могло бы первенствовать. Наконецъ, вѣрный и природный Французскій Министръ не оставилъ

бы Короля въ рѣшительномъ случаѣ Іюля 1789 года.“

Свойствами души Екатерины Второй объясняется, почему она при первомъ взглядѣ не усмотрѣла сихъ двухъ ближайшихъ причинъ Французской революціи: по благородству сердца своего, она не могла предполагать о происках *злыхъ людей*, которые, пресмыкаясь сперва въ передних вельможъ, учинились попомъ продавцами *республикъ*; а по справедливой и неограниченной довѣренности къ своимъ Государственнымъ Чиновникамъ, она и помыслить не могла, чтобъ Королевскій Министръ оставилъ Короля въ злополучномъ состояніи! И такъ и Екатеринѣ опредѣлила судьба постепно узнавать пагубу разрушительной Французской революціи.

Обратимся къ связи прежняго повѣствованія.

Екатерина была и предметомъ удивленія и предметомъ порицанія и клеветы своихъ современниковъ. Послѣднее побѣждала она великодушіемъ, а на изъявленія сердечныя отвѣчала еще живѣйшимъ сердечнымъ изъявленіемъ. Принцесса де *Белмонти* препроводила къ ней изъ Неаполя картину сво-

ихъ прудовъ; Императрица отправила къ ней портретъ свой, осыпанный бриллiантами и жемчугомъ, при слѣдующемъ Французскомъ письмѣ, предлагаемомъ здѣсь въ переводѣ: „Лишенная удовольствiя изустно изъяснить вамъ, какъ дорожу вашимъ подаркомъ, мнѣ остается только препроводить къ вамъ безмолвный образъ той, къ которой, какъ вы пишете, стремится ваше сердце. Взирая на сей портретъ, вы отъ него услышите, что онъ ее представляетъ; но онъ прибавитъ, что она превосходитъ его въ чувствительности къ тѣмъ, которые оказываютъ ей уваженiе.“

Вскорѣ потомъ съ Россiйскимъ курьеромъ отправлено было къ Графу Сегюру слѣдующее письмо касательно Короля Шведскаго (*): „Всѣмъ извѣстны причины, по которымъ желаемъ, чтобы Швецiя оставалась въ томъ положенiи, въ какое поставлена революцiей. Мы съ откровенностiю говорили о семъ предметѣ при Россiйскомъ Дворѣ. Г. Маркизъ де *Понсъ* безъ сомнѣнiя увѣдомилъ уже васъ о мнѣнiи своемъ въ разсужденiи теперешняго отношенiя Коро-

(*) Письмо сочинено на Французскомъ языкѣ. Я предлагаю переводъ.

ля Густава къ народу его. Кажется, что сей Государь удостовѣренъ въ трехъ сословіяхъ и въ нѣкоторой части дворянства. Мнѣ не чего говорить вамъ о Швеціи. Густавъ предался Берлинскому и Англинскому дворамъ, и тѣмъ самымъ лишилъ насъ надежды содѣйствовать въ его предпріятіяхъ. Три мѣсяца вовсе перемѣнили поведеніе Екатерины противъ Польши; а можетъ быть черезъ такой же срокъ, та страна, гдѣ она господствовала, совершенно противъ нее возстанетъ. Мы чувствуемъ, М. Г., сколько сіе произшествіе, сообразно отношенію Императрицы къ Туркамъ и Королю Шведскому, представляетъ затрудненій."

При чтеніи сего письма Екатерина прибавила: „Пустъ уничтожатъ договоръ о раздѣлѣ 1775 года: это не безвыгодно для двухъ Императорскихъ Дворовъ. Тутъ больше выигралъ Пруской Король; что же онъ скажетъ: хочетъ ли онъ отступить, или нѣтъ, и тогда не льзя уже ему будетъ обольщать Паляковъ мечтою."

Война съ Швеціей, возжигаемая *Англіей* и *Пруссіей*, часъ отъ часу усиливалась. Въ сіе время, то есть въ Маѣ мѣсяцѣ 1789 го-

„а, Екатерина писала къ *Циммерману*: „Я увѣрена, что Фридрихъ *Вторый* не одобрилъ бы поступковъ, столь противныхъ тѣмъ, которые соблюдалъ онъ постоянно съ 1762 года. *Фридриха* смѣялся правиламъ Французскаго Министра *Шоазеля*, а теперь онѣ заразили всѣ умы. Ненавидя и завидуя Россіи, онъ увѣрялъ, что она страшна для Европы. Подъ личиною хипрости и двоедушія онъ и мнѣ хотѣлъ вредить; но вмѣсто того обнаружилъ слабость свою и подвергъ Турцію разоренію. Онъ непрестанно проповѣдывалъ о вѣсахъ Европы; Государства, обольщенныя его словами, теряли *равновѣсіе* свое. Мечтательнымъ *равновѣсіемъ* пускалъ онъ пыль въ глаза и прикрывалъ свои замыслы. Не мечты безпокойныхъ головъ, но правосудіе есть основаніе всѣхъ Царствъ земныхъ и союзъ человѣческаго общества. Добрая слава Государей подобна доброй славѣ частныхъ людей: кто поселяетъ раздоръ между сосѣдями своими, тотъ лишается довѣренности. Двоедушіе заграждаетъ путь къ славѣ. Стыдно тѣмъ, которые думаютъ, что вся *политика* состоитъ только въ томъ, чтобы *лить на огонь масло и ла-*

гить рыбу въ мутной водѣ. Вотъ что во всѣхъ вѣкахъ было причиною кровавыхъ зрѣлищь, называемыхъ войною. Государи, увлекаемые пылкими страстями или происками Министровъ, тогда уже разкаеваются, когда доводятъ до погибели подданныхъ. Ложная политика овладѣла разными Европейскими Дворами, мечтающими, что они вступили на блистательное поприще; но сіе самонадѣяніе рано или поздно доведетъ до погибели. Зависть вооружается на меня всѣми силами; не страшусь стрѣлъ ея: правота должна восторжерствовать."

Еще до открытія главныхъ военныхъ дѣйствій, Герой Задунайскій съ ратнаго поприща уклонился въ мирное уединеніе. Потемкинъ искалъ и желалъ нераздѣльной славы; Румянцевъ подъ кровомъ домашнимъ съ поселянами своими сдѣлался поселяниномъ. Бесѣдуя съ ними какъ *отецъ-помѣщикъ*, участвовалъ въ ихъ упражненіяхъ, въ ихъ забавахъ и угощалъ ихъ какъ ласковый хозяинъ. Съ душевною привѣтливостію разговаривалъ онъ съ стариками; а съ отставными воинами, возвратившимися на родину, воспоминалъ о дняхъ про-

шедшей славы. Добродушіе его извлекало слезы у вишязей, побѣждавшихъ на полѣ битвы; молодые, взирая на нихъ, пламенѣли заслужить честь и славу отцевъ своихъ. Переставъ побѣждать враговъ, Румянцевъ былъ побѣдителемъ душъ и сердецъ поселянъ своихъ: сія побѣда есть торжество любви и благодушія. Занимаясь ученіемъ и подъ шумомъ военныхъ бурь, онъ еще болѣе занимался имъ въ сельской тишинѣ. Указывая на книги, онъ говорилъ: *вотъ мои учители.* Не рѣдко въ простой одеждѣ и сидя на пнѣ удилъ онъ рыбу. Однажды любопытные посѣтители, пріѣхавшіе взглянуть на Героя Кагульскаго, искали, гдѣ онъ; Румянцевъ съ ласкою сказалъ: *вотъ онъ. Наше дѣло города брать, да рыбу ловить.* Не порабощаясь прихотямъ моды, въ нѣкоторыхъ великолѣпныхъ комнатахъ Румянцевъ не перемѣнялъ простыхъ дубовыхъ стульевъ. Родные его удивлялись сей странности; сей Герой говорилъ имъ: „Естьли великолѣпныя комнаты заставляютъ меня подумать, что я выше кого нибудь изъ приближенныхъ моихъ, то пусть сіи простые стулья напомнятъ, что и я такой же человѣкъ какъ

они.“ Не рѣдко также Герой увлекался мыслію въ Москву, туда, гдѣ жили старинные его сослуживцы и цѣнители его славы. „Теперь,“ писалъ онъ къ *Еропкину*: „теперь непосредственное мое желаніе, чтобы водвориться въ *матери городовъ*, гдѣ мнѣ всѣ подобные, по многимъ странствіямъ ихъ, покой обрѣтаютъ.“

Въ бытность свою въ Петербургѣ Потемкинъ получилъ извѣстіе о успѣхахъ Русскаго оружія при *Берлатѣ* и *Максименяхъ*, о побѣдѣ при *Галацѣ* и о дѣйствіяхъ Русскихъ *крейсеровъ*, отправленныхъ къ *Румельскимъ* берегамъ и къ устью Дуная. Все сіе происходило въ первыхъ мѣсяцахъ 1789 года. Побѣда при *Галацѣ* принадлежитъ *Дерфельдену*. Съ извѣстіемъ о семъ пріѣзжалъ въ Петербургъ Полковникъ *Римскій-Корсаковъ*, отличившійся въ семъ дѣлѣ.

Война съ Швеціей возгоралась часъ отъ часу болѣе. Пруссія, Англія и Голландія предстательствовали за Швецію. Екатерина, зная, что постороннее посредничество влечетъ за собою требованія и неудобства, отвергла ихъ предложенія; правоту дѣла своего предоставила она Богу, карателю вѣроломства. Іюня 7 Шведы сно-

ва испытали силу Рускаго оружія въ укрѣпленіи при *Парасильмѣ*. Въ слѣдствіе сего пораженія, Рускіе заняли загорѣвшійся *Сентъ-Михель* и ревностными стараніями прекратили пожаръ. Густавъ для мнимой славы истощалъ отечество свое; воины Екатерины, слѣдуя ея предписанію, оберегали жилища невинныхъ обывателей.

Между тѣмъ Потемкинъ, прибывъ къ войску, увѣдомлялъ отъ 10 Іюля, что для раздѣленія вниманія непріятелей приказалъ онъ отправить къ *Бендерамъ* козачьи войска. Вскорѣ потомъ открылись главныя дѣйствія. Держась правила Героя Задунайскаго, Потемкинъ предписалъ Князю *Репнину*, начальствовавшему войсками въ *Молдавіи* и *Бессарабіи*, чтобы онъ не терпѣлъ непріятеля, передъ нимъ скоплявшагося, и вездѣ бы нападалъ не него, гдѣ только будетъ собираться. То же самое предписалъ Румянцевъ Генералу *Штофельну* 1770 года. Хотя *Задунайскій* не предводительствовалъ уже войсками, но духъ его руководствовалъ Княземъ *Таврическимъ*.

Сообразуясь съ распоряженіями Потемкина, Князь Репнинъ немедленно далъ знать Суворову, чтобы онъ вмѣстѣ съ *Цесарца-*

ми учинилъ поискъ на Турокъ, собравшихся въ придцати тысячахъ при *Фокшанахъ*. 16 Іюля Суворовъ выступилъ изъ *Берлада* безъ обоза, съ малымъ числомъ пушекъ, и полетѣвъ къ Принцу Кобургскому трудными путемъ, но ближайшимъ, на другой день соединился съ нимъ. 19 Числа продолжался походъ; 20 начался бой при Фокшанахъ. Быстро подступили союзныя войска подъ пушки; убавили шагу подъ выстрѣлами, напали, разсѣяли и истребили враговъ. Воины, сошедшіеся изъ различныхъ странъ, подъ начальствомъ Суворова соревновали дѣйствовать единодушно. При Фокшанахъ и Цесарцы узнали силу штыка. Союзники увѣнчались побѣдой. Извѣщая о сей побѣдѣ и выхваляя Принца Кобургскаго и Чиновниковъ Цесарскихъ, Суворовъ сказалъ: „Союзники способствовали другъ другу какъ истинные братья и друзья; Цесарскій Полковникъ *Карачей*, начальствовавшій значительнымъ отрядомъ, содѣйствовалъ къ пріобрѣтенію побѣды.“ Оружіемъ побѣждалъ Суворовъ враговъ, а великодушіемъ покорялъ сердца. Полюбя Карачая за любовь его въ славѣ, Суворовъ крестилъ у него въ послѣдствіи сына, на-

званнаго *Александромъ*, во имя нашего Героя. Желая переселить въ душу его душу свою, Суворовъ написалъ къ нему достопамятное письмо, къ которомъ объяснялъ всѣ правила, ведущія къ славѣ и побѣдѣ. „Будь чистосердеченъ съ друзьями," писалъ Герой: „умѣренъ въ нуждахъ и безкорыстенъ въ поступкахъ своихъ. Къ службѣ Государя являй искреннюю ревность; любя истинную славу, отличай любочестіе отъ надменности и гордости; учись прощать погрѣшности ближнему и никогда не прощай ихъ самому себѣ; подчиненнымъ подавай собою примѣръ. Желаешь ли быть великимъ Полководцемъ, — упражняйся непрестанно, какъ обнять все однимъ взглядомъ." Искусство сего орлинаго и вѣрнаго взгляда приготовило и довершило побѣду при *Фокшанахъ*. Принцъ Кобургскій перешелъ сіе мѣсто, остался на *Волошской* сторонѣ, а Суворовъ съ *Россійско-Императорскими* войсками возвратился въ Берладъ.

Послѣ пораженія Турокъ при *Фокшанахъ* Потемкинъ отправился къ Бендерамъ. Козаки схватили гонца, посланнаго Пашею Бендерскимъ къ Визирю съ извѣстіемъ о пораженіи ихъ въ различныхъ мѣстахъ и о

предстоящей имъ опасности. Захваченный Турокъ увѣдомляетъ, что число Бендерскихъ войскъ болѣе шестнадцати тысячь; что начальникъ ими любимъ, и что, не смотря на бѣдственную участь крѣпости Очаковской и на боязнь народа, они рѣшились защищаться.

Потемкинъ тотчасъ приказываетъ козакамъ подъѣхать къ стѣнамъ; и въ то самое время, когда конные полки выстраиваются, легкія войска сражаются подъ стѣнами городскими. Князь Таврическій, сопровождаемый многочисленнымъ сонмомъ Чиновниковъ, становится недалеко отъ мѣста сраженія. Турки узнаютъ Побѣдителя своего по величавой осанкѣ и по блеску его одежды. . . Ядра свистятъ около Князя Таврическаго; даже и Рускіе воины удивляются хладнокровію своего Вождя! Объѣхавъ половину рядовъ, Потемкинъ сходитъ съ лошади, беретъ зрительную трубку и смотритъ въ нее на производимыя работы.

Турки усиливаютъ пушечную пальбу. Большое ядро въ нѣсколькихъ шагахъ упадаетъ отъ Князя Потемкина и забрасываетъ его землею. Чиновники устремля-

ются къ нему. Оборотясь къ нимъ съ спокойнымъ видомъ, Герой говоритъ: „Турки въ меня цѣлили; но Богъ защитникъ мой: Онъ отразилъ сей ударъ.“ Не сходя съ своего мѣста, Потемкинъ садится на лошадь и снова обозрѣваетъ работы.

Съ Шведами продолжались сраженія сухопутныя и морскія. На сухомъ пути Генералъ *Денисовъ* отличался съ легкими войсками; Подполковники *Леоновъ* и *Яновскій* были достойными его сотрудниками. Принцъ *Нассау-Зигенъ*, перешедъ съ Чернаго на Балтійское море, начальствуя гребнымъ флотомъ, одержалъ знаменитую побѣду въ первыхъ числахъ Августа. При семъ случаѣ многіе гвардейскіе Чиновники ознаменовали себя блистательными подвигами: одни смертію своей запечатлѣли усердіе къ престолу; другіе, увѣнчавшись мужествомъ, увѣнчались и наградами.

Въ предѣлахъ Турціи Суворовъ пожиналъ новые лавры. 6 Сентября 1789 года получилъ онъ въ *Берладѣ* отъ Принца Кобургскаго письмо, которымъ призывали нашего Героя къ отраженію новыхъ многочисленныхъ силъ Турецкихъ. Осторожный Суворовъ, ожидая рѣшительнаго извѣ-

сшія, на первый зовъ не пошелъ. Получа же черезъ сутки увѣдомленіе, что непріятель подвинулъ свой станъ впередъ, онъ отвѣчалъ: *иду!* Въ слѣдъ за симъ *осьмаго* числа полетѣлъ на помощь союзникамъ и *девятаго* соединился съ ними. Принцъ Кобургскій тотчасъ послалъ сказать Суворову, что желаетъ съ нимъ видѣться. Ему отвѣчали: *Суворовъ Богу молится.* При второй посылкѣ сказали: *Суворовъ ужинаетъ.* При третьей: *Суворовъ спитъ.* Между тѣмъ, не помышляя о снѣ, неутомимый нашъ Герой съ высокаго дерева наблюдалъ мѣстоположеніе непріятельское. „Умѣйте," говорилъ онъ: „умѣйте пользоваться мѣстоположеніемъ." Сего важнаго наблюденія не поручалъ онъ никому. Размѣря, сообразя все и препоруча себя промыслу Вышняго, Суворовъ свидѣлся съ Принцемъ Кобургскимъ и быстро разпорядился къ нападенію. „Естьлибъ при самомъ началѣ," говорилъ онъ: „пошелъ я къ Принцу Кобургскому, мы провели бы всю ночь въ толкованіяхъ *тактическихъ*; мы спорили бы и упустили время." По правиламъ Суворова время не было упущено. Въ десять часовъ по захожденіи солнца союзни-

ки двинулись въ походъ. Суворовъ повелъ *правую* колонну, Принцъ Кобургскій *лѣвую*. Перешедъ *Милковъ* въ бродъ и по наведеннымъ мостамъ, въ глубочайшей тишинѣ несли они громъ на враговъ и приближались къ крутымъ берегамъ *Рымника*. Инженеръ-Маіоръ *Воеводскій* успѣлъ все устроить къ переправѣ. Немедленно по переходѣ черезъ *Рымникъ* началось нападеніе. Многочисленныя толпы *Янычаръ* и *Арабовъ*, которыхъ въ войскѣ Турецкомъ находилось нѣсколько тысячь, были поражены. Выигравъ мѣсто сраженія и устроя войско, Суворовъ далъ отдохнуть ему болѣе получаса при *колодезяхъ*. Между тѣмъ сорокъ тысячь Турецкой конницы стремительно напали на лѣвое крыло Цесарцевъ и окружили ихъ. Суворовъ двинулся, уравнивая ходъ свой съ Принцемъ Кобургскимъ. Подъ выстрѣлами непріятельскими овладѣли они пологимъ возвышеніемъ. Вскорѣ открылось укрѣпленіе Турецкое при лѣсѣ *Крынец-Маиловъ*. Для учиненія единовременнаго нападенія на укрѣпленіе и на лѣсъ, Суворовъ послалъ Полковника *Золотухина* сказать Принцу Кобургскому, чтобы онъ приказалъ *карреямъ* своимъ идти сильно впередъ.

Препорученіе его было исполнено. Нападеніе на укрѣпленіе и на лѣсъ оковало безмолвіемъ непріятельскія пушки. Надѣясь спастись въ густотѣ лѣса, конница и пѣхота устремилась туда въ замѣшательствѣ. Ряды нашихъ войскъ при безпрерывной пальбѣ съ крылъ и карреевъ перекрестными выспрѣлами, приближась къ назначеннымъ мѣстамъ, быстро напали. Конница перескочила на возвышенное укрѣпленіе. *Стародубскій* полкъ, предводимый храбрымъ своимъ Полковникомъ *Мыклашевскимъ*, врубился въ непріятеля и овладѣлъ его пушками, не взирая на отчаянное сопротивленіе многочисленныхъ сонмовъ Турецкихъ. Турки по разнесшейся молвѣ полагали, что Суворовъ умеръ; Визирь во время уже битвы узналъ отъ плѣннаго Офицера, что Суворовъ живъ и что онъ поражаетъ ихъ. Присутствіе Суворова усугубило ярость и ожесточеніе враговъ; но всѣ порывы ихъ тщетны были. Картечные выстрѣлы Руской пѣхоты, особенно егерей, разпущенныхъ въ лѣсу изъ карре Подполковника *Рарога*, гнали и разили Турокъ. Цесарскій Генералъ-Маіоръ *Карачай* особенно отличился при семъ случаѣ.

Въ то же время Полковникъ *Вардаковъ*, предводившій *первое* и *шестое* карре; составленныя изъ гренадерскихъ баталіоновъ, истребляя непріятеля въ лѣсу штыками, отнялъ двѣ пушки. Вскорѣ лѣсъ очистился. Верховный Визирь, находившійся у сего лѣса, къ ободренію Турокъ нѣсколько разъ останавливался. Произнося молитвы, съ усердіемъ приподнималъ онъ Алкоранъ и во имя Магомета убѣждалъ возобновить сраженіе; все было тщетно. Союзныя войска неутомимо преслѣдовали враговъ. Визирь, увлеченный бѣжавшими толпами и достигнувъ *стана своего, бывшаго въ шести* верстахъ при рѣкѣ *Рымникѣ*, приказалъ стрѣлять изъ пушекъ по толпамъ Турецкимъ. И сіе послѣднее средство было безуспѣшно. Визирь обратился въ бѣгство по *Браиловской* дорогѣ. На мѣстѣ сраженія пало непріятелей пять тысячъ. Союзныя войска спокойно отдыхали на побѣдоносномъ полѣ. На другой день истребленъ легкими войсками особой Визирскій станъ, находившійся въ четырехъ верстахъ за *Рымникомъ*. Турки бѣжали съ рѣки *Бузео*, гдѣ отъ разлитія воды погибло множество конницы, пустившейся вплавь. Уронъ Рускихъ со-

єпоялъ изо *ста тридцати* одного человѣка. Цесарцы болѣе потеряли. Хотя въ современныхъ извѣстіяхъ уменьшаютъ потерю войскъ; но мы можемъ повѣрить Суворову. Пользуясь каждымъ шагомъ, каждымъ мгновеніемъ, разчисля все заблаговременно; умѣлъ онъ быстро поражать враговъ и сберегать своихъ. За сію побѣду Суворовъ получилъ наименованіе *Рымникскаго.*

Великіе Полководцы на поприщѣ воинскомъ пролагаютъ другъ другу пути къ славѣ и побѣдамъ. Побѣда подъ *Рымникомъ* способствовала Лаудону къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. 11 Сентября Турки поражены были при рѣкѣ *Рымникѣ*, а 21 числа того же мѣсяца Лаудонъ завладѣлъ двумя главными предмѣстіями крѣпости *Бѣлграда*, которая сдалась на договоръ 27 Сентября.

Въ началѣ Ноября Потемкинъ, приказавъ войскамъ дѣйствовать наступательно, съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты и частію конницы отъ главнаго *корпуса* расположился между Акерманомъ и Бендерами. Крѣпость сія сдалась Ноября 11. Князь Таврическій принудилъ къ сему Турокъ рѣшительностію своей и искуснымъ *оказываніемъ*

войскъ своихъ. Искуство увеличивать войско посредствомъ разположенія онаго и тогда уже было извѣстно. Занятіемъ *Бендеръ* кончились военныя дѣйствія 1789 года.

1790 Года Король Шведскій съ новымъ усиліемъ продолжалъ истощать войско и казну. Европейскіе политики предполагали, что онъ нанесетъ рѣшительный ударъ Сѣверной Столицѣ. Они думали, что Англинскій флотъ соединится съ Шведскимъ флотомъ, и что войска Прускія поспѣшатъ въ Финляндію; но содѣйствіе Англіи и Пруссіи въ дѣлахъ Густава ограничилось однѣми обѣщаніями. Англія и Пруссія, домогаясь безпокоить Россію, не хотѣли жертвовать Швеціи ни флотами, ни войскомъ; безпокоя Россію, они еще болѣе вредили Густаву. Ложные друзья хуже явныхъ непріятелей.

Военныя дѣйствія съ Шведами начались въ то еще время, когда воды, омывающія берега Финляндіи, покрыты были льдомъ. Апрѣля 18 воспослѣдовалъ достопамятный поискъ Рускихъ на Шведскія укрѣпленія при *Пардикоксѣ* и *Керникоксѣ*. Предводителемъ Финляндской *арміи* былъ тогда Графъ Иванъ Петровичъ *Салтыковъ*, Баронъ *Игельстромъ*,

получа отъ него повелѣніе выгнать непріятеля изъ укрѣпленій, раздѣлилъ войско на три колонны и поручилъ оныя Принцу Ангальту Бернбургскому, который родство свое съ Екатериной подтвердилъ мужественными подвигами въ Турціи. Принцъ Ангальтъ самолично присутствовалъ при второй колоннѣ, состоявшей подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Фонъ-Сухтелена*. Крутизна горъ и множество разбросанныхъ камней препятствовали пушкамъ слѣдовать за пѣхотою. Пѣхотѣ приказано было обходить артиллерію и поспѣшать къ передовымъ отрядамъ. Расторопный Поручикъ *Фокъ* подоспѣлъ однако съ двумя пушками, поставилъ оныя на горѣ и заставилъ молчать непріятельскую батарею. Хотя по причинѣ слабаго льда и оплошности проводниковъ всѣ части войскъ не пришли къ назначеннымъ мѣстамъ, но мужественный Принцъ Ангальтъ въ полномъ походѣ устремился къ *Керникокскому* мосту, за которымъ Шведы имѣли обширныя укрѣпленія, лѣсъ и батареи. Одна изъ батарей была взята Маіоромъ *Ершовымъ*. Остановка ожидаемыхъ войскъ уничтожила сей успѣхъ; Русскіе начали отступать.

Одушевляя полки свои, Принцъ Ангальтъ примѣромъ своимъ влагалъ въ нихъ новыя души и вливалъ свѣжія силы. Въ сіе самое время Герой повергся на землю отъ жестокой раны, полученной имъ ядромъ въ ногу. Гренадеры, пораженные скорбію, понесли на плащахъ великодушнаго Вождя своего въ *Савайтополь*. Въ сіи горестныя минуты, оборотясь къ Адъютанту своему, проливавшему слезы, Принцъ Ангальтъ подарилъ ему шпагу, примолвя: „Этою одною собственностію могу теперь разпоряжать; дарю вамъ ее.“ Врачи рѣшились отнять ему ногу. Принцъ Ангальтъ, соглашаясь на предложеніе ихъ, сказалъ: „Я знаю, что умру; но у меня есть жена и сынъ; рѣжьте ногу: для нихъ только это дѣлаю. Услыша о моей кончинѣ, пусть они узнаютъ, что я не отвергъ и самаго мучительнаго способа, чтобы сохранить для нихъ остатки жизни моей.“ Между тѣмъ *Армфельдъ*, любимецъ Королевскій, прославъ освѣдомиться о Принцѣ Ангальтѣ, приказалъ спросить, безопасенъ ли онъ въ *Савайтополѣ*. Ему отвѣчали: *пушки заряжены и Русскіе готовы къ обо-*

ронѣ. Предрѣченіе Героя сбылось; онъ скончался на третій день.

Сражаясь при *Пардикоксѣ* съ природою и съ непріятелемъ, пришедшая туда часть Рускихъ войскъ не уронила славы своей. Преображенскаго полку Секундъ-Маіоръ *Байковъ* летѣлъ впереди на пушки непріятельскія. Воины, воспламененные его примѣромъ, увѣрены были въ побѣдѣ; жестокая рана, полученная Героемъ, воспрепятствовала увѣнчаться успѣхомъ. Генералъ *Фонъ-Сухтеленъ* оказалъ искуство въ распоряженіи и храбрость въ дѣйствіи. Дежурные Полковники *Мерлинъ* и *Сипягинъ* запечатлѣли имена свои въ лѣтописяхъ Рускої славы. *Мерлинъ* среди жестокаго боя ревностно исполнялъ дѣлаемыя ему препорученія; *Сипягинъ*, начальствуя *Великолуцкимъ* полкомъ, вездѣ шелъ по слѣдамъ Принца *Ангальта*, вездѣ дѣлилъ съ нимъ опасность, и получа сильную *контузію*, дѣйствовалъ неутомимо до конца сраженія. Донскаго войска Полковникъ *Леоновъ*, егерскій Подполковникъ *Петровичъ* и Маіоръ *Михельсонъ*, подавали примѣръ подчиненнымъ неустрашимости и рѣшительности. Въ числѣ отличившихся находился *Барклай-де-Толли*,

бывшій когда дежурнымъ Секундъ-Маіоромъ при Принцѣ Ангальтѣ и потомъ доспигнувшій званія *Фельдмаршала*.

На другой день *Пардикокскаго* дѣла Шведы потерпѣли неудачу подъ *Нейшлотомъ*. Полковникъ *Миллеръ* зашелъ въ тылъ Шведамъ, а Нейшлотскій Начальникъ, Семеновскаго полку Секундъ-Маіоръ *Римской-Корсаковъ*, въ то же самое время приближился къ батареи и укрѣпленію. Непріятель, оставя сперва укрѣпленіе, хотѣлъ отстрѣливаться въ избахъ, но и оттуда выбитъ былъ *Нарвскимъ* полкомъ, не потерпѣвшимъ ни малѣйшаго урона. Шведы въ страхѣ и разстройствѣ бросились въ бѣгство по озерамъ и островамъ.

22 Апрѣля, въ сопровожденіи Чиновниковъ своихъ и сильнаго отряда, *Густавъ* предпринялъ обозрѣніе Рускихъ войскъ. Ему удалось вытѣснить первую козачью стражу изъ деревни *Тайкалы*; но вскорѣ удалился оттуда, а 24 числа пораженъ былъ Генераломъ *Денисовымъ* при мызѣ *Ороловой*. Обозъ непріятельскій достался козакамъ. Король, преслѣдуемый Денисовымъ, остановился при мостѣ *Матиловскомъ*, покушался отразить Рускихъ совокупными си-

лами, но тщетно. Бросясь стремительно черезъ мостъ и спасаясь бѣгствомъ, Густавъ сжегъ оный. Храбрые Донцы пустились черезъ протокъ вплавь. Густавъ, ускоряя быстрый побѣгъ, до разсвѣта дня поспѣшилъ къ войску своему, переправясь черезъ мостъ, наведенный на *Кюменѣ* выше деревни *Мателлы*. Въ тотъ же день, то есть 24 Апрѣля, Генералъ *Нумсенъ*, перешедъ при *Мемелѣ* за Кюмень, овладѣлъ непріятельскими батареями. При семъ случаѣ отличились Маіоры *Блюхеръ* и *Стетингофъ*. Блюхеръ, переправясь съ егерями своими на лодкахъ черезъ рѣку, взялъ первую непріятельскую батарею; *Стетингофъ* собственною рукою овладѣлъ непріятельскою пушкою. Генералы *Буксгевденъ*, *Баронъ* Шульцъ, Денисовъ и Полковникъ *Анрепъ* въ послѣднихъ числахъ Апрѣля продолжали гнать и разсѣявать непріятеля.

Домогаясь суетной славы, Густавъ увеличивалъ славу Рускихъ и претерпѣвалъ неудачи на сухомъ пути и на морѣ. 30 Апрѣля Василій Яковлевичъ *Чичаговъ* поразилъ его на *Ревельской рейдѣ*. Сей престарѣлый Адмиралъ, живя въ мирномъ уединеніи, даже въ бѣдности, занимался воспита-

ніемъ сыновъ своихъ; но по первому вызову Екатерины отвѣчалъ: *готовъ служить, Матушка!* Изъ нѣдръ семейства своего, съ измѣнемъ Бога и Екатерины, полетѣлъ онъ на враговъ и подтвердилъ, что любовь и рвеніе къ Отечеству никогда не угасаютъ. За побѣды свои получилъ онъ награды, успокоившія его старость, а смиряя враговъ, явился онъ Героемъ великодушнымъ. Въ день пораженія Густава при *Ревельской рейдѣ* взятъ былъ въ плѣнъ Шведскій Маіоръ и Кавалеръ *Салстедъ*, начальствовавшій *шестидесяти - четырехъ* - пушечнымъ кораблемъ. Уважая отважность его, *Чичагов* отдалъ ему шпагу и сказалъ: „Мужество и рвеніе, оказанныя вами въ бою, заслуживаютъ общее уваженіе.“ То же самое сказалъ и Петръ Первый, вручая шпагу *Рейнцшильду*, доставшемуся въ плѣнъ при *Гангутѣ*.

Въ семъ же году на водахъ Балтійскихъ у Красной горки, въ 30 верстахъ отъ Кронштата, одержана побѣда знаменитымъ Адмираломъ *Крузомъ*, который неизмѣннымъ былъ любимцемъ славы отъ самой Чесменской битвы. Пушечные выстрѣлы сражавшихся флотовъ слышны были въ Пе-

цровой Сполицѣ. Екатерина, достойная наслѣдница дѣлъ и духа его, спокойно ожидала рѣшенія сего важнаго сраженія. Увѣренная въ справедливости дѣла своего, она не сомнѣвалась и въ непоколебимомъ мужествѣ Вождя. Крузъ въ полной мѣрѣ оправдалъ надежду Екатерины. Три раза вступалъ онъ въ бой съ непріятелемъ, и три раза пожиналъ новые лавры. Послѣ втораго сраженія, извѣстясь отъ начальниковъ кораблей, что всѣ ихъ суда болѣе или менѣе повреждены и что на нѣкоторыхъ разстрѣлянъ весь порохъ, онъ отвѣчалъ: „Хотя корабли повреждены и нѣтъ пороха, однако отправляйтесь и стройтесь въ линію. Не палите, но стойте; я требую, чтобы никто не оставлялъ своего мѣста.“ По пріѣздѣ въ Петербургъ мужественный Крузъ со всею откровенностію мореходца лично доносилъ Императрицѣ о всѣхъ подробностяхъ одержанной имъ побѣды. За сіе сраженіе, названное *трократнымъ*, онъ не былъ награжденъ по заслугамъ своимъ. Но кто съ такою славою исполнялъ свой долгъ, слава того не умираетъ въ потомствѣ. Имя Круза возсіяетъ еще новою честію въ то время, когда

Отечество наше обогатится *Исторіей о морскихъ подвигахъ Рускихъ.*

Не унывая отъ неудачъ и подкрѣпляясь обнадеживаніемъ *Короля* Англинскаго, который грозился вмѣстѣ съ Шведами изгнать Рускихъ изъ Петербурга, наконецъ, пользуясь раннимъ очищеніемъ отъ льда Шведскихъ *шхеровъ*, Густавъ самолично пустился со всѣмъ гребнымъ своимъ флотомъ къ *Фридрихсгаму*, гдѣ находилось самое малое число Рускихъ судовъ, не успѣвшихъ еще заготовиться всѣмъ нужнымъ. Флота Капитанъ *Селезневъ*, не взирая на превосходство непріятельскихъ силъ, сразился съ нимъ 5 Мая. Въ продолженіи упорнаго боя, продолжавшагося три часа, Шведы всѣми силами окружили малый отрядъ гребнаго нашего флота. Рускіе, издержавъ всѣ снаряды, принуждены были отступить. Ни одно судно не сдалось. Свезя на шлюпкахъ людей, Начальники зажгли суда свои; Шведы успѣли погасить пламень. Торжествующій Густавъ немедленно послалъ требовать, чтобы *Фридрихсгамъ* сдался; Комменданть отвѣчалъ: *Рускіе не сдаются.*

24 Мая Шведскій Генералъ *Армфельдъ* окружилъ со всѣхъ сторонъ *Свайтополь* и

былъ опбитъ Генералъ-Маіоромъ *Хрущовымъ*.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1790 года начались военныя дѣйствія и въ предѣлахъ Турціи. Слѣдуя правилу своему, чтобы превожить непріятеля повсемѣстно и раздѣлять силы его, Потемкинъ предписалъ Контръ-Адмиралу *Ушакову* отправиться съ эскадрою къ *Анатольскимъ* берегамъ. По учиненіи различныхъ поисковъ противъ враговъ, Ушаковъ прибылъ 5 Іюня въ *Севастополь*, принялъ начальство надъ флотомъ и снова пустился въ слѣдъ за непріятельскимъ флотомъ, показавшимся у Таврическихъ береговъ. 8 Іюня произошла сильная битва недалеко отъ устья пролива *Яникольскаго*. Бой продолжался болѣе шести часовъ. Турецкій флотъ скрылся ночью.

Вскорѣ затмились и всѣ надежды Густава, *союзника* Порты Оттоманской. Претерпѣвъ неоднократныя пораженія на морѣ отъ Рускихъ флотовъ, предводимыхъ Чичаговымъ, Крузомъ, Принцемъ Нассау-Зигеномъ и Повалишинымъ, Король принялъ миръ, данный ему Екатериной. Рубежи и границы остались на томъ же основаніи, на какомъ были до нападенія Гу-

става. Король Шведскій, вовлеченный въ неправедную войну Турками и мнимыми Европейскими союзниками, утѣшался тѣмъ, что могъ около трехъ лѣтъ сопротивляшься оружію Екатерины. „Карль XII," говорилъ онъ: „одинъ разъ разбилъ Петра подъ Нарвою; а я три года сопротивлялся Екатеринѣ. Что славнѣе: побѣда ли Карла надъ Петромъ, или сопротивленіе мое Екатеринѣ?"

Между тѣмъ оружіе Рускихъ гремѣло на водахъ Чернаго моря. Послѣ побѣды, одержанной 8 Іюня, *Ушаковъ* отплылъ къ Севастополю, чтобы исправить поврежденныя суда и тѣмъ поспѣшнѣе ополчиться на враговъ. Желаніе ревностнаго Ушакова исполнилось. Въ продолженіе 28 и 29 Августа онъ сражался съ Турками между *Ходжа-Бея* и *Тандцромъ* въ открытомъ морѣ въ сорока верстахъ отъ берега. Семидесяти-пушечный и главный Турецкій *осьмидесяти-пушечный* корабль вмѣстѣ съ Адмираломъ *Саидбеемъ* взяты были въ плѣнъ. Одинъ поврежденный непріятельскій корабль потонулъ; большая часть мѣлкихъ Турецкихъ судовъ такому же подверглись жребію. Оставшіяся Турецкія суда, по причинѣ крѣп-

каго вѣтра, спаслися бѣгствомъ въ различныя стороны. Ушаковъ вторично защитилъ Тивриду.

Въ Августѣ Турки поражены были на водахъ Чернаго моря, а въ исходѣ Сентября уничтожены замыслы ихъ за *Кубанью*. Собравъ отъ *Анапы* и другихъ мѣстъ до сорока тысячъ войскъ и присовокупя къ онымъ *Закубанцевъ*, Турки спремились къ Кавказскому рубежу, вознамѣрясь дѣйствовать за онымъ. Графу де *Балмену* поручено было напасть на Турокъ, не дожидаясь прихода ихъ. Графъ де Балмень, по причинѣ болѣзни своей, отъ которой вскорѣ потомъ умеръ; предписалъ тремъ отрядамъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіоровъ Германа, Булгакова и Бригадира Мапцена, устремиться на непріятеля съ трехъ различныхъ мѣстъ. Начальствовавшій Турецкимъ войскомъ Сераскиръ Трехбунчужный *Баталъ-Паша*, знаменитѣйшій въ Азіи, узнавъ о сближеніи Рускихъ отрядовъ, 30 Сентября со всѣми силами бросился на Генерала *Германа*, былъ мужественно встрѣченъ, пораженъ и взятъ въ плѣнъ. Станъ и пушки, все досталось побѣдителямъ.

Еще въ 1788 году Потемкинъ писалъ къ Суворову: „За пайну скажу: въ будущую *кампанію*, естьли Богъ дастъ помощь Свою, все, что съ веслами, подчиню сухопутному начальству, а парусные оставлю морскимъ.“ Въ началѣ того же года онъ обнадеживалъ, что Очаковъ непремѣнно будетъ взятъ и что потомъ Суворовъ отправится къ Измаилу съ отборнымъ отрядомъ, предшествуя войску. Главное ополченіе гребныхъ судовъ и взятіе Измаила, сіе сугубое предпріятіе совершилось 1790 года.

Генералъ-Маіоръ *Рибасъ* вышелъ въ Дунай съ гребною Черноморскою флотиліею, соединившеюся при устьяхъ Днѣпровскихъ съ козачьими лодками. Первый успѣхъ воспослѣдовалъ при устьѣ *Сунинскаго* пролива. Для овладѣнія батареями, прикрывавшими Турецкія суда, отправленъ былъ Полковникъ *Рибасъ* съ тысячнымъ отрядомъ гренадеръ Днѣпровскаго *приморскаго* полка. Усилившійся вѣтръ не остановилъ Рускихъ. Пренебрегая жизнь и сохраняя одно оружіе, гренадеры, бросаясь изъ судовъ, вплавь достигли берега и увѣнчались побѣдой. Изъ устья *Сунинскаго* и проливомъ *Килинійскимъ*

флотилія выступила въ Дунай. Вскорѣ потомъ взята была *Тулча*. Въ то же время отправленъ былъ отрядъ судовъ къ мысу *Чаталъ* для пресѣченія сообщенія между *Исаки* и *Измаила*. Двумя отдѣленіями гребныхъ судовъ покорена была *Исака* и захвачены двадцать два судна непріятельскія. По сему случаю въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ сказано: „При столь важномъ происшествіи милость къ намъ Господня тѣмъ паче видима, что у насъ не было ни одного убитаго, ни раненаго.“ Въ *Исакѣ* досталось побѣдителямъ невѣроятное множество припасовъ, ибо она всегда была главнымъ мѣстомъ продовольствія Турокъ.

Такимъ образомъ очищались пути къ дѣйствіямъ противъ Измаила. Пространныя укрѣпленія сего города начались послѣ первой войны Порты Оттоманской съ Россіей и производились подъ надзоромъ Европейскихъ *Инженеровъ*. Укрѣпленія по излучинамъ простерлись до десяти верстъ. Сія обширность употреблена была для того, чтобы въ случаѣ неудачи Измаилъ служилъ оплотомъ для Турецкой арміи, которая подъ закрытіемъ его могла бы спокойно переправиться черезъ мостъ, усп-

роенный внутри крѣпости. Турки наименовали Измаилъ *Орду калеси*, то есть *армейская крѣпость.*

Уже наступала глубокая осень; двукратное намѣреніе взять Измаилъ не состоялось; войска Рускіе удалялись. Въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Князь *Таврическій* поручилъ Графу *Рымникскому* покореніе крѣпости, почитаемой неприступною и Турціей и Европой.Ославъ изъ *Галача* предписаніе отступавшимъ войскамъ и увѣщевая ихъ соблюдать мужественную непоколебимость, Герой полетѣлъ съ малымъ отрядомъ къ Измаилу. Ревнуя къ подвигамъ чести и славы, Князь Дмитрій Ивановичь *Лобановъ-Ростовскій*, служившій погда Полковникомъ, вызвался сопровождать Суворова со ста пятьюдесятью мушкетерами ввѣреннаго ему Апшеронскаго полку. Принявъ 2 Декабря начальство надъ войскомъ подъ Измаиломъ, Суворовъ немедленно предпринялъ все нужное для приступа. Работа кончилась 5 Декабря, а 6 числа войско, умножившееся прибытіемъ Фанагорійскаго полку, Апшеронскихъ мушкетеръ, нѣсколькими отрядами Донцовъ и Арнаутъ, разположилось вокругъ

города. 7 Декабря отправленъ къ *Сераскиру* Чиновникъ съ письмомъ отъ Князя Потемкина, требовавшаго сдачи крѣпости. Письмо принято было вѣжливо высланными изъ города Чиновниками. Между тѣмъ Рускіе занимались устроеніемъ батарей. 8 Числа на письмо Князя Таврическаго Сираскиръ отвѣчалъ: „Скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ землѣ, нежели сдастся Измаилъ.“ Къ укрощенію кичливости Оттоманской Суворовъ ускорилъ побѣдоносныя свои разпоряженія. Сказываютъ, что въ то же время онъ получилъ отъ Потемкина письмо, дозволявшее ему удалиться, естьли онъ не увѣренъ въ удачномъ приступѣ; Суворовъ отвѣчалъ: „Два уже раза Рускіе были у стѣнъ Измаила; стыдно будетъ, естьли въ третій разъ не совершимъ нашего дѣла.“ 9 Декабря на высокомѣрный отвѣтъ *Сераскира* данъ ему словесный отвѣтъ, *что не будетъ уже никому болѣе пощады.* Немедленно собранъ былъ воинскій совѣтъ. По обрядамъ воинскаго совѣщанія, младшіе подаютъ голоса. Графъ *Платовъ*, служившій тогда Бригадиромъ, первый написалъ: *штурмовать*; всѣ то же подтвер-

дили. Суворовъ вбѣжалъ въ спавку, перецѣловалъ всѣхъ и сказалъ: „Одинъ день Богу молиться, другой день учиться, въ третій день славная смерть, *или* побѣда!“ Въ день девятаго Декабря окончана работа четырехъ башарей, учреждаемыхъ подъ присмопромъ Цесарскаго Полковника Принца *Делиня*, который потомъ перешелъ на суда, дѣйспвуя вездѣ какъ ревносшный любишель чести.

11 е Число Декабря назначено было для приспупа. Правое крыло въ *трехъ* колоннахъ поручено Генералъ-Поручику Потемкину. *Первою* изъ сихъ колоннъ началъспвовалъ Генералъ-Маіоръ *Львовъ*; при оной находился Полковникъ Князь Д. И. Лобановъ-Росповскій. *Второю* колонною предводишельспвовалъ Генералъ-Маіоръ Ласси, а *третьею* Генералъ Мекнобъ.

Лѣвое крыло, шакже изъ трехъ колоннъ *состоявшее*, ввѣрено было Генералъ-Поручику Самойлову. *Четвертая* или первая колонна *лѣваго* крыла находилась подъ начальспвомъ Бригадира Орлова, *пятою* или *второю* на лѣвомъ крылѣ предводишельспвовалъ Бригадиръ Плашовъ; начальспво надъ сими двумя колоннами поручено было Гра-

фу Безбородкѣ; *шестой или третіей* колонны лѣваго крыла былъ вождемъ безсмертный Голенищевъ-Кутузовъ.

На гребномъ флотѣ умножившееся число войскъ разположено было на три колонны. Начальниками оныхъ были: Генералъ-Маіоръ Арсеньевъ, Бригадиръ Чепега и Секундъ-Маіоръ Гвардіи Марковъ.

Для развлеченія вниманія Турокъ и для приведенія ихъ въ оплошность, предписано было по всѣмъ частямъ войскъ Рускихъ пускать ракеты передъ разсвѣтомъ.

Къ предупрежденію неустройства, производимаго взорваніемъ пороховыхъ кладовыхъ, Суворовъ учреждалъ караулы на бастіонныхъ батареяхъ и воротахъ; особенной же караулъ опредѣлилъ при *Красной* мечети, гдѣ находился пороховой *магазинъ*. Обозрѣвъ всѣ подробности нападенія и внутреннихъ дѣйствій въ крѣпости, Герой, какъ Христіянинъ и какъ человѣкъ, запрещалъ, чтобы отнюдь не лишать жизни Христіянъ и обезоруженныхъ Турокъ. Приступъ назначенъ былъ въ пять часовъ утра 11 Декабря. „Начальники,“ говорилъ Суворовъ: „должны сами съ присутствіемъ духа обозрѣвать назначенныя имъ мѣста.

Колонны должны лежать тихо въ трехъ стахъ саженяхъ. Карманныя часы завесть равнообразно, чтобы единовременно напасть на крѣпость по данному знаку. Бодрствуя во всю ночь, Начальники обязаны одушевлять войска несомнѣнною надеждою на успѣхъ. Приступая въ тишинѣ къ назначенной черть, согласуйтесь съ общимъ движеніемъ частей войскъ. Наконецъ, не удручайте воиновъ медленіемъ къ пріобрѣтенію славы."

Лѣстницы и фашины розданы были заблаговременно для пріученія солдатъ. 10 Числа по возхожденіи солнца началась пальба съ гребнаго флота и съ четырехъ батарей, устроенныхъ на обоихъ крылахъ. Турки отвѣчали сперва изъ крѣпости безпрерывною пальбою; къ полудню пальба утихала, а къ ночи совсѣмъ умолкла. Глубокая тишина воцарилась въ станахъ Измаила; слышанъ былъ только глухой шумъ, изъявлявшій заботливость и осторожность.

Съ 10 на 11 число въ три часа ночи сухопутное войско и гребная флотилія подвинулись къ Измаилу; въ пять часовъ устремились къ приступу. Густой туманъ скрывалъ начальное движеніе. Вто-

рая *колонна* къ назначеннымъ пяти часамъ приближилась къ валу. Отъ тумана, или отъ чего-то другаго, не видно было *ракеты*, пущенной на оспрову и долженствовавшей служить знакомъ къ общему нападенію. Секундъ-Маіоръ *Неклюдовъ*, отличившійся уже многими отважными подвигами, вызываясь съ егерями въ охотники, сказалъ Генералу *Лассію*: „Уже намъ время; позвольте дѣйствовать.“ *Съ Богомъ!* отвѣчалъ Ласси. Принявъ ввѣренный ему отрядъ, Неклюдовъ первый бросился въ ровъ и спустился на земляной глыбъ. Охотники въ слѣдъ за нимъ устремились. Встревоженный непріятель открылъ пушечную картечную пальбу; ружейной огонь вокругъ вала загорѣлся; туманъ спалъ какъ будто бы завѣса. Изъ глубины рва, безъ лѣстницъ, съ помощію только копій и шпыковъ, *Неклюдовъ* взобрался на валъ подъ пушки непріятельскія и къ ободренію товарищей, стоявшихъ у рва, приказалъ выстрѣлить егерямъ въ промежутки Турецкой батареи. Вскорѣ потомъ вскочилъ онъ на *бастіонъ* и былъ уже надъ головами Турокъ. Неклюдовъ овладѣлъ пушками и тяжело раненъ. Между тѣмъ Измайлов-

скаго полку Прапорщикъ Князь *Гагаринъ* приставилъ лѣстницы и съ передовыми егерями вскочилъ на *бастіонъ*.

Генералъ-Маіоръ *Львовъ* съ первой колонной быстро приближился ко рву и *палисаду*, преграждавшему путь отъ казематной батареи къ Дунаю. Немедленно приказавъ бросить *фашины*, неустрашимый *Львовъ* первый перескочилъ палисадъ; воины полетѣли въ слѣдъ за Героемъ. Сильною толпою бросились Турки на сабляхъ; штыки Рускіе отразили враговъ. *Апшеронскіе* стрѣлки и *Фанагорійскіе* гренадеры дрались какъ львы. Нѣсколько сотъ Турокъ, засѣвшихъ въ *казематной* батареи, бросали гранаты. Сыпавшійся отовсюду пламень не поколебалъ воиновъ. Они обходятъ батарею, оставляютъ ее назади; вездѣ разятъ враговъ, захватываютъ первыя батареи и устремляются къ *Броскимъ* воротамъ, названнымъ отъ *Броскаго* протока. При входѣ въ сіи ворота отличился Полковникъ Графъ *Мелинъ*, отважно напавшій и разсѣявшій толпы Турокъ. Среди сихъ успѣховъ получаютъ раны *Львовъ* и Князь Лобановъ-Росповскій. Сей ревностный Вождь отряда Апшеронскаго, который

претворилъ онъ примѣромъ своимъ въ дружину героевъ, находясь впереди, изъявилъ отличное мужество при переходѣ черезъ палисадъ и при овладѣніи набережнымъ укрѣпленіемъ. Тяжелая рана остановила подвиги его. За отсутствіемъ раненаго Генерала *Львова* Фанагорійскаго полку Полковникъ *Золотухинъ* принялъ начальство надъ первою колонною. Между тѣмъ мужественный Генералъ *Ласси*, Вождь второй колонны праваго крыла, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, преодолѣвая всѣ трудности и жестокій отпоръ враговъ, въ виду подчиненныхъ своихъ быстро взлетѣлъ на крѣпостной валъ и овладѣлъ *бастіономъ*. Мгновенно раздался единодушный кликъ воиновъ его: *ура! съ нами Богъ! да здравствуетъ Екатерина!* Кіевскаго карабинернаго полку Полковникъ *Гудовичъ*, изъ одного усердія опипросившійся къ Измаилу, при первомъ взводѣ взошелъ на *бастіонъ* и вездѣ отличался мужествомъ. Услыша побѣдоносныя восклицанія Лассіевой колонны, Золотухинъ усугубилъ рвеніе, опрокинулъ толпы непріятельскія, соединился съ Лассіемъ, взошелъ на валъ и овладѣлъ мѣстомъ, способствовавшимъ по-

ражать враговъ. *Ласси* не уступалъ ни одного шага: гналъ, истреблялъ непріятеля и захватилъ многія баттареи за *Хотинскими* воротами. Получа легкую рану въ руку и не заботясь о ней, онъ помышлялъ только о достиженіи славы.

Лѣвое крыло не уступало въ мужествѣ правому крылу. *Шестая колонна*, предводимая Генералъ-Маіоромъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, единовременно съ первою и второю колоннами, преодолѣвъ сильный картечный и ружейный огонь, дошла до рва. Здѣсь палъ подъ косою смерти Бригадиръ *Гибопіерръ*, украшенный юностью и подававшій надежду, что будетъ въ числѣ неизмѣнныхъ любимцевъ славы. Сотоварищи о немъ жалѣли; и въ Столицѣ, гдѣ блисталъ онъ прелестными дарованіями, проливали о немъ слезы; нѣжный отецъ утѣшался только тѣмъ, что сынъ его умеръ со славой. Пораженіе юнаго Героя пріостановило воиновъ: жалость оковала мужество. Но вскорѣ въ слѣдъ за Кутузовымъ воины шестой колонны спустились въ ровъ и приставили лѣстницы. Кутузовъ первый взлетѣлъ на валъ, а за нимъ всѣ подчиненные. Овладѣвъ бастіо-

номъ, Кутузовъ въ первое мгновеніе удержанъ былъ многочисленными толпами непріятелей. Суворовъ, наблюдавшій каждый шагъ Героевъ, въ сей важный мигъ послалъ поздравить Кутузова *Комендантомъ* крѣпости Измаила и прибавилъ, что онъ уже отправилъ нарочнаго съ вѣстію о покореніи крѣпости. Оставя на внутренней спинѣ крѣпостнаго рва двѣсти человѣкъ при пушкахъ, Кутузовъ призвалъ Херсонскій полкъ, остававшійся въ запасныхъ войскахъ. Съ новымъ рвеніемъ полетѣлъ онъ въ путь славы. Непріятель былъ отбитъ и пораженъ. Рускіе твердою ногою стали на той сторонѣ и простирали побѣду далѣе. *Первая*, *вторая* и *шестая* колонны, исполняя данное предписаніе отважно, мужественно и быстро, положили первое основаніе побѣды. Кутузовъ, предвѣщая будущую свою славу, былъ въ числѣ первыхъ побѣдоносцевъ.

Гребной флотъ въ то же время приближался къ крѣпости. Начальники судовъ подъ Измаиломъ были вѣстниками славы и побѣды. Генералъ-Маіоръ де *Рибасъ* первый съ острова напесъ непріятелю ударъ. Храбрый Лейбъ-Гвардіи Секундъ-Маіоръ *Мар-*

ковъ съ самаго устроенія баттарей начальствовалъ оными и по пламенному рвенію къ службѣ самъ наводилъ пушки, разилъ враговъ въ городѣ и топилъ ихъ суда. Два знаменитые иностранца также были на судахъ: Принцъ *Делинь* и Дюкъ де *Франзакъ*, Австрійскій Полковникъ. Принцъ Делинь, сынъ Маршала Делинь, бывшаго въ перепискѣ съ Екатериною, изъ усердія споспѣшествовалъ къ устроенію баттарей на сухомъ пути подъ пушечными непріятельскими выстрѣлами и потомъ перешелъ на суда. Юный Принцъ Карлъ Делинь за Измаилъ получилъ Георгія третіей степени. Восхищенный его отецъ по сему случаю воздвигъ столбъ съ надписью: *мужество его моя слава; дружба его мое щастіе.* Сей памятникъ свидѣтельствуетъ, сколь дорожили въ странахъ иноземныхъ благоволеніемъ Екатерины. Дюкъ де Франзакъ былъ неразлучнымъ сопутникомъ Принца Делиня въ подвигахъ чести и мужества. Такое соединеніе Героевъ предвѣщало успѣхъ. Хотя въ день 11 Декабря туманъ препятствовалъ большимъ судамъ, но Рибасъ и сподвижники его, поощряя подчиненныхъ примѣромъ своимъ, отразили враговъ, ус-

премившихся съ несказаннымъ упорствомъ, и въ одно мгновеніе ока выступили на берегъ. При семъ случаѣ отличился Полковникъ приморскаго *Николаевскаго* полку *Митусовъ*. Выступая мужественно на берегъ и соблюдая устройство, онъ разилъ непріятеля и содѣйствовалъ къ занятію батарей.

Третія колонна, предводимая Генералъ-Маіоромъ *Мекнобомъ*, встрѣчена была картечью и пулями. Воины въ слѣдъ за Начальникомъ опустились въ ровъ. Тутъ предстояла новая препона: глубина рва и высота бастіона превосходила всѣ другіе рвы и бастіоны; лѣстницы въ пять сажень съ половиною ставили одну на другую подъ жестокимъ огнемъ непріятельскимъ. При семъ случаѣ Герои Измальскіе возобновили то, что предки ихъ сдѣлали при взятіи *Перекопскихъ* укрѣпленій: штыки служили имъ вмѣсто лѣстницъ. Отважность пренебрегла всѣ опасности. Одни воины гибли, другіе спѣшили на валъ. Вся колонна устремилась туда, отразила враговъ, овладѣла главнымъ бастіономъ, и взявъ запасные свои отряды, опрокинула непріятеля

на простѣнкѣ двухъ бастіоновъ. Мужественный Генералъ *Мекнобъ*, тяжело раненный въ ногу, сдалъ начальство *Троицкаго* пѣхотнаго полку Полковнику *Хвостовц*. Всѣ Чиновники егерскаго *Лифлянд-скаго* корпуса, порываясь впередъ противъ враговъ, увѣнчались славными ранами. Сей отрядъ порученъ былъ гусарскаго полку Подполковнику *Фризц*. Полковникъ *Хво-стовъ*, поддерживая успѣхи раненаго Генерала *Мекноба*, занялъ баѓарею, вредившую картечными выстрѣлами, и въ продолженіи четырехъ часовъ отражалъ непріятельское стремленіе.

Четвертая и *пятая* колонны вступили въ дѣло подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Графа *Безбородки*. Четвертая колонна, предводимая Бригадиромъ *Орловымъ*, подъ жаркимъ непріятельскимъ огнемъ достигла рва и приставила лѣстницы. Часть оной взошла на валъ и овладѣла бастіономъ. Упорный врагъ, сдѣлавъ вылазку съ правой стороны *Бендерскихъ* воротъ, спустился въ ровъ, и бросясь вдоль по оному, усиливался разрѣзать колонну. Воины остановились; Начальники воскипѣли новымъ рвеніемъ. Бригадиръ *Орловъ*, Пол-

ковникъ *Грековъ*, Премiеръ-Маiоръ Иванъ *Иловайскiй*, ободря козаковъ, опразили вылазку. Одна часть непрiятеля погибла, другая прогнана въ крѣпость. Вся колонна, взошедъ на валъ отъ завладѣннаго *бастiона*, далѣе просперла успѣхи. Къ подкрѣпленiю оной приведены были запасные отряды съ обоихъ крылъ.

Пятую колонну велъ Бригадиръ *Платовъ*; при оной присутствовалъ Графъ *Безбородко*. Колонна сiя, поражаемая съ боковъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, не разстроясь, дошла до рва, наполненнаго водою. Воины поколебались. Мужественный *Платовъ* воскликнулъ: „Съ нами Богъ и Екатерина! Донцы, братья Рускимъ! впередъ!“ Въ пламенной ревности, не измѣряя глубины, Платовъ бросился въ ровъ и первый взлетѣлъ на валъ, раздѣлилъ колонну на три части, поразилъ сопротивниковъ и овладѣлъ *куртиною* и пушками. Графъ *Безбородко*, получа тяжелую рану въ руку, удалился отъ боя. Платовъ, оставшись съ храбрыми Донцами, часъ отъ часу усиливалъ побѣдоносное оружiе, и простирая оное во всѣ стороны, справа овладѣлъ *бастiономъ*, влѣво прогналъ непрiятеля,

тѣснилъ, разилъ на каждомъ шагу, и увѣнчавъ славою *колонну* свою, способствовалъ *колоннѣ* Генерала *Арсеньева*. Полковникъ *Мартыновъ*, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ на лѣвомъ крылѣ запасные козачьи отряды, способствовалъ дѣйствію пятой колонны нападеніемъ на ближайшую часть вала и занятіемъ онаго. Колонны, сдѣлавшія высадку съ *Дуная*, мужественно вступили въ дѣло. Первая изъ нихъ, подъ начальствомъ Арсеньева, достигнувъ назначеннаго мѣста, раздѣлилась на четыре части. Важнѣйшая часть, предводимая Флигель-Адъютантомъ *Зубовымъ*, отряжена была напасть на возвышенное мѣсто или *кавальеръ*, гдѣ становятся пушки. Безмѣрная крутизна, непрерывная пальба непріятеля и упорство, ничто не удержало *Зубова*. Одушевляя мужествомъ своимъ воиновъ, онъ взлѣзъ на валъ и опрокинулъ враговъ штыками. Вторая часть колонны подъ начальствомъ Подполковника *Скарабеллы*, и третія, ввѣренная Полковнику *Митусову*, заняли укрѣпленія, имъ назначенныя. Съ четвертою частію спѣшилъ въ бой Графъ *Дамасъ*, отличившійся уже при взятіи Очакова. Быстро напалъ онъ

на батарею, стрѣлявшую вдоль берега, и ударилъ на штыкахъ.

Черноморскій Войсковый Судья Полковникъ *Головатый*, какъ Начальникъ, поощрялъ подчиненныхъ, и какъ отважный воинъ, лично устремлялся на враговъ.

Когда разсѣялся туманъ и дневной свѣтъ озарилъ Измаилъ, всѣ наши войска были уже внутри крѣпости. Здѣсь начался новый бой, безпримѣрный доколѣ въ лѣтописяхъ военныхъ. Турки поклялись или умереть, или отразить Рускихъ; Рускіе поклялись или умереть, или побѣдить. Непріятель, отраженный отъ крѣпостнаго вала, защищался мужественно и упорно. Къ отпрытію *Броскихъ* воротъ усиленъ былъ отрядъ Графа *Мелина*. Въ то же время Фанагорійскій Полковникъ *Золотухинъ*, нанося Туркамъ смерть и ужасъ, прогналъ ихъ до *Хотинскихъ* воротъ и отбилъ оныя. Неподалеку въ каменномъ строеніи засѣлъ Сераскиръ *Мегмета* Паша. Золотухинъ требовалъ сдачи; Сераскиръ отвѣчалъ: *не сдадимся!* Надлежало отражать силу силою и отважность отважностію. Золотухинъ ворвался во внутренность строенія; штыки все пора-

зили. Сераскиръ и воины его умерли со славой: ни одинъ изъ нихъ не просилъ пощады и ни одинъ не обратился въ бѣгство. Мужество сопротивниковъ возвеличиваетъ славу побѣдителей. Вмѣстѣ съ Золотухинымъ дѣйствовалъ Маіоръ *Островскій*, присовокупясь къ нему со ста тридцатью гренадерами и съ тремя орудіями. Небольшіе Рускіе отряды усиливались ревностью къ славѣ. Полковникъ *Волковъ* съ тремя эскадронами *Воронежскаго* гусарскаго полку, преодолѣвъ всѣ невозможности, открылъ заваленныя *Бендерскія* ворота, исправилъ испорченный мостъ, стремительно напалъ на непріятеля и взялъ въ плѣнъ восемь сотъ Турокъ.

Четыре тысячи непріятелей, укрывавшихся въ мечети, въ двухъ каменныхъ *ханахъ* и въ казематной батареи, просили пощады, и получили оную.

Измаилъ, почитавшійся непобѣдимымъ, взятъ мужественною грудью и штыками. Ими опрокинуты обширныя и огромныя укрѣпленія; ими поражено болѣе *тридцати тысячъ* Турокъ, умершихъ достойными защитниками ввѣренной имъ крѣпости. Рускихъ пало до 1800 человѣкъ. Побѣда ук-

рашается человѣколюбіемъ. Тысячу раненыхъ и обнаженныхъ Турокъ были всѣмъ снабжены и отданы на пропитаніе.

Кромѣ иностранцевъ, о которыхъ уже упомянуто было, отличились Полковники *Тизенгаузенъ* и Графъ *Ланжеронъ*. Тизенгаузенъ, пренебрегая опасности, снималъ мѣстоположеніе и замѣчалъ дѣйствіе *колонны;* Графъ *Ланжеронъ*, оставя мятежную Францію, гдѣ буйство разрушило престолъ и олтари Вѣры, шелъ путями славы съ Рускими, не щадившими жизни за Вѣру и вѣрность.

Къ числу Измаильскихъ Героевъ принадлежатъ также Графъ *Чернышевъ* и Князь *Волконскій*. Служа при Дворѣ Екатерины Дѣйствительными *Камергерами*, они охотно вызвались на поле чести и смерти. Графъ Чернышевъ во время приступа замѣчалъ движеніе войскъ, бросался во всѣ опасности и неоднократно исполнялъ важныя порученія; Князь Волконскій рвеніемъ къ славѣ оказалъ мужество, заслужившее одобреніе и вниманіе.

Упомянуто уже было, что Суворовъ поздравилъ Кутузова Комендантомъ крѣпости въ то самое мгновеніе, когда много-

численные враги опразили его. По окончаніи молебствія, въ радостномъ изліяніи сердецъ, Кутузовъ сказалъ Суворову: „Вы поздравили меня Комменданпомъ *Измаила* въ то самое время, когда я долженъ былъ уступить многочисленному и упорному врагу.“ Суворовъ отвѣчалъ: „Я знаю Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова. Естьлибъ Измаилъ не былъ взятъ, мы бы оба умерли подъ его стѣнами.“

Извѣщая Екатерину о покореніи Измаила, Суворовъ писалъ: *гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.* Князя Потемкина увѣдомилъ онъ въ сихъ словахъ: *Знамена Русскія развѣваются на стѣнахъ Измаила.*

И великіе люди погрѣшаютъ. Почитая умершимъ *Неклюдова*, который первый взлетѣлъ на укрѣпленія *Измаила* и первый увѣнчался славными ранами, Суворовъ не представилъ о немъ. Неклюдовъ цѣлый годъ страдалъ отъ ранъ и какъ будто бы исключенъ былъ изъ числа живыхъ. 1792 Года пріѣхалъ онъ въ *Петербургъ*. Тотчасъ дошло до свѣдѣнія Государыни Екатерины, Матери Отечества и щедрой наградительницы заслугъ, что тотъ воинъ, которой

первый показалъ Рускимъ полкамъ стезю на стѣны Измаильскія, что тотъ самый воинъ ничѣмъ еще не награжденъ. Великодушная Царица назначила ему четвертой степени Святаго Георгія Побѣдоносца, пожаловала двѣсти душъ, и изъ Секундъ-Маіоровъ произвела въ Подполковники. Въ середу донесли Екатеринѣ о воинѣ Измаильскомъ, въ Воскресенье представленъ онъ былъ во дворецъ для принесенія благодарности. Когда Государыня съ величіемъ и кротостью выходила изъ храма Божія, *Неклюдовъ* повергся на колѣни и облобызалъ ея десницу. Правая рука *Неклюдова* была еще подвязана. Екатерина, не отнимая своей руки, приподняла неустрашимаго воина, показывая сею внимательностію, что рука ея готова поддерживать всѣхъ вѣрныхъ защитниковъ Престола и Отечества. Герой Измаильскій лилъ слезы изъ очей, и всѣ предстоявшіе прослезились. Возставляя державною дланью воина, не щадившаго жизни за Вѣру и вѣрность, она сказала: *Я рада; вы достойны. Благодарю тѣхъ, которые мнѣ о васъ напомнили.* Радость Матери Россіянъ сосгояла въ томъ, что-

бы *отыскивать* и *награждать* достойныхъ. Всѣ подвиги ея доказываютъ, что она не только награждала какъ Повелительница, но и услаждала сердца какъ Матерь. Когда приготовляли грамоту для *Неклюдова*, Государыня приказала узнать, на какой лошади болѣе ѣздилъ онъ въ конной службѣ. Ей доложили, что на *бѣлой*. И такого цвѣта конь изображенъ въ рамахъ жалованной грамоты.

Уважая сотрудника своего въ подвигахъ славы, Суворовъ отправилъ къ Принцу *Кобургскому* подробное извѣстіе о приступѣ и чертежъ Измаила. Принцъ Кобургскій, благодаря Героя за сей подарокъ, между прочимъ писалъ: „Возвращеніе ваше на зимній постой разрушило пріятныя мои надежды. Я мечталъ, что вы уже въ *Браиловѣ*, откуда посылаете козаковъ, чтобы разсѣять конгрессъ *Чистовской*, столь для насъ бѣдоносный.“

Союзъ Цесарцевъ съ Рускими рушился въ теченіи 1790 года. Англія и Пруссія, завидуя успѣхамъ союзниковъ, угрожали Австріи и домогались преклонить на свою сторону Польшу. Императоръ *Іосифъ* принужденъ былъ приготовить войска свои

противъ Пруссіи. Вскорѣ смерть прекратила жизнь и предпріятія его. Вскорѣ умеръ и Фельдмаршалъ *Лаудонъ*, назначенный предводителемъ войскъ, ополченныхъ противъ Пруссіи. Въ послѣднія мгновенія жизни своей престарѣлый *Лаудонъ* сказалъ: „Всѣми успѣхами обязанъ я вѣрѣ моей въ Создателя и надеждѣ, что предъ Него предстану.“ Всѣ истинно великіе Полководцы соединяли славу съ вѣрою къ Богу и съ надеждою на безсмертіе.

Въ письмахъ своихъ къ Маршалу Принцу *Делинь* Екатерина остроумнымъ и опытнымъ перомъ изобразила состояніе Европы въ продолженіи 1790 года. „Поляки, щеголяя вольностью своей, готовы покориться превратному самовластію. *Сеймъ* и *Диванъ* ощдались въ опеку; они дремлютъ, ожидая успѣховъ отъ мнимыхъ покровителей своихъ. Мы бьемъ Турокъ... Вы, Австрійцы! вы заключаете миръ!.. Англія вооружается; Испанія занимается переговорами. Во Франціи *тысяча двѣсти* законодателей, которымъ, кромѣ Короля, никто не повинуется. Голландія мнитъ барышей, не помышляя о вооруженіи.“

Въ началѣ Января 1791 года Суворовъ отправился въ Петербургъ, гдѣ встрѣтили его новыя награды, заслуженныя имъ. Хотя съ Швеціей миръ былъ заключенъ, но иностранные Дворы, домогаясь обезсилить Россію, занятую войною съ Турціей, снова возбуждали Швецію къ ополченію. Густавъ не отважился ко вторичной борьбѣ. — Въ Мартѣ мѣсяцѣ начались военныя дѣйствія за Дунаемъ, а въ Апрѣлѣ Екатерина препоручила Суворову укрѣпленіе границъ со стороны Швеціи. Подъ симъ предлогомъ хотѣла она славою покорителя Измаила удержать Шведовъ отъ непріязненныхъ покушеній. Флотъ, находившійся у береговъ Финляндскихъ, поступилъ также въ вѣдомство Суворова. Начальникъ онаго Принцъ *Нассау-Зигенъ*, съ дозволенія Екатерины, отправился къ Французскимъ Принцамъ на *Рейнъ*. Естьлибъ всѣ Европейскія Державы, оставя пагубную зависть, заблаговременно и единодушно вооружились противъ Франціи, возмущенной развратовъ, то можетъ быть не воспослѣдовалобъ двадцати-пятилѣтнее кровопролитіе.

28 Апрѣля 1791 года Князь Таврическій, въ честь покоренія Измаила, далъ въ Таври-

ческомъ Дворцѣ празднество Екатеринѣ и всему Двору. Никогда роскошь, вкусъ и великолѣпіе не являлись въ столь блистательномъ видѣ. Волшебное сіе празднество было послѣднимъ празднествомъ Потемкина въ Сѣверной Столицѣ.

Суворовъ занимался укрѣпленіемъ границъ въ Финляндіи и присутствіемъ своимъ удерживалъ Шведовъ; Руское оружіе продолжало торжествовать въ Турціи. 4 Іюня Кутузовъ, отправленный съ отрядомъ войскъ изъ Измаила, поразилъ Турокъ при *Бабадѣ*. 22 Числа того же мѣсяца крѣпость *Анапа* взята приступомъ подъ начальствомъ Генерала *Гудовича*. 28 Іюня подъ начальствомъ Князя *Репнина* пораженъ за Дунаемъ при *Мачинѣ* Верховный *Визирь*. Въ извѣстіяхъ того времени сказано, что движеніе, сдѣланное Кутузовымъ, рѣшило побѣду упорнаго и продолжительнаго *Мачинскаго* сраженія. 31 Іюля Контръ-Адмиралъ *Ушаковъ* снова разсѣялъ Турецкій флотъ и распространилъ ужасъ до столицы Оттоманской. Султанъ пробудился ночью отъ пушечныхъ выстрѣловъ бѣжавшаго корабля и требовавшаго помощи. Того же числа, за отсутствіемъ Князя

Потемкина, Князь Репнинъ заключилъ съ Турками предварительныя условія о миръ.

Предложимъ здѣсь о семъ достопамятномъ сраженіи отрывокъ изъ иностраннаго сочинителя жизни Князя Потемкина.

„Большая Оттоманская армія, совокупя разсѣянные отряды войскъ своихъ, расположилась станомъ въ *Булгаріи* подъ *Мачинымъ*. Верховный Визирь *Юсуфъ Паша*, назначенный начальникомъ оной, прибывъ въ то самое время, когда армія готовилась къ походу. Съ сею почти стотысячною арміей Юсуфъ Паша разпорядилъ все къ главной битвѣ, всегда пагубной для Турокъ, привыкшихъ разсѣяваться послѣ перваго напора. Полетъ вождя Турецкаго остановленъ былъ медленностію Азіятскою; намѣренія его разрушились. Князь Репнинъ, начальствовавшій Рускими въ отсутствіе Князя Потемкина, съ обыкновенною дѣятельностію своей исполнилъ то, что Визирь предпринималъ. Онъ двинулся противъ Турокъ, напалъ на нихъ, разбилъ и надъ искуснѣйшимъ Турецкимъ полководцемъ одержалъ блистательнѣйшую и рѣшительнѣйшую побѣду изъ всей той войны.

Репнинъ видѣлъ, что ему надлежало предупредить Визиря, и при семъ случаѣ радовался, что со славою военною могъ соединить благо Государственное. Уполномоченный довѣренностію Екатерины, онъ не тратилъ времени перепискою съ Потемкинымъ. Подкрѣпляясь собственною опытностію и надѣясь на храбрость войскъ, онъ внезапно перешелъ за Дунай и едва ли съ сорока тысячами напалъ на непріятеля, почти впрое превосходившаго его числомъ. Сраженіе было продолжительное и упорное; побѣда долго колебалась. Турки защищались съ неизмѣннымъ мужествомъ, долженствовавшимъ увѣнчать ихъ побѣдой; но они изнемогли отъ сильнаго сопротивленія и подверглись совершенному пораженію (*). Рускіе страшное произвели *убійство* и овладѣли несмѣтными сокровищами въ станѣ, куда стеклись зна-

---

(*) Здѣсь явное противурѣчіе. Иностранный сочинитель жизни К. Потемкина отдаетъ справедливую похвалу опытности К. Репнина; но онъ самъ потомъ увѣряетъ, что Турки, защищавшіеся съ непоколебимымъ мужествомъ, опъ *изнеможенія* только были побѣждены.

менитѣйшіе Турецкіе Чиновники (*). Великій Визирь, невозвратно потерявъ надежду побѣдить Рускихъ, занялся единственно заключеніемъ мира, который былъ бы не столь вреденъ Порть. Онъ отнесся съ предложеніями своими къ Князю Репнину. Рускій Полководецъ охотно оныя принялъ, зная, что Екатерина принужденно воевала съ Турками и непремѣнно желала мира (**). Турки удивились умѣреннымъ условіямъ. Рѣка *Дѣстро* долженствовала служить естественною границей; а Турки обязались уступить все то, чѣмъ владѣли между сею рѣкою и Бугомъ. Князь Репнинъ великій подвигъ мира запечатлѣлъ побѣдой."

1791 Года Января 14 Россійская Словесность лишилась Якова Борисовича Княжнина. Онъ началъ театральное свое поприще *Дидоною*, и показалъ, что съ силою чувствованій умѣетъ соединять чистоту и прелесть слога. Всѣ его трагедіи

(*) Я почти буквально перевожу, и потому повторяю выраженіе иностраннаго Историка, назвавшаго пораженіе Турокъ убійствомъ.

(**) И здѣсь пріятно повторить, что по свидѣтельству многихъ иностранныхъ писателей Екатерина воевала съ Турками противъ желанія.

наполнены величественными мыслями и выраженіями. Въ *Хвастунѣ* онъ предложилъ образецъ *комическаго* слога. Въ операхъ его есть много замысловатости и остроты. Мѣлкія его стихотворенія отличаются легкою и пріятною кистію. Душа его оживлялась нѣжностью и благородствомъ. Онъ любилъ страстно Отечество, но иногда переселялся мыслію на цвѣтущія долины Швейцарскія и желалъ быть сотоварищемъ щастливыхъ пастырей, воспѣтыхъ *Гесне-ромъ*. Мечтательность нераздѣльна съ духомъ стихотворческимъ. Думаютъ, что глубокая сердечная чувствительность уморила смерть его. *Озеровъ*, творецъ *Едипа*, *Фингала* и *Дмитрія Донскаго*, былъ его ученикомъ и въ слѣдъ за наставникомъ своимъ вступилъ въ храмъ безсмертія.

Суворовъ, обозрѣвая быстрымъ взглядомъ дѣйствія въ Турціи и произшествія Польскія, заняпія свои въ *Финляндіи* почиталъ *бездѣйствіемъ*. „Я могу быть всюду обращенъ по почтѣ,“ писалъ онъ къ роднымъ своимъ: „могу дѣйствовать и здѣсь и тамъ. . . Я живу въ непрестанной мечтѣ.“

По желанію Екатерины Потемкинъ съ неограниченнымъ уполномочіемъ поспѣшилъ

изъ Петербурга въ Молдавію. Между прочими требованіями онъ настаивалъ, чтобы Порта не перемѣняла въ Молдавіи и Валлахіи Господарей по волѣ своей, но чтобы то зависѣло отъ согласія природныхъ Бояръ и отъ Рускаго Консула. Турки упорствовали, война гопова была возгорѣться; но вскорѣ перемѣнились обстоятельства. Потемкинъ заразился въ *Яссахъ* лихорадкою, свирѣпствовавшею въ тѣхъ мѣстахъ. Чувствуя изнеможеніе силъ своихъ и пренебрегая пособія Врачей, онъ вознамѣрился ѣхать въ Очаковскую область. *Я хочу умереть въ своемъ Николаевѣ*, говорилъ онъ. Онъ отправился въ путь; но въ придцати верстахъ отъ *Ясс* насталъ послѣдній часъ для Князя Таврическаго. Онъ велѣлъ остановиться; вышелъ изъ кареты, легъ на распростертомъ плащѣ, приложилъ образъ къ груди и испустилъ дыханіе на степи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возгремѣлъ славою. Онъ умеръ на пятьдесятъ второмъ году. Послѣдніе мѣсяцы его жизни были мѣсяцами душевнаго помленія. При погребеніи Принца *Виртемберскаго* Потемкинъ въ глубокой задумчивости сѣлъ на дроги, приготовленныя для гроба. Одинъ изъ

приближенныхъ замѣтилъ сію ошибку; Потемкинъ отвѣчалъ: *можетъ быть и меня скоро повезутъ на такихъ же дрогахъ.*

„Въ чемъ," говоритъ Принцъ *Делинь*: „въ чемъ заключалось очарованіе дѣяній и обхожденія Князя Потемкина? *Въ умѣ и въ умѣ превосходномъ.*" Воспоминая о Князѣ Таврическомъ, Державинъ сказалъ, что онъ *ослѣпился взвѣсить мощь Росса и духъ Екатерины.*

„Имя ваше" писалъ Булгаковъ къ Потемкину по совершеніи Крымскихъ дѣлъ: „имя ваше будетъ безсмертно въ Исторіи вѣковъ." Отвѣчая на письмо Булгакова, Потемкинъ сказалъ: „Вы относите ко мнѣ дѣла Крымскія: это увеличиваетъ еще болѣе заслуги ваши. Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами Турки: ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бы побѣждены, но Руская кровь также бы потекла!"

На полѣ битвъ, въ виду непріятельскихъ батарей, не щадя жизни своей, Потемкинъ проливалъ слезы, видя опасность другихъ. Онъ желалъ, чтобъ кровь Руская лилась менѣе и чтобы болѣе производилось дальновидною осторожностью; онъ былъ

въ томъ уполномоченъ и обладалъ умомъ, способнымъ къ симъ безкровнымъ подвигамъ славы. Сидя въ мнимой безпечности и по обыкновенію своему *кусая ногти*, онъ силою парящаго ума обтекалъ Европейскія и области другихъ странъ свѣта; все наблюдалъ и все соображалъ. Межуя пространство морей подобно Помпею, Потемкинъ начерталъ одно слѣдующее предписаніе: „Флоту первая станція въ Адріатическомъ морѣ, а отдыхъ у береговъ Египта.“ Суворовъ и Потемкинъ *жили во непрестанной мечтѣ*, хотя и различествовали во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Одинъ по обстоятельствамъ жизни своей и сообразуясь съ предѣлами ввѣренной ему власти, сталъ на чреду простаго воина и во всемъ, кромѣ превосходныхъ душевныхъ качествъ, былъ простымъ воиномъ. Другой, блистая при Дворѣ, блисталъ и подъ шумомъ бурь военныхъ. Но когда гремѣли звуки очаровательной музыки, когда въ палаткахъ и въ землянкахъ его все ликовало; когда всѣмъ представлялся блескъ пышности и стеченія всѣхъ утѣхъ: тогда онъ одинъ не видѣлъ ни блеска, ни пышности; тогда онъ точно такъ мечталъ

на роскошномъ диванѣ, какъ Суворовъ мечталъ на одрѣ соломенномъ. Но сіи мечтанія, произходившія отъ избытка силъ душевныхъ, способствовали имъ усматривать то, о чемъ другіе не могли и догадываться. Ни одно, даже и самое отдаленное предпріятіе въ Европѣ не укрывалось отъ прозорливости Князя Таврическаго. Нерѣдко по препорученію его въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ печатались бумаги, извѣстныя только тѣмъ, которые ихъ сочиняли. Вездѣ неусыпною осторожностію побѣждалъ онъ хитрости и происки, и важнѣйшія дѣла прикрывалъ выдумками легкомыслія. Посылая въ Парижъ для покупки модныхъ бездѣлицъ, онъ умѣлъ узнавать тамъ все, что нужно ему было знать для пользы Отечества, глубоко запечатлѣннаго въ его сердцѣ. Уже съ 1783 года предусматривалъ онъ бурю Французскаго мятежа. „Французы“ писалъ онъ въ Константинополь къ Булгакову: „у васъ пронырствуютъ, у насъ кланяются, а дома погибаютъ.“ Сіи слова происходили не отъ презрѣнія, но отъ сожалѣнія къ погибавшимъ Французамъ. Великая его душа чужда была ненависти; онъ жилъ любовью и мило-

сердіемъ. Ни одинъ изъ его недоброжелателей не могъ укорить его въ умышленной несправедливости; а соперники, даже и тогда, когда уже онъ сокрылся во гробъ, были ревностными защитниками ума и славы его. Читая извѣстіе о кончинѣ Потемкина, Румянцевъ прослезился и съ душевнымъ умиленіемъ проговорилъ: *Вѣчная тебѣ память, Князь Григорій!* Примѣтя удивленіе, изобразившееся на лицахъ приближенныхъ, Герой Задунайскій прибавилъ: *Такъ! Потемкинъ былъ мнѣ непріятелемъ; но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а Отечество потеряло усерднѣйшаго сына.*

По смерти Потемкина Безбородко самъ вызвался ѣхать въ *Яссы* для скорѣйшаго окончанія мирныхъ переговоровъ. Именемъ Императрицы онъ требовалъ въ уплату за военныя издержки сперва *двадцати*, а потомъ *двѣнадцати* милліоновъ. Совѣщаніе, шедшее сначала успѣшно, сильно взволновалось отъ сего требованія. Съ обѣихъ сторонъ отправлены были нарочные къ ихъ Дворамъ. Получа отвѣтъ изъ Петербурга, Безбородко созвалъ *конгрессъ* и убѣдительно представилъ пользы Турціи въ

заключеніи мира съ Россіей. Сдѣлавшись уступчивѣе, Турецкіе послы подписали обязательство о выдачѣ требуемыхъ денегъ. Безбородко, взявъ обязательство и разодравъ оное, сказалъ: „Россійская Императрица не имѣетъ нужды въ Турецкихъ деньгахъ; ей драгоцѣнны только права ея и честь подданныхъ. Государыня моя даритъ васъ деньгами.“ Отъ сего великодушнаго подвига слезы блеснули въ очахъ Турецкихъ пословъ и *Рейс-Ефенди* воскликнулъ: „Вы спасли жизнь Великаго Визиря, любимаго Турками.“

Въ слѣдствіе мира, заключеннаго съ Турціей 29 Декабря 1791 года, Порта подтвердила всѣ прежніе договоры и уступила Россіи *Очаковъ* и всю страну до рѣки Днѣстра.

Послѣ каждой войны Екатерина облегчала тягости народныя. „Въ вашей Европѣ,“ писала она къ Маршалу Принцу Делинь: „Европейцы утверждаютъ, что я разоряюсь, что истощаю казну и что, не умножая налоговъ, не найду средствъ къ удовлетворенію нуждамъ Государственнымъ. Богъ съ ними! Мое маленькое хозяйство идетъ своимъ чередомъ.“

Съ потрясеніемъ Государственныхъ постановленій все поколебалось во Франціи. Нововводители, желая все преобразить, все разрушали, не подавая никакой надежды къ утвержденію общественнаго порядка. Вмѣстѣ съ Государственнымъ постановленіемъ потряслось во Франціи состояніе семейственное. Устрашась возшумѣвшей бури, множество Французовъ, оставляя свои праотеческіе замки, свои помѣстья, бѣжали изъ Франціи, не зная даже, гдѣ остановится горестное ихъ странствіе. Не только старинные вельможи и дворяне, но многіе и изъ тѣхъ, которые занимали важныя должности Государственныя и отличались праводушнымъ исполненіемъ оныхъ, спѣшили оставить ту страну, гдѣ мнимые уравнители, домогаясь самовластія, проповѣдывали небывалое равенство и своевольную свободу. Въ числѣ сихъ выходцевъ находился *Сенанжѣ де Мельганѣ*, извѣстный пріятными сочиненіями, основательными разсужденіями о Исторіи и честностію въ отправленіи прежнихъ должностей своихъ: заслужа вниманіе Адмирала Мордвинова, пользовавшагося довѣренностію и уваженіемъ Императрицы, онъ посредствомъ его про-

силъ Екатерину, чтобы ему дозволено было писать Рускую Исторію осмагонадесять столѣтія. На сіе отношеніе Екатерина отвѣчала Н. С. Мордвинову письмомъ отъ 4 Октября 1790 года, въ которомъ изобразила мысли свои и о Руской Исторіи и о правилахъ возмутителей Франціи. Сіе письмо, живо изображающее душу Екатерины, есть драгоцѣнный Историческій памятникъ.

„Иностранецъ“ говоритъ она: „вознамѣрясь писать Рускую Исторію, долженъ отвергнуть предубѣжденія, поселившіяся въ умахъ иноземцевъ о Россіи. Онъ не долженъ изображать Отечества нашего черными красками, не изслѣдовавъ, что дѣлалось тогда въ другихъ странахъ, когда Россія представляется ему въ темнотѣ и мракѣ. Онъ не долженъ утверждать, будтобы до Петра Перваго не было въ Россіи ни законовъ, ни управленія Государственнаго. У насъ было и то и другое. Соглашаюсь, что мятежи, воспослѣдовавшіе по кончинѣ Царя Іоанна Васильевича, отодвинули Россію на сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ; но до того времени она шла на ряду съ Европой. До перваго нашествія Татаръ на Россію Рускіе Князья имѣли весьма значи-

тельное участіе въ дѣлахъ Европейскихъ; они вступали въ союзы и родство почти со всѣми владѣтельными Европейскими Домами. Рускіе Князья не рѣдко поддерживали Королей и Императоровъ. Касательно Исторіи моего царствованія, скажу вамъ, что современныя Исторіи Государей подобны памятникамъ, которые воздвигаютъ имъ при жизни ихъ. Смотря на сіи памятники, не знаешь, украшенію ли города они посвящены, или заслугамъ? Я конечно могу доставить вѣрныя записки, подкрѣпляемыя произшествіями; но сочинитель или издатель долженъ покориться труднымъ и необходимымъ правиламъ. Записки, издаваемыя съ моего согласія, должны имѣть одну цѣль, одно намѣреніе, одинъ общій подвигъ, чтобы представить величайшую славу Россіи и чтобы служить потомству зеркаломъ и предметомъ соревнованія. Всякой другой оборотъ не приличенъ и вреденъ. Въ наше время не только недолжно умалять блеска дѣяній и произшествій; но надобно напротивъ того поддерживать умы и возбуждать въ нихъ величіе, ведущее къ подвигамъ безсмертнымъ.

„Я освѣдомлялась и узнала, что *Сенанжъ де Мельганъ* не заражень мнимымъ равенствомъ, которое подвергло Францію бѣдственному безначалію. Равенство умовъ есть мечта. Говоря откровенно, я желаю, не лести, но безпристрастной оцѣнки произшествій; я желаю, чтобы въ почности изобразили причины возвышенія и упадка умовъ. Скажите Г. *Мельганц*, что я благодарна за лестный его обо мнѣ отзывъ и что я всегда старалась заслужить уваженіе честныхъ людей. Но я знаю, что все то, что я учредила въ Россіи *по причинѣ* и *по опыту*, подверглось превратному суждению въ чужихъ краяхъ. Упомяните о семъ *Г. Мельганц* . . . Онъ долженъ согласиться, что трудно писать Исторію того народа, котораго не знаемъ языка, и едва ли можно изображать обычаи, несходныя съ обычаями другихъ странъ. Представьте ему, что сіи обычаи ни мало не странны; ибо каждая земля имѣетъ свои обычай. Наконецъ, замѣтьте ему, что одна только Руская Исторія можетъ дополнить недостатки другихъ Исторій, и что есть-ли не обозрѣваемъ ее въ семъ видѣ, то отдалимся отъ истинной цѣли.

„Въ одномъ изъ сочиненій Г. *Мельгана* встрѣтила я блестящую и разительную мысль.“ *Власть*, говоритъ онъ: *подобно винц*, *обнаруживаетъ душу и сердце.* Власть, ввѣренная Г. *Мельганц*, обнаружила его качества, доставившія ему безпорочную славу, которая достигла и въ Россію. Франція крайне должна жалѣть, что безпокойныя обстоятельства лишаютъ ее достойныхъ людей. До сего времени Франція сіяла блескомъ, которымъ озарило ее царствованіе Людовика XIV. Перемѣна пагубныхъ правилъ безъ сомнѣнія водворитъ во Франціи другой порядокъ вещей. Но естьли Французское безначаліе заразитъ и другія Державы, то не трудно доказать, что одни Турки выиграютъ и что имъ откроется свободный путь къ побѣдамъ.“

При угасавшемъ блескѣ древней Франціи открылись наконецъ глаза злополучнаго Людовика XVI. Тщетно до воспылавшаго мятежа духовные и Парламенты убѣждали его принять мѣры къ укрощенію развратa, разливавшагося повсюду. Любя страстно Французовъ и судя о нихъ по своему сердцу, онъ надѣялся, что кроткія

его добродѣтели, что скромная и умѣренная его жизнь, почти ни въ чемъ не отличавшаяся отъ образа жизни простыхъ гражданъ; онъ надѣялся, что сіе самопроизвольное отреченіе отъ всѣхъ пышностей верховнаго сана: онъ надѣялся, что все сіе возбудитъ и въ другихъ любовь къ умѣренности и къ мирнымъ добродѣтелямъ. А притомъ, хотя онъ и строго соблюдалъ благочестіе, но слова *равенство* и *свобода* не ужасали его слуха; заключая смыслъ ихъ въ точномъ исполненіи законовъ, ему пріятно было мыслить, что къ имени Короля добродѣтельнаго присоединится и названіе Короля правосуднаго. Словомъ: онъ всѣмъ сердцемъ желалъ усовершенствованій, но по юности лѣтъ своихъ не могъ разсудить, что опытъ есть лучшій наставникъ и на частномъ и на царственномъ поприщѣ. Кромѣ опыта, пріобрѣтаемаго временемъ, Людовикъ обладалъ всѣми превосходными душевными качествами. „Добродѣтельный Людовикъ XVI“ говоритъ *Тулонжонъ* въ Исторіи своей о Французской *революціи*: „могъ бы обратить къ общежитію дикій народъ; но онъ ни-

чего не въ силахъ былъ сдѣлать въ нѣдрахъ развращенной Франціи.“ Людовикъ и самъ убѣдился наконецъ въ сей истинѣ. Видя пагубныя дѣйствія народнаго собранія и происки безчисленныхъ клубовъ, учредившихся въ Парижѣ, онъ сказалъ: „Убѣждаюсь теперь, что развратители Франціи для того только домогаются овладѣть умами народа, чтобъ вовлечь его во всѣ ужасы безначалія. Подъ предлогомъ усовершенствованій, они хотятъ искоренить Царскую власть и установить правленіе умственное и философическое, которое было и будетъ всегда мечтою (1).“

Можно прибавить, что нѣкоторые только мечтали о умственномъ и философическомъ правленіи, а что большая часть такъ называемыхъ повѣренныхъ народа стремились къ одному владычеству. Французскій мятежъ былъ гробомъ всѣхъ добродѣтелей и свирѣпствующимъ адомъ разврата и неистоваго самолюбія. Извѣстный *Сіесъ* не стыдился напечатать, что онъ и сообщники его болѣе всего опасаются постоянной *конституціи*.

---

(1) См. записки *Сулави* о царствованіи Людовика XVI, Часть 6, стр. 395.

Пагубное злоумышленіе, возмутившее Францію, возмущало часъ отъ часу болѣе и Польшу. Нововводители, желая преобразованій, издали 3 Мая 1791 года *конституцію*, или постановленіе, низпровергшее всѣ прежнія постановленія. Избирательный престолъ обращенъ сталъ въ наслѣдственный; предприняты были различныя уравненія, о которыхъ легко писать, но исполнять трудно. Въ числѣ преобразователей былъ знаменитый *Костюшка*. Отличаясь умомъ и душевными способностями, онъ не былъ надѣленъ дарами щастія. Вскорѣ по окончаніи ученія плѣнился онъ дочерью знатныхъ и богатыхъ родителей. Хотя она питала къ нему взаимную любовь, но принуждена была выдти за Князя *Любомирскаго*. Въ скорби душевной *Костюшка* оставилъ отечество и полетѣлъ за дальнія моря, куда множество молодыхъ пылкихъ людей завлечены были желаніемъ содѣйствовать къ независимости обширныхъ областей *Сѣверной* Америки. Вмѣстѣ съ Маркизомъ *Лафаетомъ* служилъ онъ подъ знаменами *Вашингтона*. Лафаетъ принесъ во Францію духъ независимости; *Костюшка* ускорилъ вос-

паленіе умовъ въ Польшѣ. Онъ желалъ добра Полякамъ, но не имѣлъ зрѣлой опытности, измѣряющей силы свои, соображающей прошедшее съ настоящимъ и выжидающей времени для рѣшительнаго дѣйствія. Такъ поступалъ *Вашингтонъ*; ученики его не умѣли ему подражать. Не льзя также не согласиться, что и раздраженное самолюбіе участвовало въ предпріятіяхъ Костюшки: ему хотѣлось унизить тѣхъ, отъ которыхъ самъ нѣкогда терпѣлъ униженіе. Отважность хороша иногда въ военныхъ обстоятельствахъ; но въ дѣлахъ Государственныхъ всегда нужна дальновидная осторожность.

Поляки, новымъ постановленіемъ своимъ соединяя *многовластіе* съ *безначаліемъ*, раздѣлились на разныя стороны. Множество Дворянъ, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ, негодуя на уничтоженіе древнихъ ихъ правъ, составили *Торговицкую* конфедерацію подъ предсѣдательствомъ Гетмана *Потоцкаго*. Сіе совѣщаніе *или конфедерація* убѣждала Екатерину принять ее подъ покровительство свое, и удовлетворена была въ сей прозьбѣ. По настоятельству Торговицкихъ конфедератовъ Рускія войска

снова начали вступать въ Польшу. Варшавскій Сеймъ повѣстилъ въ Апрѣлѣ 1792 года *приготовленіе къ общественной оборонѣ.*

Суворовъ еще въ 1790 году предвидѣлъ то, что воспослѣдовало въ Польшѣ 1792 года. Уважая Якова Ивановича Булгакова, бывшаго Посломъ въ Турціи, и привѣтствуя его по случаю назначенія его Посланникомъ въ Польшу, Суворовъ писалъ къ нему отъ 6 Апрѣля 1790 года: „Великая наша Государыня, избравъ и возведя васъ на важную степень Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посланника при Его Величествѣ Королѣ и при *Посполитой Рѣчи Польской*, явственно показала полную свою къ вамъ довѣренность. Сія довѣренность Великой Екатерины безпрекословно свидѣтельствуетъ о вашихъ достоинствахъ, признанныхъ цѣлой Европою.

„Почитая васъ отъ всего сердца, особенное беру участіе въ новомъ вашемъ званіи. Поздравляю и васъ и общее наше Отечество.

„Нынѣшнія политическія дѣла весьма затруднительны, перепутаны и многосложны. Къ изслѣдованію оныхъ нуженъ умъ превосходный, политикъ просвѣщенный,

свѣдущій основательно правила всѣхъ Дворовъ; словомъ, сіи дѣла требуютъ такого человѣка, какого видимъ въ особѣ Вашего Превосходительства.“

Оправдывая долгъ званія своего, Булгаковъ сильными представленіями возражалъ противъ нововведеній; но тщетно. Одни по злоумышленію, другіе по легкомыслію, третіе по мнимымъ выгодамъ своимъ устремляли Польшу въ вихрь перемѣнъ, не думая, что и сами будутъ жертвами сей бури.

Между тѣмъ, когда Польша, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ управляемая Франціей, подражала ей и въ замыслахъ мятежныхъ, Король Французскій, наслѣдникъ Королей, покровительствовавшихъ Польшѣ, предпринялъ бѣгство изъ Франціи. Сіе бѣгство воспослѣдовало въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1791 года. Въ Манифестѣ своемъ, оставленномъ по сему случаю, Король говорилъ: „Въ присутствіи собранной Франціи и предъ лицемъ вселенной отвергаю всѣ узаконенія, вынужденныя у меня мятежниками, учинившими меня своимъ узникомъ. Французы! того ли ожидали вы отъ повѣренныхъ своихъ? Желаете ли вы,

чтобы безначаліе и самовластіе *клубовъ* замѣнило правительство, подъ сѣнію котораго вы благоденствовали четырнадцать столѣтій? Любовь къ Королю есть наслѣдственная добродѣтель Французовъ... Французы, и вы, Парижскіе *жители*, которыхъ предки мои называли *жителями добраго своего города!* не довѣряйте пагубнымъ внушеніямъ ложныхъ вашихъ друзей. Обратитесь къ Королю своему; онъ будетъ всегда вашимъ отцемъ и вашимъ *лучшимъ* другомъ."

Но, по замѣчанію Французскихъ Историковъ, описывавшихъ *революцію*, Король обращался къ людямъ, неспособнымъ внимать ни разсудку, ни справедливости. Онъ былъ захваченъ и привезенъ въ Парижъ. Съ сего времени Людовикъ дѣйствовалъ уже не для себя, но для семейства своего. Съ послѣдними усиліями его власти изчезли во Франціи всѣ основанія общежитія. Одинъ изъ писателей, подкупленныхъ Англичанами, первый провозгласилъ *республику* (*). Главные зачинщики мятежа Французскаго Лафаетъ, Ламетъ,

(*) Женевецъ *Дюмонъ*. Сей же извергъ возставалъ и противъ Короля и противъ Бога.

Барнавъ и прочіе, образумясь при наступленіи новыхъ бѣдствій, объявили себя *изслѣдователями Конституціи*. Но сіе позднее разкаяніе ни къ чему не послужило. Угрожая *Якобинцамъ*, они сами приведены были въ ужасъ сими ненавистниками всѣхъ законныхъ властей и порядка общественнаго. Безначаліе все поработило и обуяло всѣ умы; ненависть и мщеніе алкали разрушенія и крови. Европа, изумленная разрушеніемъ общественнаго порядка во Франціи, въ безмолвіи наблюдала пагубное изступленіе Французовъ.

Среди сего общаго безмолвія неусыпный Суворовъ не дремалъ. По образу жизни своей, отдалясь отъ всѣхъ связей съ шумнымъ свѣтомъ, онъ непрестанно читалъ, наблюдалъ произшествія современныя и соображалъ оныя съ событіями вѣковъ прошедшихъ.

Чтеніе и размышленіе изощрили умственную его дальновидность. Тѣмъ же орлинымъ взоромъ, которымъ быстро усматривалъ онъ военныя дѣйствія, тѣмъ же взоромъ усматривалъ онъ и разнообразныя произшествія политическія. Онъ видѣлъ, что волненіе Франціи произведетъ немі-

нуемыя волненія въ Европѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣмъ Европейскимъ Державамъ надлежало соединиться къ укрощенію мятежной Франціи. По сему убѣжденію онъ писалъ, что Пруссія должна выставить сто двадцать, а Россія шестьдесятъ тысячъ строевыхъ войскъ, присовокупя къ нимъ Калмыковъ, Башкирцевъ и прочія легкія войска (*). Но единодушіе не вдругъ раждается. Европейскія Державы, приведенныя въ недоумѣніе Французскимъ мятежемъ, не могли вдругъ сообразить послѣдствій онаго, или лучше сказать, ожидали того времени, когда Провидѣніе, располагающее судьбою Царствъ и народовъ, подвигнетъ ихъ къ общему возстанію для спасенія возмущенной Европы.

Пламя войны часъ отъ часу болѣе разливалось въ областяхъ Польскихъ. Одно единодушіе непоколебимо. Поляки, волнуемые разномыслiемъ, не соблюдали единодушія и въ военныхъ распоряженіяхъ. Иногда одерживали они поверхность, но чаще разсѣявались послѣ слабаго сопротивленія.

(*) См. Жизнь Суворова, имъ самимъ описанную и изданную сочинителемъ сей Исторіи.

24 Августа 1792 года Король Польскій торжественно приступилъ къ *Торговицкой* Конфедераціи. Въ объявленіи о томъ сказано: „Одинъ Сеймъ столько издалъ законовъ, что когда надлежало распорядить ихъ и привести въ исполненіе, то принуждены были вовсе оные уничтожить.“

То же самое происходило и во Франціи. Мятежники, низпровергнувъ древнее Правительство, издавали и отвергали тысячи законовъ. *Людовикъ* XVI со всѣмъ своимъ семействомъ заключенъ былъ въ темницу. Въ одинъ годъ два Короля лишились власти и нѣсколько Государствъ клонились къ паденію.

Въ исходѣ 1792 года беззаконное сонмище, называемое *Французскимъ Конвентомъ*, приговорило къ смертной казни Людовика XVI за то, что онъ дорожилъ каждою каплею крови подданныхъ своихъ. Извѣстясь о семъ приговорѣ, Людовикъ сказалъ: „Тѣ, которые меня любятъ, должны радоваться, что я достигаю предѣла моихъ страданій.“ Отдѣлясь отъ всего земнаго, онъ остался только съ Богомъ и вѣрою. Видя передъ собою отверзавшійся чертогъ вѣчности, онъ написалъ завѣщаніе,

достойное быть помѣщеннымъ во всѣхъ лѣтописяхъ міра.

„Оставленный цѣлою вселенной“ говорилъ онъ: „я могу прибѣгнуть къ одному только Богу. Заключенный съ семействомъ моимъ въ темницѣ тѣми, которые были нѣкогда моими подданными, въ присутствіи Бога объявляю послѣднюю мою волю и послѣднія мои чувствованія. Прошу Бога, да приметъ Онъ душевное мое разкаяніе въ томъ, что я скрѣпилъ именемъ моимъ (хотя и насильственно) предписанія, противныя церкви Каталической. Прошу тѣхъ, которыхъ обидѣлъ *нечаянно* (ибо я не помню, чтобы умышленно нанесъ кому нибудь обиду): да простятъ они меня. А я съ моей стороны отъ всего сердца прощаю тѣхъ, которые учинились моими врагами, хотя и не подалъ имъ къ тому никакого повода; молю Бога, да проститъ Онъ и тѣхъ, которые мнѣ много сдѣлали зла.

„Препоручаю Богу мою супругу, моихъ дѣтей, сестру, моихъ тетокъ, моихъ братьевъ и всѣхъ моихъ единокровныхъ.

„Препоручаю дѣтей моихъ моей супругѣ: я никогда не сомнѣвался въ материнской ея нѣжности. Болѣе всего препоручаю ей внушать имъ правила добрыхъ Христіянъ и честныхъ людей. Пусть вразумитъ она ихъ, что величіе сего міра (естьли они будутъ къ оному осуждены) есть благо опасное и тлѣнное, и пусть научитъ она ихъ обращаться къ славѣ прочной и долговременной, сіяющей въ предѣлахъ вѣчности.“

Чему бы подвергся Людовикъ XVI, говорятъ историки его жизни, естьлибъ онъ не подкрѣплялся вѣрою тогда, когда вся вселенная его оставила?

Приближась къ лобному мѣсту, Король самъ снялъ съ себя епанчу, разстегнулъ галстугъ и обнажилъ шею и плеча. Потомъ сталъ на колѣни для выслушанія отъ духовника своего послѣдней молитвы. Духовникъ его, Ирландскій Аббатъ *Еджеворѳъ* (да славится имя его повсемѣстно!) также повергся на колѣни и по вдохновенію душевному воскликнулъ: „Сынъ Святаго Людовика! гряди въ небеса!“

По смерти Людовика учредилось во Франціи *владычество изверговъ*. Въ теченіи 1793 года избранный ими Епископъ Па-

рижскій отвергъ торжественно вѣру Католическую. Изверги установили царство *природы* и *разсудка*, или лучше сказать *безумія*. Вскорѣ и злополучная Королева погибла подъ остріемъ сѣкиры; а сынъ ея умеръ отъ истомленія, претерпѣваемаго имъ у мастероваго, которому отданъ былъ въ присмотръ. Все сіе совершилось въ Державѣ, славившейся просвѣщеніемъ и въ осьмомъ надесять столѣтіи, названномъ первенствующимъ вѣкомъ просвѣщенія! Что же значитъ просвѣщеніе человѣческое и что значитъ величіе земное? Къ утѣшенію страждущаго человѣчества не избѣгъ смертной казни и люпый Принцъ *Орлеанскій*, алкавшій крови родственника своего Людовика XVI.

Въ теченіи сего же 1793 года разбойническія Африканскія области признали Францію *республикою*. Онѣ дѣйствительно вступили въ союзъ съ новымъ вертепомъ разбойниковъ. *Вольтеръ*, столь часто осмѣивавшій Вѣру Христіянскую, предрекъ, что произойдетъ тамъ, гдѣ падутъ олтари Вѣры. Вотъ слова его: „Гдѣ изчезаетъ Вѣра, тамъ общество претворяется въ вертепъ дикихъ звѣрей.“

Прерывая съ мятежной Франціей всѣ политическія сношенія, Екатерина писала: „Замѣшательства во Франціи, отъ 1789 года произшедшія, не могли не возбуждать вниманія въ каждомъ благоустроенномъ Государствѣ. Доколѣ оставалась еще надежда, что время и обстоятельства послужатъ къ образумленію заблужденныхъ, и что порядокъ и сила законной власти возстановлены будутъ, терпѣли мы свободное пребываніе Французовъ въ Имперіи нашей и всякое съ ними сношеніе. Видѣвъ послѣ буйство и духъ возмутительный противъ Государя ихъ, далѣе и далѣе возрастающій, съ неисповѣдными намѣреніями правила безбожія, неповиновенія верховной Государской власти и отчужденныя всякаго добраго нравоученія, не только у себя утвердить, но и заразу оныхъ распространить во вселенной, прервали мы политическое сношеніе съ Франціей. Нынѣ, когда ко всеобщему ужасу въ сей нещастной землѣ преисполнена мѣра буйства, когда нашлось болѣе семи сотъ изверговъ, которые неправедно присвоенную ими силу до того употребили, что подняли руки свои на умерщвленіе Помазанника Божія,

законнаго ихъ Государя, въ 10 день Января сего года люпымъ мучительнымъ образомъ въ дѣйствіе произведенное, мы почитаемъ себѣ долгомъ передъ Богомъ и совѣстію нашею не терпѣть между Имперіею нашею и Франціею никакихъ сношеній, каковыя между Государствами благоустроенными существуютъ, доколѣ правосудіе Всевышняго накажетъ злодѣевъ и его Святой волѣ угодно будетъ положить предѣлъ нещастіямъ сего Королевства, возстановя въ немъ порядокъ и силу законной власти.“

При семъ отреченіи Россіи отъ сношеній съ мятежною Франціей Франція отреклась сама отъ себя. Изверги, ее порабопившіе, явно вопіяли: „мы не хотимъ поступать по правиламъ философическимъ; мы будемъ дѣйствовать какъ разбойники.“

Изчезла вѣра, утверждавшая Францію; *изчезли и философическія лжеумствованія*, возбуждавшія къ разврату умовъ и душъ; изчезли науки, безмолвствовала словесность. Дворяне, ученые и богатые предавались смертной казни; гибли всѣ тѣ, которые что нибудь имѣли: изверги хотѣли оставить только тѣхъ, которые не могли воз-

буждать въ нихъ зависти ни умомъ, ни породою, ни состояніемъ.

Загорѣлась война междоусобная. Вмѣсто одной *Бастиліи*, гдѣ содержались прежде Государственные преступники, учредились тысячи темницъ, гдѣ безчисленныя жертвы умерщлялись убійцами, обуянными виномъ и буйствомъ. Смертоносныя орудія развозились по почтѣ; тысячи были разстрѣливаемы, тысячи были потопляемы. „Корабль мятежа Французскаго“ говорили изверги: „долженъ доплыть въ пристань кровавымъ моремъ.“ Къ ужасамъ, поражавшимъ человѣчество, присоединялись ужасы природы: города горѣли и разрушались; лѣса объяты были пламенемъ; рѣки запружены были тѣлами человѣческими; изъ обширныхъ ямъ исходилъ смрадъ непогребенныхъ, но накиданныхъ жертвъ, исщребленныхъ извергами.

Екатерина, обращая неусыпное вниманіе на обезпеченіе границъ Россіи, отдала для жительства *Запорожскимъ* или *Черноморскимъ* козакамъ осторовъ *Таманъ* или *Фанагорію* съ землею, лежащею между рѣкою *Кубанью* и *Азовскимъ* моремъ. По выслушаніи грамоты, козаки воскликнули: *Ой*

спасибожъ тебѣ, нашей Матери, за ея милость! Суровую *Запорожскую сѣчь* Потемкинъ претворилъ въ общежительное сословіе *Черноморскихъ* козаковъ. Князя Таврическаго уже не было; но благонамѣренныя его предпріятія укоренялись и процвѣтали.

Буйство Французское продолжало замыслы свои въ Варшавѣ. Въ городахъ Польскихъ заводились *клубы* по образцу Французскихъ и распространялись сношенія къ потрясенію Королевства. По симъ обстоятельствамъ число Рускихъ войскъ умножено было въ Варшавѣ.

Торжествующіе злодѣи, возмутители Франціи, воспаляя Польшу своеволіемъ, старались вооружить противъ Россіи и Порту Оттоманскую. Къ отвращенію новой бури на Югѣ, Екатерина перемѣстила Суворова изъ Финляндіи въ Таврическую Область; *Рибасц* препоручила снаряжать флотъ, а Кутузова въ первыхъ мѣсяцахъ 1793 года отправила Посломъ въ Константинополь.

25 Марта 1793 года заключено было особенное постановленіе Россіи съ Англіей по случаю необычайнаго мятежа Французскаго. Въ началѣ сего условія сказано бы-

ло: „Люди, управляющіе Франціей, низвергли страну свою въ бѣдственнѣйшее состояніе и поступаютъ съ другими Державами не только не сообразно безопасности, спокойствію и независимости, но даже и несообразно существованію порядка.“

Въ семъ же постановленіи упомянуто было, что Французы захватили всѣ Россійскіе и Англинскіе корабли, находившіеся въ ихъ пристаняхъ, и что въ слѣдствіе сего объявили войну Англіи, Сѣвернымъ Американскимъ Областямъ и Россіи; а потому сіи Державы и совѣщались между собою, чтобы положить преграду опасностямъ, угрожающимъ всей Европѣ.

Того же числа и года возобновленъ былъ *торговый союзъ* Россіи съ Англіей.

Скажемъ по справедливости, что сіи мѣры недостаточны уже были къ постановленію оплота противъ яростнаго и неистоваго разлива Французскаго мятежа. При самомъ началѣ сего мятежа надлежало всѣмъ Европейскимъ Державамъ опречься *отъ всѣхъ личныхъ и мнимыхъ выгодъ* и одушевиться искреннимъ рвеніемъ къ общему спасенію Европы; но сего не льзя *было тогда ожидать*. Дворы Европейскіе

не могли вдругъ отстать отъ хитрыхъ происковъ своей политики; каждый изъ нихъ думалъ, что Франція, истощенная внутренними бурями, послужитъ къ усиленію ихъ областей и не одинъ изъ нихъ по давнишней недовѣрчивости не могъ положиться на безкорыстное праводушіе какого-либо другаго Двора. И частные люди также страшились утраты выгодъ своихъ, не предвидя и не помышляя о будущей повсемѣстной опасности. При всемъ славимомъ просвѣщеніи осмнадцатаго столѣтія, политики и современники онаго думали, что *торговля есть душа Государствъ*, хотя въ подлинномъ смыслѣ она составляетъ только нѣкоторую отрасль гражданскаго бытія. Франція волновалась отъ явнаго и общаго сліянія развратныхъ страстей, а въ прочихъ Европейскихъ областяхъ раздѣленныя страсти ловили однѣ мгновенныя наслажденія и различными путями стремились къ одной цѣли — къ личной своей корысти.“

И такъ по уставамъ Провидѣнія единодушное возстаніе Царствъ и единогласное отреченіе народовъ отъ всѣхъ личныхъ выгодъ долженствовали ознаменоваться по-

слѣ долговременныхъ бурь и потрясеній всѣхъ областей Европейскихъ. Оно хотѣло показать и царствамъ и народамъ, что не торговля и не промышленства Политическія, но вѣра, добродѣтель и правота хранятъ и спасаютъ Державы. По неисповѣдимымъ судьбамъ сего Провидѣнія, одинъ только злополучный *Людовикъ XVI*, обреченный быть жертвою изступленной Франціи, одинъ Людовикъ предусматривалъ надежнѣйшее средство къ остановленію бурныхъ порывовъ, возмущавшихъ Францію и угрожавшихъ Европѣ и вселенной. Въ половинѣ Декабря 1790 года онъ объяснялся о томъ въ письмѣ своемъ къ Королю Прускому слѣдующимъ образомъ: „Я узналъ чрезъ I. *Дюмутье* изъявленное участіе Вашимъ Величествомъ не только касательно меня, но и блага моего Государства. Сіе сугубое участіе возбудило въ сердцѣ моемъ живѣйшее чувствованіе признательсти. Хотя я принялъ *конституцію*, но бунтовщики явно показываютъ, что они вовсе хотятъ уничтожить древнее правленіе Франціи. Я относился къ Россійской Императрицѣ и къ Королямъ Гишпаніи и Швеціи; я предлагалъ имъ мысль о *Кон-*

ересѣ главнѣйшихъ Европейскихъ Державъ, подкрѣпляемомъ военною силою; я представлялъ, что сія мѣра послужитъ надежнѣйшимъ средствомъ къ возобновленію порядка, къ уничтоженію замысловъ Французскихъ мятежниковъ и къ предупрежденію того, чтобы волненія своевольной Франціи не проникли и въ другія Европейскія области (*)."

Провидѣніе отдалило сію спасительную мѣру. Въ продолженіи тридцати лѣтъ потрясались всѣ области Европейскія, и тогда уже ощутили необходимость единодушнаго возстанія для сохраненія въ Европѣ общественнаго существованія. Какой урокъ и Царствамъ и народамъ! Такіе уроки посылаетъ Провидѣніе къ засвидѣтельствованію, что по волѣ Его ошибается и самая мудрая предусмотрительность человѣческая.

Польша часъ отъ часу приближалась къ паденію своему. Въ началѣ 1793 года Пруссаки вошли въ ея предѣлы; а въ Мартѣ мѣсяцѣ чрезвычайный нашъ Посолъ Графъ *Сиверсъ* подалъ отъ имени Императрицы

(*) См. Переписку Людовика XVI стр. 586.

объявленіе, въ которомъ Польша именована была *горнымъ*, *опаснымъ для сосѣдственныхъ Державъ*, *почему и надлежало заключить оную въ тѣснѣйшіе предѣлы.*

27 Марта обнародованъ Манифестъ Генералъ-Аншефомъ *Кречетниковымъ* и приступили къ новому отмежеванію Польши. И въ семъ Манифестѣ повторено, что мятежники Польскіе, зараженные Французскимъ буйствомъ, истребляютъ собственное бытіе свое и нарушаютъ спокойствіе сосѣдей. То же самое утверждаетъ и Французскій писатель *Лавернъ*, сочинитель жизни Суворова. „Естьлибъ Екатерина," говоритъ онъ: „не приняла рѣшительныхъ мѣръ противъ Польши, тогда бы пламя мятежа обхватило весь Сѣверъ. И какъ было не содрогнуться, видя мятежную думу на берегахъ Вислы? Екатерина была бы виновна предъ потомствомъ, естьлибъ дала усилиться бунтовщикамъ."

Россія, желавшая не перемѣнъ, но продолженія правленія своего, во время волненій Польскихъ наслаждилась новыми отрадами. 2 Сентября 1793 года торжествовали миръ, заключенный съ Турціей 1791й года. Екатерину снова привѣтствовали *Ве-*

ликой и Матерью народа. Екатерина, полагавшая величіе въ благотвореніи и безпристрастіи, осыпала новыми наградами ревностныхъ Чиновниковъ. Къ *Румянцову-Задунайскому* препроводила она шпагу, украшенную алмазами, изъявляя симъ, что рука его можетъ еще ополчиться къ подвигамъ славы. Получа сей даръ въ мирномъ уединеніи, Румянцевъ въ окончаніи благодарнаго письма къ Императрицѣ сказалъ: „Долгота дней вашихъ да продолжится навѣки и грядущія времена да свидѣтельствуютъ великость дѣлъ Монаршихъ; а можетъ быть приведутъ нѣкогда на память, что одинъ изъ слабыхъ бранноносцевъ имѣлъ удачу быть полезенъ Государынѣ *вмалѣ*, награжденъ же по *величеству* ея милости.“ Въ изданномъ воззваніи къ подданнымъ по случаю празднованія мира Екатерина между прочимъ говорила: „что такъ какъ она при всѣхъ военныхъ безпокойствахъ, сопряженныхъ съ безмѣрными издержками, избѣгала обременять подданныхъ налогами, то и убѣждаетъ ихъ соблюдать устройство, точность и бережливость.“

Спустя нѣсколько дней по окончаніи мирнаго торжества праздновали 28 Сентября бракосочетаніе нынѣ царствующаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Въ началѣ 1794 года въ предѣлахъ Франціи предписали торжествовать день, въ который казненъ былъ злополучный Людовикъ XVI. Вскорѣ смерть и казни повсюду воцарились. Въ сіе самое время изверги Французскіе, обрекшіе страну свою въ жертву ужаса и смерти, старались уготовить такой же жребій и Россіи, возмущая противъ нее Турцію и Польшу.

Неусыпно наблюдая всѣ происки коварства, Екатерина опъ 10 Января 1794 года писала къ Адмиралу Мордвинову: „Турки всѣми мѣрами усиливаются поставить намъ твердыя препоны и сильно вооружаются къ войнѣ наступательной, покушаясь напасть на насъ внезапно съ моря и сухимъ путемъ. Явное ихъ пристрастіе и тайныя связи и сношенія съ извергами, бунтующими противъ общаго покоя и возмутившими Францію, подтверждаютъ сіи извѣстія.“

Сколь опасенъ путь зачинщиковъ преобразованій! Нерѣдко, вступя на сіе поприще,

хотя и съ намѣреніями мечтательными, но благородными, они увлекаются или спеченіемъ обстоятельствъ, или побужденіями силы посторонней. При самомъ началѣ Польскихъ перемѣнъ одна знаменитая Польская Княгиня спросила у Костюшки; „Кѣмъ надѣется быть подкрѣпленъ въ предпріятіяхъ своихъ?“ — Богомъ! — отвѣчалъ онъ. Послѣдствіе доказало, что не Богъ указывалъ пути къ перемѣнамъ, но злоумышленіе изверговъ, губителей Франціи. Костюшко, домогаясь раздувать пламя мятежа ко вреду Россіи, возбуждалъ противъ Россіи Турцію, увѣряя ее, что въ Крыму и въ областяхъ съ нимъ смежныхъ Рускіе будутъ истреблены и что флотъ Черноморской будетъ жертвою пламени (1).“

Между тѣмъ Костюшко, выжидая благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, удалился изъ отечества. Предпринимая необычайныя мѣры и усиливаясь нанесть бѣдственные удары Россіи, онъ воображалъ, что вознесешь Польшу на степень Державъ сильныхъ. Но онъ ошибался въ своихъ предпріятіяхъ, не соображая съ воз-

(1) См. предписаніе Екатерины къ Суворову отъ 1793 г.

можностію исполненія; онъ любилъ славу, онъ искалъ славы, онъ желалъ прославить себя и Польшу. Приверженцы его, возлагая на него послѣднюю надежду попрясеннаго отечества, отвергнувъ всѣ прежнія постановленія, и полагая, что необычайная присяга произведетъ необычайныя послѣдствія, условились, чтобы присягать *Генералитету*. Немедленно отправилось посольство въ Германію, чтобы вызвать оттуда Костюшку. Тамъ снова присягнули послы въ безпредѣльномъ къ нему повиновеніи. Голосъ сей присяги сильно отозвался въ его сердцѣ; мечты, надежды и желанія его снова усилились. Переносясь мыслію за пространство Океана, гдѣ сражался подъ начальствомъ *Вашингтона* за независимость Американскихъ областей, онъ надѣялся, что сія независимость вступитъ съ нимъ въ предѣлы Польши; онъ не могъ или не хотѣлъ тогда сообразить, соотвѣтственно ли то успѣхамъ въ Польшѣ, что произведено было въ Америкѣ. Въ пылу душевномъ онъ поспѣшилъ въ Польшу для ненадежныхъ успѣховъ и къ неизбѣжному ея паденію.

Духъ мятежа еще болѣе воспылалъ. Костюшко желалъ войны явной: онъ же-

лалъ или защищишь отечество, или погибнушь съ оружіемъ въ рукахъ; но другіе мятежники не имѣли сихъ благородныхъ намѣреній. Краковъ, Варшава и Вильна возстали на Рускихъ воиновъ. 6 Апрѣля кровію ихъ обагрились улицы *Варшавскія*; своевольная чернь, возбуждаемая злоумышленниками, повсемѣстно вооружилась; со всѣхъ сторонъ устремлялось неистовое остервененіе. Подъ градомъ пучь и картечь Рускіе, по частямъ захваченные, сражались какъ львы. Четыре тысячи нашихъ войскъ открыли себѣ путь штыками. Польскіе мятежники, разорвавъ симъ вѣроломствомъ всѣ связи съ Россіей, старались умножишь силы свои и запастись всѣми средствами къ упорной оборонѣ. Они спѣшили исправишь многочисленную артиллерію, хранимую въ различныхъ мѣстахъ. Разсѣянныя Рускія войска по выходѣ изъ Вильны и Варшавы соединились съ малыми отдѣленіями Генерала *Ферзена*, принявшаго начальство надъ корпусомъ Барона *Игельстрома*. Ферзенъ отступилъ къ Прускимъ границамъ, соединился съ Прускимъ Королемъ и подъ его предводительствомъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ ополчился противъ непріятелей. *Костюшко*,

прикрывая отступленіе свое искуснымъ выборомъ мѣстъ, обдуманными и удачными переходами, уклонялся отъ предлагаемаго ему боя и непрестанно преслѣдуемый союзниками, довелъ ихъ до окоповъ, окружавшихъ Варшаву.

Союзники учредили свой станъ подъ Варшавою. Король Прускій занялъ правое, а Ферзенъ лѣвое крыло. Неутомимо наблюдая своихъ сопротивниковъ, Костюшко успѣлъ перехватить *парк* осадной Пруской *артиллеріи*. Поляки восторжествовали; имя Костюшки гремѣло повсемѣстно. Союзники пробыли почти до половины Августа въ бездѣйствіи, истомлявшемъ Русскихъ. Вскорѣ воспослѣдовавшій мятежъ въ областяхъ, пріобрѣтенныхъ Пруссіей отъ Польши, *заставилъ* Прусаковъ отступить. Ферзенъ остался одинъ. Всѣ полагали, что Ферзенъ погибнетъ; но Костюшко не отважился его преслѣдовать. По отступленіи союзниковъ онъ совершенно обезопасился со стороны западной.

Готовя Суворова къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, Екатерина предписала ему двинуться въ Польшу. До сего времени, перешедъ на—енраже Отечества съ береговъ

Балтійскаго моря, на берега Чернаго моря, онъ занимался укрѣпленіемъ приморскихъ мѣстъ Тавриды. Быстро полетѣлъ Суворовъ; благоразумными распоряженіями обезоруживалъ Польскія войска и соединялся съ своими. Отъ первой стычки, произшедшій 3 Сентября при *Двинѣ*, до сраженія при *Кобылкѣ* 15 Октября, Суворовъ все поразилъ на пути своемъ. Сія побѣда проложила ему дорогу къ *Прагѣ* и предвѣспила ея паденіе. Въ сорокъ дней перелетѣлъ Суворовъ *тысячу пять сотъ* верстъ отъ *Двѣстра* до *Вислы* и явился у Праги, укрѣпленной всѣмъ цѣмъ, что могло придумать и изобрѣсть военное искуство. Хотя *Костюшко*, разбитый Ферзеномъ 29 Сентября при *Мачевицахъ*, взятъ былъ въ плѣнъ, но духъ защитниковъ Праги и Варшавы не упалъ отъ того. Тридцать тысячь лучшихъ Польскихъ войскъ поклялись или защитить Прагу, или пасть подъ ея развалинами. Варшава также наполнена была войсками и вооруженными жителями. Въ сихъ мѣстахъ долженствовала рѣшиться участь Польши. Суворовъ, зная силу быстроты и внезапности, не опасался никакихъ укрѣпленій; онъ страшился одной медленности:

онъ страшился, чтобы военныя проволочки не разссорили союзниковъ, возбудя зависть и сомнѣнія. Наступила мрачная осень; шумѣли проливные дожди; выправленная и опустошенная страна угрожала голодомъ. Европа снова обратила взоры на Суворова. 24 Октября назначилъ онъ приступъ и совершилъ оный къ общему удивленію. „Прага," говоритъ Французской писатель *Лаверн*: „Прага въ четыре часа была взята и покорена. Едва ли есть въ военной Исторіи примѣръ, подобный сему смѣлому, благоразумному, искусному и столь важному подвигу по своимъ послѣдствіямъ. Въ одинъ день погашено пламя мятежей; въ одинъ день разрушились возмутительные замыслы, которые былибъ пагубны для Пруссіи, Австріи и Россіи. Сей рѣшительный ударъ требовалъ безпримѣрной неустрашимости: надлежало опрокинуть грудью пройнос укрѣпленіе, сильную *артиллерію*, тридцать тысячь войска; надлежало произвесть сіе въ виду столицы цѣлаго Государства, которое, полагая на Прагу всю надежду свою, ввѣрило оную въ охраненіе отважнѣйшихъ защитниковъ. Русскихъ *убито пятьсотъ восемьдесятъ* человѣкъ, а естьлибъ осада продолжалась, то

сколько бы погибло отъ стоянія, отъ болѣзней, отъ стычекъ при вылазкахъ?“

По взятіи Праги Суворовъ приказалъ разбить на окопахъ палатку и устлать въ ней соломою. Такъ отдыхалъ покоритель цѣлаго Царства! Вопль и стоны раздались въ стѣнахъ Варшавы: съ низверженіемъ Праги упалъ высокомѣрный духъ мятежниковъ. Совѣтъ или *верховная рада* умоляла Короля исходатайствовать пощаду. Въ ночь на 25 Октября отправлены были отъ Короля съ письмомъ послы, представленные Суворову поутру. Герой на одномъ отрубкѣ сидѣлъ, а другой служилъ ему вмѣсто стола; палатка его была на развалинахъ Праги. Простая куртка, каска и сабля составляли весь его нарядъ. Палатка была открыта. Увидя пословъ, Суворовъ устремился къ нимъ изъ шатра на встрѣчу, сорвалъ съ себя саблю, бросилъ ее на землю и воскликнулъ: *миръ, тишина и спокойствіе!* и съ сими словами въ распростертыя объятія принялъ пословъ, порывавшихся лобызать со слезами колѣна его. Суворовъ, не допуская ихъ, проливалъ ручьи слезъ. Всѣ предстоявшіе плакали. Повѣренные просили назначить, на ка-

кихъ условіяхъ Польская столица должна повергнуться къ стопамъ Россійской Самодержицы? Суворовъ, отвѣчалъ: *Жизнь, собственность, забвеніе прошедшаго! Обѣявите о семъ гражданамъ вашимъ и скажите, что Всемилостивѣйшая моя Государыня даруетъ имъ миръ и тишину.* Восхищенные послы, подходя къ берегу, кричали гражданамъ, стоявшимъ на другомъ берегу рѣки: *покой! покой!* По взятіи Праги часть моста на Вислѣ была сожжена. Народъ, бросясь въ воду, вынесъ пословъ на рукахъ изъ лодки, и препровождая ихъ въ совѣтъ, возглашалъ: *Да здравствуетъ Екатерина!* Въ то же время воздухъ оглашался кликами: *да здравствуетъ Графъ Суворовъ - Рымникскій!* Сіи клики неслись до развалинъ Праги и до шатра побѣдителя.

Злоумышленники, все еще питаясь буйною надеждою, домогались удержать перевѣсъ на своей сторонѣ. По настоянію ихъ Король вновь отправилъ пословъ 26 числа. Суворовъ тотчасъ приказалъ исправлять сожженную часть моста Генералу *Буксгевдену*, отличившемуся на приступѣ и начальствовавшему передовыми войсками; прочимъ Начальникамъ также предписано было приготовиться. Возвратив-

шіеся послы извѣстили жителей, что упорство мятежниковъ привлечетъ на Варшаву бѣдствія, постигшія Прагу. Во всю ночь происходили въ столицѣ шумъ и волненія. Мятежники рѣшились увезти Короля. Но народъ, поверявшій довѣренность къ тѣмъ, которые сулили ему *равенство*, *свободу* и *владычество*, вступился за Короля и предоставилъ ему полномочіе. 27 Числа прибылъ отъ Короля Полковникъ *Гофманъ* съ прошеніемъ осьмидневнаго срока на размышленіе. Въ девять часовъ утра явился съ тою же прозьбою *Игнатій Потоцкій*. Чрезъ часъ присланъ отъ Короля Графъ *Мостовскій* къ *Потоцкому* съ письмомъ, уполномочивавшимъ его въ переговорахъ о мирѣ. На всѣ предложенія Суворовъ отвѣчалъ: *Съ Польшею и насъ нѣтъ войны; я не Министръ, а военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ и желаю мира и покоя благонамѣреннымъ*. Наконецъ Потоцкому рѣшительно было сказано, что къ даннымъ статьямъ ничего не будетъ прибавлено. 28 Октября прибыли въ Руской станъ прежніе послы съ безусловнымъ донесеніемъ, что они поручаютъ жребій Варшавы великодушію Екатерины и добродѣтелямъ побѣ-

дителя, а притомъ именемъ Короля убѣждали Суворова немедленно вступить въ столицу. Суворовъ назначилъ входъ въ Варшаву первое Ноября. Новое посольство упросило не отлагать ни на одинъ день, представляя, что мятежники усиливаются. Суворовъ отправилъ къ Королю Князя *Лобанова-Ростовскаго*, который подъ *Измаиломъ* и подъ *Прагою* увѣнчался мужествомъ и славою. Князь *Лобановъ* увѣдомилъ Короля, что Рускіе вступятъ въ Варшаву на другой день, то есть 29 Октября. Торжественный входъ въ столицу начался въ девять часовъ утра. Побѣдитель ѣхалъ передъ войскомъ въ простомъ мундирѣ. На берегу встрѣтилъ его *Магистратъ*, поднесшій *хлѣбъ-соль* и ключи городскіе. Принявъ ключи, Суворовъ поцѣловалъ ихъ, и воздѣвъ руки къ небу, сказалъ: *Боже! благодарю Тебя, что сіи ключи не такъ дорого достались, какъ*. . . . Слезы прервали слова человѣколюбиваго Героя и горестный взоръ его обратился на развалины Праги. Берегъ, *улицы*, *окна*, площади, все было занято зрителями. Множество женщинъ выходили съ малолѣтными дѣтьми; даже и престарѣлые

жишели влеклись взглянуть на Героя, мужествомъ опрокинувшаго тройныя укрѣпленія Праги, а человѣколюбіемъ побѣдившаго сердца Варшавскихъ жителей. Повсюду гремѣли восклицанія: *да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!* Повсюду сіи восклицанія сливались съ радостнымъ *ура* Рускихъ. Присутствіе великодушнаго и человѣколюбиваго побѣдителя внушило общую довѣренность. Варшавскіе жители, пылавшіе беззаконною яростію, успокоились какъ агнцы. Болѣе тысячи Рускихъ плѣнныхъ, нѣсколько сотъ Пруссковъ и восемдесятъ человѣкъ Австрійцевъ, по приказанію *люпаго Коллонтая*, вождя мятежной думы, назначены были къ смерти; Суворовъ принесъ имъ жизнь. Взирая на него, они восклицали: *ты нашъ избавитель!* „За такіе подвиги," говоритъ *Лавернъ*: „чудовища Французскаго мятежа назвали Суворова *людодѣломъ*. Они негодовали на него за то, что онъ воспрепятствовалъ имъ вкоренить въ Варшавѣ адскія ихъ правила."

Занявъ столицу Польши 25 Октября 1794, Суворовъ послалъ преслѣдовать бѣжавшихъ непріятелей, а *Кассіонерова* или

вооруженныхъ поселянъ и прочихъ военнослужащихъ распустилъ по домамъ. Убѣжденный въ правотѣ дѣяній своихъ, Суворовъ произнесъ сіи стихи изъ Ломоносова:

„Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
„Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.“

На поляхъ Италіи, среди новыхъ блестящихъ побѣдъ, Суворовъ, переносясь мыслію въ предѣлы Польши, имъ успокоенной, писалъ изъ *Александріи* опъ 2 Іюня 1799 года: *не мщеніемъ Польша покорена, но великодушіемъ.*

Такъ чувствовалъ, такъ мыслилъ Суворовъ. *Любя славу*, онъ еще болѣе любилъ человѣчество и щастіе народовъ.

Произведя Суворова въ Фельдмаршалы, Екатерина писала къ нему: *Вы знаете, что я безъ очереди не произвожу въ чины. Не могу обидѣть старшаго; но вы сами произвели себя Фельдмаршаломъ: вы покорили Польшу.*

1795 Года Курляндія поручила себя въ покровительство Россійской Императрицы.

Французы возбуждали Порту Оттоманскую къ новому возстанію на Россію; происки ихъ были щетны. Екатерина окончила военныя свои дѣйствія тѣмъ же, чѣмъ и Петръ Первый, то есть, походомъ Ру-

скихъ въ Персію. Къ успрашенію Турціи и къ укрощенію мятежнаго *Аги Магомстъ - Хана* Екатерина опправила войско подъ начальствомъ Валеріана Александровича *Зубова*.

Покореніе Польши было сильнѣйшимъ ударомъ для Французскихъ мятежниковъ, надѣявшихся посредствомъ возмущенія оной взволновать Россію и распространить пламя мятежа и за предѣлы ея. Укоряя Царей самовластіемъ, они сами стремились или къ всемірному обладанію, или къ всемірному разрушенію. Изступленныя страсти въ неистовствѣ своемъ безпредѣльны; онѣ алчутъ все разстроить и все поглотить. Зная ненависть Пруссіи къ Дому Австрійскому, Французскіе мятежники сперва отдѣлили ее отъ него, а потомъ умышляли отвлечь ее и отъ Россіи (*).

Они внушали Пруссіи, что она съ помощію ихъ еще болѣе усилится и распространится, и что успѣетъ въ томъ, не имѣвъ надобности сдѣлать ни одного выстрѣла. Упоенные сими пагубными обнадеживаніями и ослѣпленные сомолюбіемъ, тогдашніе Прускіе Министры усыпляли

(*) Смотри предписаніе Екатерины къ Суворову отъ 11 Января 1795 года.

Правительство такими же мечтаніями; привыкнувъ къ мѣлкимъ расчетамъ мнимой политики, они думали, что уклонятся отъ общей бури и изъ общихъ утратъ извлекутъ новыя выгоды (*).

„Сіе мнѣніе“ говоритъ Екатерина въ предписаніи своемъ Суворову отъ 18 Іюня 1795 года: „до того усилилось, что Пруссаки, сіи природные союзники Россіи, едва не отстали отъ всѣхъ пользъ Государей и всѣхъ благоучрежденныхъ Правительствъ.“

При наступленіи семилѣтней войны во Французскихъ книгахъ писали, что Французы не способны къ перенесенію долговременныхъ трудностей и что они не имѣютъ достаточныхъ способностей къ войнѣ; у нихъ не было *военнаго училища*. Вскорѣ потомъ учредилось сіе училище, гдѣ отъ щедротъ Бурбоновъ воспитанъ былъ Корсиканскій уроженецъ *Наполеонъ Бонапартъ*. Французы, которыхъ прежде сами Французы почитали неспособными къ трудностямъ войны долговременной, стали съ исполинской силою все переносить и поражать. Ихъ вожди имъ говори-

(*) Смотри Исторію Политики областей Европейскихъ, Часть I, стр. 368.

ли: „Вы босы, вы наги, вы голодны, но въ глазахъ вашихъ цѣлыя Царства; ступайте, завоюйте оныя: ихъ сокровища, ихъ земли, ихъ народы, все будетъ ваше.“

Новые замыслы Французскихъ мятежниковъ разстроили и низпровергли прежнюю Европейскую политику, а новое военное искуство Французовъ разстроило и уничтожило прежнее Европейское военное искуство. Прусаки, хранившіе еще въ свѣжей памяти славу Фридерика Втораго, дивились, отъ чего были они принуждены уступить Французскимъ полкамъ, собраннымъ безъ всякаго приготовленія, безъ всякаго упражненія, словомъ, составленнымъ изъ людей, выгнанныхъ изъ нѣдръ Франціи ужасомъ и страхомъ повсемѣстныхъ казней. Австрійскіе Полководцы не постигали, какимъ образомъ новые Французскіе Генералы, изъ которыхъ нѣкоторые перешли на поле битвъ прямо съ поприща гражданскаго, могли противустать многолѣтней ихъ опытности. Рѣдкому приходило тогда на мысль, что необычайное волненіе страстей производитъ необычайныя послѣдствія и въ военномъ дѣлѣ. Французскіе Генералы, предводительствуя не-

опытными солдатами, не ихъ примѣнялъ къ прежнимъ военнымъ правиламъ, но для нихъ выдумали новыя правила. Они пріучали ихъ сражаться разсѣяннымъ строемъ, что и доставило имъ смѣлливость, расторопность и глазомѣръ. А притомъ каждый изъ сихъ рядовыхъ надѣялся и самъ быть вскорѣ или Генераломъ или владѣльцомъ какой нибудь области. Сіе гибельное воспаленіе умовъ долженствовало побѣждать воиновъ, которые при необычайныхъ обстоятельствахъ соблюдали мѣры обыкновенныя.

Суворовъ, какъ будто бы вдохновенный самимъ Провидѣніемъ, наблюдая политическія и военныя перемѣны Французовъ, часъ отъ часу болѣе усматривалъ, сколь все то будетъ пагубно для Европы.

„Суворовъ“ говоритъ *Лавернъ*, сочинившій жизнь его на Французскомъ языкѣ: „Суворовъ былъ всѣхъ способнѣе къ возстановленію въ Европѣ вѣры, добродѣтели и законнаго правительства.“ Руской нашъ Полководецъ, чувствуя непреодолимое желаніе къ возстановленію общаго блага, не искалъ ничего, кромѣ общаго блага. Завоевавъ цѣлое Царство, получа чинъ Фельд-

маршала, онъ вызывался служить охотникомъ въ войскахъ, сражавшихся противъ Франціи. Читая въ вѣдомостяхъ о быстрыхъ и повсемѣстныхъ успѣхахъ *Наполеона Бонапарте* въ Италіи, онъ неоднократно писалъ къ Екатеринѣ: *Матушка! вели идти противъ Французовъ!* На одно изъ сихъ писемъ Екатерина отвѣчала отъ 24 Іюля 1795 года сими словами: „Графъ Александръ Васильевичъ! Вы проситесь *волонтеромъ* въ союзную армію. На сіе вамъ объявляю, что ежечасно умножаются дѣла дома, а вскорѣ можете имѣть путь многого занятія по желанію вашему. И такъ не отпускаю васъ поправить дѣлъ ученика вашего. . . (*) Нынѣ, какъ и всегда, почитаю васъ нужнымъ Отечеству."

1795 Года Августа 31 скончался Иванъ Ивановичъ Бецкой, съ именемъ котораго навсегда соединилось истинное названіе друга и благодѣтеля страждущаго человѣчества. Вся его долголѣтняя жизнь посвящена была добродѣтели, воспитанію и поощренію изящныхъ изкусствъ, служащихъ къ украшенію общежитія. Вѣку Ека-

(*) Принца К. . .

шерины Второй предоставила судьба имѣть *Государственнаго благотворителя* въ полномъ смыслѣ сего слова. Въ сихъ почти краткихъ строкахъ заключается вся Исторія сего долголѣтняго благодѣтеля людей. Но естьлибъ, говоря словами Державина, сочинившаго стихи на смерть Бецкаго: естьлибъ *не предавали забвенію отцевъ семейства*; естьлибъ слухъ о мирныхъ добродѣтеляхъ, составляющихъ жизнь и щастіе общества, не заглушался громомъ убійственной славы: тогда бы имя Бецкаго переходило непрестанно изъ устъ въ уста, и вызывалобъ изъ сердецъ всѣ чувствованія, спасительныя *для людей*. 1772 Года по представленію Бецкаго основала Императрица Екатерина, при Московскомъ Воспитательномъ домѣ, сооруженномъ подъ надзоромъ его, *Вдовью*, *Ссудную* и *Сохранную Казну*, для вспомоществованія страдальцамъ и къ оборонѣ неимущихъ отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ росповщиковъ, а притомъ и для произвольнаго взноса денегъ, отдаваемыхъ туда подъ сохраненіе. Сіе учрежденіе, утвержденное узаконеніями Екатерины, препоручено охраненію *почетныхъ благотворителей*.

1773 Года, приглашая на сей подвигъ служенія человѣчеству, Бецкій въ окончаніи письма своего сказалъ: „Каждый усердный любитель своего Отечества видитъ, съ коликою поспѣшностію и бодрствованіемъ симъ Монаршимъ благоволеніемъ воспользоваться надлежитъ, входя проницательно въ соблюденіе нерушимости даннаго законоположенія въ трехъ частяхъ *Генеральнаго плана* съ дополненіемъ по точному всего разумѣнію, прилагая собственное свое стараніе къ отвращенію явныхъ и тайныхъ противу доброй вѣры хитростію и коварствомъ вкрадывающихся подлоговъ и происковъ, дабы всѣ таковыя отъ неблагодарныхъ сердецъ покушенія, огражденіемъ благоразумныхъ совѣтовъ, заблаговременно вовсе пресѣкаемы быть могли; словомъ: *почетные благотворители* все свое усердіе обращить должны на сохраненіе для своего и потомковъ своихъ всеобщаго благополучія. И сіе самое дѣйствіе сихъ знаменитыхъ въ Отечествѣ особъ, благоразумiемъ, твердостію духа и усердіемъ въ единомыслiи сопряженныхъ, при самомъ началѣ безъ отлагательства времени нужно.“

Графъ Никита Ивановичь первый вызвался на сей подвигъ благотворенія, и собственною рукою начерталъ сіи достопамятныя слова: „Искренно желаю споспѣшествовать твердости сего, отъ руки благотворительной Екатерины Богу угоднаго и Отечеству полезнаго успановленія, сколько на то оставлять мнѣ будетъ жизни и изнуренныхъ силъ постигшая меня старость; и по сему призыву званіе и долгъ охотно беру на себя.“

За Графомъ Панинымъ подписался Графъ Ернстъ Минихъ, съ сею оттѣнкою: „И я по сему призыву званіе и долгъ охотно на себя беру.“ Потомъ съ тѣмъ же душевнымъ рвеніемъ приложили руки слѣдующія лица: Князь Александръ *Голицынъ* Вицеканцлеръ, Графъ Иванъ *Чернышевъ*, Григорій Тепловъ, Князь Александръ *Голицынъ*; Фельдмаршалы: Графъ Кирила *Разумовскій*, Графъ Захаръ *Чернышевъ*, Князь Александръ *Вяземской*.

Неусыпный, ревностный и долголѣтній служитель Отечества, Князь Яковъ Федоровичь *Шаховской*, подписывая имя свое, прибавилъ слѣдующій отзывъ: „Въ сіе высокопочтенное званіе приглашеніе я

съ должнымъ почтеніемъ пріемлю, и сколько состояніе силъ моихъ допуститъ, должное по тому званію со всеискреннимъ моимъ усердіемъ исполнять не опрекуся."

Генералъ отъ кавалеріи и Сенаторъ Князь Михайла *Валконской* къ подписи имени своего присовокупилъ сіи слова: „Съ искреннимъ усердіемъ весьма охотно приступлю къ сему благосклонному приглашенію, и всѣ силы свои употреблять потщусь къ исполненію сего полезнаго любезному Отечеству дѣла."

Генералъ Аншефъ и Генералъ-Кригсъ-Коммисаръ Александръ Глѣбовъ, съ означеніемъ имени своего, написалъ сіи слова: „Все, что только къ общему благу служитъ, я поставлю себѣ за долгъ въ томъ оказывать всѣми силами стараніе свое и услугу Отечеству; слѣдовательно по таковому правилу охотно приступаю къ почетному приглашенію."

Естьлибъ лѣтописи всемірныя возвѣщали только о такихъ подвигахъ, погда бы не называли *Исторію цѣпью злодѣйствъ* (1). Отъ развратныхъ бурь страстей человѣ-

(1) Выраженіе изъ стиховъ Державина на смерть Бецкаго.

ческихъ добро и зло должны быть въ непрестанной борьбѣ, и потому Исторія есть смѣсь утѣшительныхъ и горестныхъ повѣствованій. Но не смотря ни на какія бури, сіяніе истиннаго добра никогда не угасаетъ.

Съ того времени, когда другъ и благодѣтель страдальцевъ совершилъ путь жизни; съ того времени грозныя шумѣли на лицѣ земли бури: волновались народы, падали, разрушались и возникали новыя Царства; громы военные оглашали всѣ предѣлы Европы; блистали безчисленныя побѣды и угасали; низверглись и изчезли великолѣпные памятники искуствъ. Но благодѣтельныя заведенія, учрежденныя Бецкимъ, подъ покровительствомъ Екатерины, сохранили бытіе свое и существованіемъ своимъ возвѣщаютъ о его добродѣтеляхъ.

Краснорѣчивый проповѣдникъ Анастасій, произнесшій рѣчь на погребеніе Бецкаго, заключилъ оную слѣдующими словами, заключающими сокращенную и достопамятную исторію его жизни:

„Гдѣ?“ вопрошалъ духовный Витія: „гдѣ почившаго нынѣ, сего знаменитаго мужа,

ѣдѣ "душа" его не ознаменовала доброты своея? Священная память временъ Отца Отечества *Петра Великаго* есть началомъ бытія его, яко человѣка, и жизни его, яко сына Отечества: тридесять пятой годъ царствованія премудрыя Екатерины Второй, Матери нашея, есть предѣломъ девятидесяти-лѣтняго теченія дней его. *Сіи единыя, толь великія, толь высоко*-знаменитыя во вселенной *эпохи* уже дѣлаютъ періодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованіи всего честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрія Божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленіи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженіе къ особѣ своей. — Кто сидящаго на престолѣ человѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на нещастныхъ сиротъ, повергаемыхъ въ распутіи? — Онъ. Кто въ храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущемся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ ея? Соблюлъ свято ея уставы? — Онъ. Кого Великая Монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежде-

ніе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола удостоила быть правителемъ? — Его. Кому высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника *Петру Первому Екатерина Вторая?* — Ему. Нева, гордясь красотою береговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній Монаршихъ. — Его любовь къ человѣчеству не щадила издивеній, не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. — Сколько воспитанниковъ напечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличій, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ Отечеству и законамъ.“

Европа удивлялась быстрымъ побѣдамъ Суворова въ Польшѣ; Державинъ въ громкихъ стихахъ говорилъ, что онъ *шагнулъ*, и *Царство покорилъ*. Но ни новая слава, ни новые лавры не утѣшали Суворова; онъ

занятъ былъ однѣмъ гибельнымъ волненіемъ Франціи. Тщетно увѣряла его Екатерина, что онъ нуженъ Отечеству и потому не отпускаетъ его въ союзную армію; Суворовъ зналъ, Суворовъ убѣжденъ былъ, что для безопасности Отечества, Европы и вселенной надлежало единодушными и немедленными усиліями остановить *бурный потокъ, излившійся къ поглощенію Вѣры, нравовъ и добродѣтели* (*). Онъ видѣлъ, что исполинскій мятежъ Французскій, воздвигая древній Римъ, простиралъ хищныя длани на покореніе вселенной; онъ видѣлъ, что сіе алчное властолюбіе ни чѣмъ не можетъ насытиться; онъ видѣлъ также, что народы, воевавшіе съ Французами, не вникли въ новый ихъ военный духъ, и потому предчувствовалъ, что они должен-ствовали быть неизбѣжными жертвами сего разрушительнаго духа. 1795 Годъ былъ для Суворова тягостнѣйшимъ годомъ въ его жизни. Опытнымъ и быстрымъ умомъ онъ сообразилъ все то, чѣмъ можно было отразить новый военный духъ, исторгшійся изъ нѣдръ мятежной Франціи,

---

(*) Слова Суворова.

и онъ долженъ былъ коснѣться въ бездѣйствіи! Душа его и мысли были въ сіе необычайное время не въ Отечествѣ, но внѣ Отечества: онѣ были на поляхъ Италіи, въ областяхъ Германіи и Гишпаніи. Орлинымъ взоромъ наблюдалъ онъ всѣ быстрыя побѣды Французовъ и причины, споспѣшествовавшія къ онымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ къ услажденію скорби о томъ, что его не было тамъ, гдѣ могъ сражаться за права народовъ и Царей, въ началѣ Октября 1795 года препроводилъ онъ слѣдующее письмо къ Генералу *Шаретту*, ополчившемуся въ *Вандеи* за престолъ Франціи и за вѣру предковъ.

„Герой Вандейскій, знаменитый защитникъ вѣры праотцевъ и престола твоихъ Царей! *привѣтствую тебя!*

„Богъ воинствъ да осѣняетъ тебя всегда щитомъ своимъ; да пронесетъ онъ мечь твой сквозь безчисленные ряды враговъ. Уже они ознаменованы карательнымъ перстомъ Всевышняго; они падутъ и разсѣются какъ бренные листья, пораженные дыханіемъ Свернаго вѣтра.

„А вы, безсмертные Вандейцы, вѣрные блюстители чести Французовъ, до-

спойные сподвижники Героя! подъ знаменами его возставьте и храмы Господни и престолъ своихъ Царей. . . Да погибнетъ нечестивый! . . . Да сотрется съ лица земли поколѣніе его! . . .

„И тогда да возвратится миръ благодѣтельный и древняя вѣнвь лиліи, бурею согбенная, да возстанетъ среди васъ еще блистательнѣе и величественнѣе!

„Храбрый Шаретъ, честь Рыцарей Французскихъ! вселенная наполнена именемъ твоимъ; изумленная Европа на тебя взираетъ. . . А я дивлюсь тебѣ и поздравляю тебя. Богъ тебя любитъ, подобно Давиду, избранному Имъ къ пораженію Филистимлянъ. . . Обожай Его опредѣленія. — Лети, нападай, рази, и побѣда будетъ нераздѣльной твоей сопутницей.

„Вотъ желанія престарѣлаго воина, который, посѣдѣвъ на полѣ битвъ, видѣлъ всегда увѣнчававшуюся надежду свою на Бога битвъ. Слава Ему, ибо Онъ есть источникъ всякой славы. Слава тебѣ, ибо Онъ тебя любитъ!“

Наступилъ 1796 годъ, достопамятный потрясеніемъ Державъ, преобразованіемъ областей и быстрыми перемѣнами, приго-

товлявшими новыя перемѣны. Въ предѣлахъ Италіи возгремѣлъ *Наполеонъ Бонапарте.*

Въ продолженіи 1796 года Екатерина желала соединить Швецію съ Россіей узами родства. Уже юный Шведскій Король прибылъ въ Петербургъ, уже все было готово; но — и Екатеринѣ не опредѣлила судьба во всемъ имѣть успѣхъ.

1796 Года 25 Іюня родился Его Императорское Высочество НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Въ Маѣ 1796 года покоренъ Дербентъ. Увѣряютъ, что тотъ самый Чиновникъ, который поднесъ ключи Петру Первому, вручилъ оныя и новому юному побѣдителю.

О нѣкоторыхъ подробностяхъ, относящихся къ походу въ Персію, помѣщено будетъ въ одиннадцатой Части, при вызовѣ оттуда Графа Валеріана Александровича Зубова.

Среди общаго потрясенія Европейскихъ Державъ Екатерина скончалась скоропостижно 5 Ноября 1796 года. Въ послѣдніе годы царствованія своего и Великая Царица Сѣвера испытала душевное томле-

ніе. Не рѣдко съ унынiемъ ходила она по Царско - Сельскимъ садамъ своимъ. Величіе человѣческое утомляется наконецъ; а можетъ быть и какой нибудь тайный голосъ укорялъ ее.... Европейскіе Писатели много судили о Екатеринѣ по ненависти и зависти; Россія судитъ ее по однѣмъ ея Государственнымъ дѣяніямъ. „Екатерина,“ говоритъ Принцъ *Делинь*: „собрала нѣкоторые припасы и отдѣльныя части, неоконченныя въ мастерской Петра Перваго. Дополнивъ оные, она соорудила зданіе и посредствомъ сокровенныхъ пружинъ приводитъ въ движеніе исполинскій составъ, то есть Россію. Она доставила ей устройство, силу и крѣпость.“ Устроивая Россію по первоначальнымъ предначертаніямъ Петра Перваго, она не желала дожить до того, чтобы какая нибудь изъ Державъ Европейскихъ была щастливѣе Россіи. Она не дожила до сего времени. Совершенства нѣтъ въ мірѣ; но въ царствованіе Екатерины ни одна изъ странъ земныхъ не была щастливѣе *Россіи*.

Общее обозрѣніе царствованія Екатерины Второй, представленное Рускимъ, могло бы показаться пристрастнымъ: и

шакъ я предложу о томъ изъ *Исторіи Политики Европейскихъ Державъ*, изданной 1817 года Графомъ *Пацли-Шанжи*.

„Царствованіе Екатерины Великой“ говоритъ онъ: „было непрестаннымъ соединеніемъ торжествъ, завоеваній, благоденствія и могущества; ибо *политика* ея была непрерывною связью соображеній смѣлыхъ, остроумныхъ и ясныхъ; ибо она силы свои соразмѣряла ходу своей политики или для утвержденія или для ускоренія шествія оной.

„Петръ Первый оплодотворилъ только могущество Россійской Державы; Екатеринѣ предоставлено было произрастить плоды.

„Вселенная должна удивляться уму женщины, доставившей Россіи возможность соперничествовать съ блистательнѣйшими областями въ мірѣ. Не самъ ли Предвѣчный опредѣлилъ, чтобы *Сѣверная Звѣзда* была вождемъ людей? Онъ засвѣтилъ тамъ *Сѣверницю Звѣздъ* для указанія странствователямъ пути; Онъ основалъ тамъ правительство для руководства Государей.

„Съ возвышенной степени величія человѣческаго Екатерина долго наблюдала поли-

тику Европейскихъ Державъ. Она видѣла, что онѣ всѣ возмущаются гордостію и честолюбіемъ, что онѣ алчны къ завоеваніямъ, неукротимы въ войнахъ и въ пагубномъ истребленіи другъ друга. Особенно замѣтила она, что древняя ненависть уступала на нѣкоторое время обстоятельствамъ, что договоры охлаждали только ярость, пріостанавливали мщеніе, облекали обманъ личиной и таили въ себѣ всѣ сѣмяна новыхъ распрей. Тогда, сообразя *политическую* свою *систему*, привела ее въ сношеніе съ политикою Дворовъ, со страстями и выгодами, истинными или мнимыми, другихъ Государей; но сообразя сію систему, она уразумѣла, что могла только можетъ ожидать успѣховъ быстрыхъ и непреложныхъ, когда намѣренія и поступки свои оградитъ могущественными средствами, способными внушать уваженіе къ Россіи. Первоначально Екатерина ограничилась созиданіемъ внутреннихъ силъ, внутренняго просвѣщенія и благоустройства. Подъ руководствомъ ея явились и полководцы и мореходцы и люди Государственные; процвѣли искусства, торговля и всѣ отрасли промышленности; благодѣяніями ея оживотворились и безплодныя

страны обширной Ея Державы. Такимъ образомъ и симъ единственнымъ способомъ привела она въ зрѣлость свои предпріятія; такимъ образомъ увидѣла, что можетъ обнаружить свои соображенія и приступить къ предпріятіямъ своимъ.

„Екатерина знала, что внутреннія ея учрежденія, нужныя къ подкрѣпленію ея честолюбія (1) и къ возведенію Россіи на высочайшую степень могущества и славы, мало обращали на себя вниманіе другихъ Дворовъ, почитавшихъ Россію обителью льдовъ и могущею принимать въ дѣлахъ Европейскихъ молозначущее второе лице, какъ по и было при Аннѣ и Елисаветѣ (2). Но Екатерина доказала, что и среди льдовъ и снѣговъ сіяетъ умъ превосходный, умъ, не встрѣчающійся и подъ яснымъ небомъ странъ полуденныхъ.

---

(1) Екатерина невольно вовлечена была въ войну; съ этимъ согласны иностранные историки. Объ ней можно то же сказать, что и о Альфредѣ Впоромъ: *тѣмъ блистательнѣе были ихъ побѣды, тѣмъ они болѣе любили миръ.*

(2) Однако же самъ Король Прускій признается въ твореніяхъ своихъ, напечатанныхъ по смерти его, что еспьлибъ не умерла Елисавета, то Пруссія подверглась бы раздѣлу.

„Екатерина видѣла, что главное правило Европейской политики въ томъ состояло, чтобы сохранять слово и уваженіе къ тѣмъ только Государямъ, на которыхъ не отваживаются напасть безбоязненно, и ничего не щадить, чтобы возвыситься на паденіи слабыхъ и употреблять ихъ орудіемъ къ завоеваніямъ и хищеніямъ. Она видѣла, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ первостепенныя Державы домогались покорять общественное мнѣніе *манифестами* и другими подобными сочиненіями; что симъ средствомъ старались привлекать, или, лучше сказать, заманивать въ сѣти свои союзниковъ и друзей, не заботясь впрочемъ ни о мнѣніи, ни о правосудіи; она видѣла, что притѣсненная слабость была всегда жертвою сильныхъ честолюбцевъ.

„Она видѣла, что между Державами нѣтъ ни связи, ни распорядка; что ни сходство вѣры, ни взаимность выгодъ, ни что не могло подвигнуть сильнаго къ защитѣ слабаго и охраненію его отъ властолюбія и мщенія. И такъ Екатерина обдумала все то, что можетъ извлечь

изъ сей политики сомнительной, безпокойной, себялюбивой и особенно ничтожной.

„Тогда стала возникать Политическая ея система, тогда сказала она: *Моя Держава обратитъ на себя общее вниманіе Европы; Кабинетъ Петербургской будетъ полезенъ выгодамъ всѣхъ Кабинетовъ; съ нимъ будутъ совѣтоваться во всѣхъ важныхъ предположеніяхъ; онъ будетъ приглашаемъ во всѣхъ переломахъ и во всѣхъ войнахъ; вліяніе Россіи распространится во всѣ Европейскія страны; она будетъ посредницею распрей; она будетъ погашать пламя войны; она повсюду водворитъ оливы мира; она положитъ предѣлы честолюбію, зависти, гордости; она учредитъ вѣсы и сохранитъ ихъ въ уравненіи, не смотря на притязанія, негодованіе и жажду мщенія.*

„Сказала — и стала сближаться съ мѣстами, долженствовавшими нѣкогда быть театромъ величія ея и славы.

„Явилась — и первые ея шаги возвѣстили будущую ея судьбу. Щастіе покорилось ей; завоеванія ея утвердились побѣдами. Дворы Европейскіе, занятые другими выгодами и войнами, не могли судить о подвигахъ и о послѣдствіяхъ, сколь

отъ нихъ отдаленной Державы, по мнѣнію ихъ неопытной и едва включенной въ лѣтописи политики.

„Естьлибъ Екатерина для одного только сближенія къ средоточію Европы покорила нѣкоторыя Европейскія области, то Порта не понесла бы важнаго урона; но Екатерина вооружилась не противъ земель, но противъ торговли Турецкой, чѣмъ и причинила Портѣ чувствительные удары.

„Обладая самовластно Чернымъ моремъ, Порта производила исключительную торговлю съ Персіей и Аравіей; она была богатѣйшею Державою во вселенной; ей ненужно было суетиться о развозѣ товаровъ по всѣмъ областямъ Европейскимъ; она удостовѣрена была, что они сойдутъ у нее съ рукъ; что она распродастъ оные по произвольной цѣнѣ и что даже пріобрѣтетъ дружбу Европейцовъ, которымъ дозволитъ посѣщать рынки свои.

„При твердомъ своемъ владычествѣ Порта равнодушно взирала на завоеванія Петра Перваго въ Персіи; она знала, что оныя относились не къ выгодамъ, но къ одной славѣ. И дѣйствительно сіи завоеванія никакой бы не принесли существен-

ной пользы Россіи, не обладавшей тогда ни пристанями Черноморскими, ни Польшей."

Прервемъ на время повѣствованіе о Екатеринѣ, обратимся къ Петру Первому и покажемъ свидѣтельства изъ посольства Русскихъ въ Голландію 1697, при которомъ и Государь находился; что политика его перешла къ Екатеринѣ Второй.

„Членамъ Коммиссіи Генеральныхъ Штатовъ," говоритъ *Голландскій* сочинитель книги о семъ посольствѣ: „Русскіе послы возвѣстили, что Россія не только желаетъ сохранять съ Голландіей прежнюю дружбу, но и вступить въ новыя связи. Они подробно описали подвиги Царя подъ Азовымъ и успѣхи его противъ Турокъ, сихъ враговъ Христіанскаго имени.

„Государь нашъ" продолжали Русскіе послы: „всячески будетъ противиться замысламъ Французовъ касательно Польши, и не допуститъ, чтобы Принцъ *Бурбонъ-Конти* былъ тамъ Королемъ; а притомъ, мы намѣрены также возобновить переговоры, прерванные съ великимъ Голландскимъ Посломъ Кленкомъ, о торгѣ съ Персіей."

Предложеніе сіе не было ни принято, ни отринуто. Опасаясь проволочекъ, Рускіе послы на слѣдующемъ совѣщаніи открыли настоящую цѣль своего посольства. „Государь нашъ“ сказали Рускіе послы: „ополчался противъ Турокъ не для личной выгоды, но для пользы всего Христіянства: слѣдственно онъ въ правѣ требовать отъ Христіанъ содѣйствія въ общемъ семъ дѣлѣ. И такъ онъ проситъ Генеральные Штаты построить 70 военныхъ судовъ и сто галеръ, которыя бы на Черномъ морѣ могли дѣйствовать противъ Турокъ. Царь не въ силахъ поднять одинъ сего бремени; онъ надѣется на всѣ Державы Христіянскія; онъ особенно надѣется на Голландію, испытавши не однократно помощь ея и благопріятствіе.“ Отклоняя и сіе требованіе, Голландцы отвѣчали: „Не задолго передъ симъ находились мы въ трудной войнѣ съ Франціей; намъ для поправленія нужны цѣлые годы; всѣ источники нашего Государственнаго существованія истощились.“

Послы Рускіе предлагали другія весьма умѣренныя прозьбы; но во всемъ получили

отказъ, отъ того что *Голландское Правительство должно было уважить Турецкое Правительство за выгоды, получаемыя купечествомъ Амстердамскимъ отъ Левантскаго торга.*

И такъ и Петръ и Екатерина касательно Турціи имѣли одну цѣль и встрѣчали почти одинакія преграды.

„Побѣдя Турокъ“ продолжаетъ сочинитель *Исторіи Политики Европейскихъ Державъ:* „Екатерина силою великаго своего ума принудила ихъ уступить часть выгодъ, доставляемыхъ имъ мѣстнымъ положеніемъ Чернаго моря. Екатерина испребовала свободный проходъ черезъ Дарданельскій проливъ; ея посредничествомъ дозволено было Пруссіи и народамъ Италіи свободное и безпрепятственное плаваніе по Черному морю. Между собою и Портою учредила она совмѣстничество, весьма вредное для сей послѣдней. Въ Крымскихъ своихъ приспанахъ Екатерина, для привлеченія торговли, могла доставлять оной всѣ возможныя удобности и могла обнадеживать важными выгодами купцовъ, чтобы побудить ихъ тамъ селиться.

„Порта должна была предвидѣть сіи неудобности; но ни Порта, ни Пруссія, ни Австрія, ни Франція, ни Англія не могли сопротивляться уму Екатерины: всѣ сіи Державы были движимы превосходнымъ ея умомъ и были противъ воли приведены въ такое состояніе, какое прилично было ея выгодамъ и ходу ея политики.“

Блескъ побѣдъ, расчеты дальновидной политики, все перемѣняется, все изчезаетъ въ теченіи времени: торжественные памятники раздробляются подъ разрушительною рукою времени; остается только то, что сердце и милосердіе предлагаютъ сердцамъ; безсмертія любви и милосердія никто не отниметъ у Екатерины. Душа ея жила добромъ и для добра. Государственные свои подвиги предоставляла она суду потомства; но по неутомимой душевной благости желала, чтобы каждый изъ ея подданныхъ столько былъ щастливъ, сколько то возможно было по состоянію его. Всѣ добрые Государи потому единственно переходятъ въ потомство, что они жили для современниковъ своихъ и въ щастіи ихъ заключали лучшее ща-

стіе. Будущее принадлежитъ Провидѣнію, а настоящее Царямъ отцамъ. *Жить и давать другимъ жить* — было главнымъ правиломъ Екатерины Второй. Жизни своей не отдѣляла она отъ жизни своего народа. Назначая одного изъ нынѣшнихъ вельможъ въ тогдашніе Петербургскіе Оберъ- Полиціймейстеры, она ему сказала: *Когда вы въ разрѣшеніи чего нибудь усумнитесь, то докладывайте мнѣ, своему Генералъ - Губернатору; естьли же онъ, по мнѣнію вашему, погрѣшительно опредѣлитъ, то посовѣтуйтесь со мною, какъ съ своимъ другомъ; естьли ихъ будетъ для васъ недостаточно, то прибѣгните ко мнѣ, какъ съ своей матери.*

Предки наши отъ избытка любви сердечной величая добрыхъ Князей своихъ, называли ихъ *солнцемъ земли Руской*. Екатеринѣ дано было такое же наименованіе. 19 Января 1787 года Преосвященный *Георгій Конійскій* привѣтствовалъ ее во *Мстиславлѣ* поздравительною рѣчью, хотя и украшенною витійствомъ, но дѣйствительно почерпнутою изъ глубины сердецъ Русскихъ. „Всепресвѣтлѣйшая Императрица!“ вѣщалъ онъ: „оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обра-

ящается: наше солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, Милосердая Государыня, яко женихъ отъ черпога своего; радуешися, яко исполинъ тещи путь отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрываешся благодѣтельныя теплоты твоея. Хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствомъ, и горькими хожденіями твоими сидимъ сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, яко же Израиль во дни Соломона, однако солнечному цвѣту подобясь, туда очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое. . . Тецы убо, о солнце наше! спѣшно; тецы исполинскими стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ, къ Западу только твоей жизни не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наши простирая къ небу, возопіемъ: *Стой солнце и не движись, дондеже вся великимъ твоимъ намѣреніямъ торжественно покорими.*“

Ломоносовъ еще прежде духовнаго Виѳіи, уподобляя Екатерину животворительному свѣтилу дня, сказалъ:

„Твой трудъ для насъ обогащенье,
А неусыпность нашъ покой.“

Сіи стихи написаны были 1764 года. И такъ Екатерина при самомъ вступленіи на престолъ отреклась отъ самой себя — для блага Россіянъ.

Изъ всѣхъ качествъ Петра Перваго Екатерина всего болѣе уважала то превосходное качество, которое, при всей запальчивости нрава, заставляло сего Государя покоряться гласу истины и правоты. Екатерина и сама по пламенной душѣ подвержена была запальчивости, а по слабости, свойственной и величайшимъ изъ смертныхъ, не вдругъ внимала истинѣ; но за то какъ торжественно сознавалась въ скоротечной своей ошибкѣ! Вотъ примѣръ тому. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, недовольный Екатериною по обстоятельствамъ политическимъ, болѣе года не являлся ко Двору; сказываясь больнымъ, разъѣзжалъ по городу и не принималъ бумагъ, присылаемыхъ на имя его. Сердясь на упрямство его, Екатерина по добротѣ сердечной, огорчилась равнодушіемъ своего чиновника. Между тѣмъ Англинскій посолъ *Гарисъ* склонилъ на свою сторону Князя

Потемкина и другихъ; сама Екатерина пристала къ ихъ мнѣнію. При семъ случаѣ, забывъ личность свою, и помышляя только о славѣ Екатерины и Отечества, онъ писалъ къ ней: *Слабость здоровья не истребила во мнѣ любви къ Отечеству. Предполагаемой союзъ вреденъ для пользъ Россіи. Въ Европѣ скажутъ, что отъ боязни соединилась Россія съ Англіей. Одно слово Екатерины давало перевѣсъ въ Европѣ. Для соблюденія общей тишины нужно не пособіе, но одно ея посредничество.* Екатерина спѣшитъ въ домъ Графа; застаетъ его спящимъ въ креслахъ; входитъ въ другую комнату и не приказываетъ его тревожить. Но Графа разбужаютъ. Онъ торопится одѣться присмойнѣе; Екатерина предупреждаетъ сію заботу входомъ своимъ и говоритъ: *Графъ! ты на меня сердился; я сама была тобою недовольна. Теперь мы опять друзья. Я пріѣхала благодарить тебя за любовь твою къ Отечеству.*

Другой случай свидѣтельствуетъ, что праводушная Екатерина даже въ присутствіи цѣлаго Сената уступила справедливымъ замѣчаніямъ. Пріѣхавъ однажды въ Сенатъ, который часто посѣщала, пред-

ложила она новое свое постановленіе о соли и сама оное читала. Всѣ Сенаторы, кромѣ Графа Петра Ивановича Панина, превозносили сіе постановленіе необычайными похвалами. Графъ Панинъ сидѣлъ и молчалъ. Оборотясь къ нему, Екатерина спросила: *Вы, я вижу, Графъ! противнаго съ другими мнѣнія?* — *Государыня!* отвѣчалъ Графъ: *мои сотоварищи благодарили васъ за себя, а не за меня; но разсуждать мнѣ послѣ вашего повелѣнія уже не пристойно.* — *Нѣтъ!* сказала Екатерина: *это одно предложеніе; посмотрите: бумаги мною не подписаны; говорите свободно, я того требую.* Графъ просилъ снова выслушать читанное. Всѣ усѣлись. Екатерина снова повторила свое предложеніе, а Графъ при каждой статьѣ дѣлалъ свои возраженія. Екатерина съ Ангельскою кротостію соглашалась; перечернивала бумагу и не оставила ни одной строки.

Къ довершенію славы сего подвига остается только предложить собственныя слова Екатерины. „Кто нелицемѣрно радѣетъ о пользѣ дѣлъ своихъ, тотъ выслушиваетъ совѣты. Любя истину, я почита-

лабъ ее и тогда, когда бы она и непріятна мнѣ была."

Екатерина отъ всей души желала, чтобы народъ ея былъ щастливѣйшимъ народомъ во вселенной; но убѣдясь опытомъ, что *совершенства нѣтъ на землѣ*; она соразмѣряла желанія свои съ возможнымъ щастіемъ, свойственнымъ человѣчеству. *Я знаю людей*, говорила скромная Екатерина: *каждый изъ нихъ имѣетъ страсти; и есть люди, которыми правятъ другіе.* Дворянъ старалась она одушевлять любовью къ Отечеству; а жребій трудолюбивыхъ поселянъ всегда облегчала уменьшеніемъ повинностей. — Въ сіяніи побѣдоносныхъ торжествъ она занималась симъ подвигомъ, какъ нѣжнѣйшая Матерь народа. Въ Манифестѣ отъ 19 Марта 1775 года сама сердечная любовь изрекла сіи слова: „Когда вообразимъ тѣ пути, которыми Божій промыслъ благоволилъ насъ провести до толикія славы, находимъ, что все то было дѣйствіемъ видимыхъ его чудесъ, какъ то всякъ, на память приведя оныя побѣды, кои въ прошедшую войну были утѣшеніемъ Россіи, а свѣту удивленіемъ, признать должень нелицемѣрно. Толикія чувствуя мы возло-

женныя на совѣсть нашу отъ благодѣтельствующаго намъ Творца обязательства, почитаемъ за неотрицаемый долгъ свой открыть Ему сердечную и искреннюю благодарность; но чѣмъ оное изъявить можемъ? Свойство и существо Его есть человѣколюбіе; и по слову Его свящшому, милости Онъ хощетъ, а не жертвы. Почему мы и положили принести Ему жертву нашея благодарности оказаніемъ нашему народу, вѣрнымъ и любезнымъ Отечества сынамъ, милостей, выгодъ и облегченій, дабы онъ, имѣвъ участіе въ необходимыхъ войны трудностяхъ, имѣлъ справедливое участіе и въ выгодахъ, сполъ преславнымъ миромъ намъ отъ Бога дарованныхъ. Изъ приложенныхъ при семъ и изъясненныхъ даруемыхъ народу нашему милостей всякъ видѣть можетъ, колика есть Матерняя наша къ вѣрноподданнымъ любовь, снисходящая даже до малыхъ подробностей, служащихъ къ народному облегченію; ибо мы блаженство свое и увеселеніе поставляемъ единственно въ доставленіи подданнымъ нашимъ мирнаго и всякимъ довольствіемъ снабдѣннаго жительства.“

Иностранные писатели увѣряютъ, будто бы Екатерина всю Россію намѣрена была превратить въ военную область и будто бы, сообразно правиламъ Фридерика Втораго, она хотѣла, чтобы всѣ ея подданные управлялись воинскимъ уставомъ (*). Возразимъ на сіе ложное мнѣніе собственными словами Екатерины. Въ письмѣ своемъ отъ 8 Августа 1773 года Румянцевъ жаловался на *поздній приводъ рекрутъ*; Екатерина отъ 8 Сентября того же года отвѣчала: „Что до рекрутскаго набора и привода надлежитъ, то вамъ самимъ извѣстно, что Государство не въ единой части военной состоитъ, а въ разныхъ; а дабы не разстроить самую величайшую, то есть хлѣбопашество, потому въ осенніе мѣсяцы такой приводъ и бываетъ.“

Сочинители Французской *Минервы* увѣряли 1820 года, будто бы Екатерина *домогалась погрузить народъ свой во тьму невѣжества*. Всѣмъ извѣстно, что Екатерина не полько основала народныя училища, но и сама сочинила для народа азбуку. *Способ-*

(*) Военное искуство древнихъ и новыхъ народовъ, изданное 1805 года въ Парижѣ Г. Лавернемъ. стр. 245.

ность подданныхъ, говорила она: *довѣренностію поощряется*. Она убѣждена была, что подданные ее любили, а потому и не страшилась того просвѣщенія, которое умѣетъ цѣнить подвиги любви и довѣренности. Но любя истинное и скромное просвѣщеніе, она не любила шѣхъ полуученыхъ, которые мечтая, что по тщеславнымъ замысламъ своимъ могутъ разпоряжать вселенной и около самихъ ничего на видятъ. „Трудно“ говоритъ Екатерина: „имѣть дѣло съ полоученьими; ихъ всякая мѣлочь останавливаетъ. Съ человѣкомъ умнымъ и одареннымъ превосходною душою изо всего извлечешь пользу (*).“

Но должно прибавить, что превосходные умы, способные *извлекать изо всего пользу*, были и всегда рѣдки будутъ на лицѣ земли „Легко разрушать,“ говорила Екатерина: „но трудно созидать. А истинная премудрость заключается въ созиданіи.“ Сія *зиждительная премудрость* бо-

---

(*) Всѣ приводимыя здѣсь изрѣченія дѣйствительно принадлежатъ Екатеринѣ. Не желая развлекать чтенія выписками, я не означаю книгъ, откуда что почерпалъ.

лѣе всего любить охранять и миловать человѣчество. „О, какъ пріятно видѣть“ вѣщала она голосомъ Ангельской любви: „какъ пріятно видѣть при каждомъ случаѣ чувствительность, милующую человѣчество! даже и въ преступникѣ я вижу человѣка.“

Екатерина страстно любила честь Россіи. Однажды, препоручая А. В. Храповицкому купить Фридериковы сочиненія, изданныя по смерти его, она сказала: *Я можетъ быть сама напишу замѣчанія.* Извѣстно, что Фридерикъ Второй особенно хвалилъ грозное правленіе Анны или лучше сказать Бирона.

Были и при Екатеринѣ люди, ничѣмъ недовольные, потому что не могутъ быть довольны ни жребіемъ своимъ, ни подвигами любви и милосердія. Но по признанію современниковъ великой Матери Россіянъ, злобу, происки и предубѣжденія такихъ людей опражала она кротостію и прощала, какъ Божество.

Твердѣйшею подпорою Царствъ и душою народнаго бытія Екатерина почитала Вѣру. „Вѣра“ говоритъ она въ Запискахъ своихъ касательно Россійской Исто-

ріи: „Вѣра подъ тяжкимъ игомъ Татаръ сохранила существованіе Россіи.“

Любя Руской народъ, Екатерина любила и древнія Рускія преданія. Она жила и въ прошедшемъ и въ настоящемъ времени нашего Отечества. Древняго лѣтописателя Нестора называла она *праводушнымъ*. Сей праводушный историкъ о Владимирѣ Мономахѣ сказалъ, что *онъ такъ заботился о благѣ своихъ подданныхъ, какъ нѣжная мать заботится о щастіи своихъ дѣтей.* Приложимъ сіи слова къ Екатеринѣ и скажемъ: „Екатерина Вторая, истинная Матерь народа, такъ любила подданныхъ своихъ, какъ нѣжнѣйшая мать любитъ своихъ дѣтей.“

Конецъ десятой Части.